

ISSN 2524-0285

Вестник Донецкого национального университета

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
*Основан
в 1997 году*

Серия Б
Гуманитарные
науки

2/2017

**Редакционная коллегия журнала «Вестник Донецкого национального университета.
Серия Б: Гуманитарные науки»**

Ответственный редактор – д. филол. наук, проф. **В.И. Теркулов**.

Заместитель ответственного редактора – д. филол. наук, проф. **О.Л. Бессонова**

Ответственный секретарь – канд. ист. наук, доц. **В.В. Разумный**

Члены редколлегии: д. филос. н., проф. **Т.А. Андреева**, д. филос. н., доц. **Е.В. Андриенко**, д. н. по соц. ком., проф. **И.М. Артамонова**, д. филол. н., проф. **Ш.Р. Басыров**, д. и. н., проф. **А.В. Бредихин**, д. пед. н., проф. **А.И. Дзундза**, д. филол. н., проф. **И.И. Дяговец**, д. филос. н., проф. **Н.Н. Емельянова**, д. пед. н., проф. **Е.Г. Евсеева**, д. филол. н., проф. **В.Д. Калиущенко**, д. и. н., проф. **А.В. Кияшко** (Южный Федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация), д. пед. н., проф. **М.Г. Коляда**, д. филол. н., проф. **О.А. Кравченко**, д. филол. н., проф. **С.Е. Кремзикова**, д. и. н., проф. **Е.Ф. Криנקо** (Институт социально-экономических и гуманитарных исследований, Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Российская Федерация), д. полит. н., проф. **Т.И. Мармазова**, д. филос. н., проф. **Д.Е. Муза**, д. и. н., проф. **В.Н. Никольский**, д. филол. н., проф. **А.В. Петров** (Таврическая академия Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация), д. филол. н., проф. **Л.А. Петрова** (Крымский инженерно-педагогический университет, Российская Федерация), д. пед. н., проф. **П.В. Плотников**, д. пед. н., проф. **Е.И. Скафа**, д. филол. н., проф. **В.В. Федоров**, д. филол. н., проф. **А.Л. Факторович** (Кубанский государственный университет, Российская Федерация), д. и. н., доц. **Л.Г. Шепко**, д. филол. н., проф. **Л.Н. Ягупова**

Editorial Board of the journal “Bulletin of Donetsk National University. Series B: Humanities”

Editor-in-Chief – Doctor of Philology, Prof. **V.I. Terkulov**.

Deputy Editor-in-chief – Doctor of Philology, Prof. **O.L. Byessonova**

Executive Secretary – Candidate of History, Associate Prof. **V.V. Razumnyi**

Members of the Editorial Board: Doctor of Philosophy, Prof. **T.A. Andreeva**, Doctor of Philosophy, Associate Prof. **Ye.V. Andrienko**, Doctor of Social Communications, Prof. **I.M. Artamonova**, Doctor of Philology, Prof. **Sh.R. Basyrov**, Doctor of History **A.V. Bredikhin**, Doctor of Pedagogy, Prof. **A.I. Dzundza**, Doctor of Philology, Prof. **I.I. Dyagovets**, Doctor of Philosophy, Prof. **N.N. Yemelianova**, Doctor of Pedagogy, Prof. **Ye.G. Yevseeva**, Doctor of Philology, Prof. **V.D. Kaliuščenko**, Doctor of History, Prof. **A.V. Kiyashko** (Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation), Doctor of Pedagogy, Prof. **M.G. Kolyada**, Doctor of Philology, Prof. **O.A. Kravchenko**, Doctor of Philology, Prof. **S.Ye. Kremzikova**, Doctor of History, Prof. **Ye.F. Krinko** (Institute for Socio-Economic and Humanities Research, Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation), Doctor of Political Sciences, Prof. **T.I. Marmazova**, Doctor of Philosophy, Prof. **D.Ye. Muza**, Doctor of History, Prof. **V.N. Nikol'skiy**, Doctor of Philology, Prof. **A.V. Petrov** (Taurida Academy of Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky, Simferopol, Russian Federation), Doctor of Philology, Professor **L.A. Petrova** (Crimean Engineering and Pedagogical University, Simferopol, Russian Federation), Doctor of Pedagogy, Prof. **P.V. Plotnikov**, Doctor of Pedagogy, Prof. **Ye.I. Skafa**, Doctor of Philology, Professor **A.L. Faktorovich** (Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation), Doctor of Philology, Prof. **V.V. Fyodorov**, Doctor of History, Associate Prof. **L.G. Shepko**, Doctor of Philology, Prof. **L.N. Yagupova**.

Адрес редакции: ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
ул. Университетская, 24, 283001, г. Донецк

Тел: +38 062 302-92-33

E-mail: terkulov@rambler.ru, razumnyi.vitalii@yandex.ru

URL: <http://donnu.ru/vestnikB>

Научный журнал «Вестник Донецкого национального университета. Серия Б: Гуманитарные науки» включён в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук (приказ МОН ДНР № 1134 от 01.11.2016 г.) по следующим группам научных специальностей: 10.01.00 – Литературоведение; 10.02.00 – Языкознание; 07.00.00 – Исторические науки и археология; 09.00.00 – Философские науки; 13.00.00 – Педагогические науки.

Печатается по решению Учёного совета ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

Протокол № 7 от 29.09.2017 г.

© ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», 2017

**Вестник
Донецкого
национального
университета**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 1997 ГОДУ

Серия Б. Гуманитарные науки

№ 2/2017

СОДЕРЖАНИЕ

Филология

<i>Хитеева В. С.</i> Памяти учёного Петра Тимофеевича Тимофеева	6
<i>Журавель К. С.</i> О вечной жизни на страницах книг	13
<i>Шепелева О. А.</i> Тимофеев Пётр Тимофеевич – самобытный фольклорист, прекрасный педагог, настоящий человек	21
<i>Балко М. В., Осипова А. Н.</i> Тематические группы профессионализмов, используемых в речи шахтеров, как отражение их мировосприятия (на материале фольклорных текстов)	27
<i>Белоконь С. А.</i> Особенности субъектной организации интеллектуального романа (на материале романа К. Вагинова «Труды и дни Свистонова»)	31
<i>Кишко С. Н.</i> Коммуникативно-прагматическое макрополе модерации: синергетический аспект	36
<i>Сапожникова О. С.</i> Немецкий врач Иероним Бруншви́г, русский книжник Сергей Шелонин и город мастеров Вюрцбург	41
<i>Сорокин А. А.</i> Принципы кодекса чести в романе «Дубровский» А.С. Пушкина	52
<i>Филатова В. А.</i> «Рассказ татарина» Н. Дуровой – фольклорная песнь татарского народа	59
<i>Бондарчук Т. А.</i> Лексико-семантические группы слов профессиональной шахтерской лексики (в произведении Б. Горбатова «Донбасс»)	65
<i>Вичкитова А. М.</i> Две концепции реализма в работах И.П. Смирнова	71
<i>Вишнякова Н. М.</i> Глагольные средства выражения пространственных отношений в текстах полесских устных народных рассказов о ведьмах	78
<i>Медяник О. А.</i> Временная символика (лето) в творчестве украинских и русских поэтов	81
<i>Потийко Л. П.</i> Поэтика заговоров с концептом «вода»	87
<i>Ткаченко Н. О.</i> Богослужбные песнопения в «Слове о мироносицах» свт. Кирилла Туровского	92

<i>Федотова К. С.</i> Заголовок словарной статьи как проблема поэтонимографии (на материале произведений Н.С. Гумилева)	101
<i>Хитеева В. С.</i> «Добрые дела не исчезают»: семантическое поле пословиц и поговорок Донбасса с концептами «труд», «дело» и «безделье»	108
<i>Шепелева О. А.</i> Ситуации пограничья примет, суеверий, поверий в демонологии (по материалам международных фольклорно-этнографических экспедиций на Верхний Дон)	114

Педагогика

<i>Диканова Е.Г., Бережная Л.И.</i> Классика инноваций образовательных технологий в условиях реализации профессионального стандарта «Педагог»	122
<i>Попова А.А.</i> Опыт использования фольклорных жанров и коллективных форм творчества в дошкольном воспитании и начальном обучении	127
<i>Уманец С.Ф.</i> Эволюционно-онтологическая концепция подготовки будущих педагогов профессионального образования к прогностической деятельности	137
<i>Рогова В.С.</i> Роль конкурентоспособного инженера в области международного сотрудничества	142
Правила для авторов	147

Bulletin of Donetsk National University

SCIENTIFIC JOURNAL

FOUNDED IN 1997

Series B. Humanities

№ 2/2017

CONTENTS

Philology

<i>Khiteeva V.S.</i> In memory of a scientist (Pyotr Timopheevich Timopheev)	6
<i>Zhuravel K.S.</i> On life eternity on the pages of books	13
<i>Shepelyova O.A.</i> Timopheev Peter Timopheevich – an original specialist in folklore, a remarkable lecturer, a wonderful person	21
<i>Balko M.V., Osipova A.N.</i> Thematic groups of the miners' professionalisms as a reflection of their worldview (in the folklore texts)	27
<i>Belokon S.A.</i> Peculiarities of subject framing in the intellectual novel (in K. Vaginov's novel "Works and Days of Svistonov")	31
<i>Kishko S.N.</i> Communicative-pragmatic macrofield of moderation: synergetic aspect	36
<i>Sapozhnikova O.S.</i> German doctor Hieronymus Brunschwig, Russian bookscriber Sergius Shelonin and city of masters Würzburg	41
<i>Sorokin A.A.</i> The principles of the code of honour in the novel "Dubrovsky" by A. S. Pushkin	52
<i>Filatova V.A.</i> "The Tatar's Tale" by N. Durova is the folklore song of the Tatar people	59
<i>Bondarchuk T.A.</i> Lexical-semantic groups of professional mining vocabulary (in the novel "Donbass" by B. Gorbатов)	65
<i>Vichkitova A.M.</i> Two Concepts of Realism at Works of Igor P. Smirnov	71
<i>Vishnyakova N. M.</i> Verbal means of expressing spatial relations in Polesye folk stories about witches	78
<i>Medyanik O.A.</i> Time symbolics (summer) in the creativity of Ukrainian and Russian poets	81
<i>Potijko L.P.</i> Poetics of spells with the concept "water"	87
<i>Tkachenko N.O.</i> The liturgical hymnography in the context of Kiril Turovskiy's "Words about the bearers"	92

<i>Fedotova K.S.</i> Title of dictionary item as poetonymography problem (a case study of literary works by Nikolay Gumilev)	101
<i>Khiteeva V.S.</i> "Good business does not disappear": the semantic field of proverbs and sayings of Donbass with the concepts "works", "business" and "idleness"	108
<i>Shepelyova O.A.</i> Borderline omens, superstitions and beliefs in demonology (based on the results of international folk-ethnical field studies in Verkhii Don)	114

Pedagogy

<i>Dikanova E.G., Bereznaya L.I.</i> The classic of innovation of educational technologies in conditions of implementation of professional standard "Teacher".	122
<i>Popova A.A.</i> Folklore genres and collective forms of creativity in preschool and primary school education: experience of use	127
<i>Umanec S.F.</i> Evolutional-ontological concept of preparing future teachers of vocational training to prognostic activity	137
<i>Rohova V.S.</i> The role of the competitive engineer in the international cooperation	142
Guidelines for authors	147

*Памяти
кандидата филологических наук, доцента
Петра Тимофеевича Тимофеева*

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 801.81

ПАМЯТИ УЧЕНОГО ПЕТРА ТИМОФЕЕВИЧА ТИМОФЕЕВА

© 2017. В.С. Хитеева

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье-посвящении описывается жизненный и творческий путь, этапы профессионального становления знаменитого фольклориста, доцента кафедры истории русской литературы и теории словесности Донецкого национального университета – Петра Тимофеевича Тимофеева – ученого, посвятившего свою жизнь изучению культуры родного края: Донбасса, Дона и Похопёрья, греческого Приазовья.

Ключевые слова: жизненный путь и судьба, ученый-фольклорист, П.Т. Тимофеев, фольклор Донбасса, село Торское Краснолиманского района Донецкой области, традиция и современность, кафедра истории русской литературы ДонНУ

Феномен судьбы очень значим при выборе жизненного пути, несмотря на то, верит человек в себя как вершителя и творца или в то, что все предопределено свыше. Так жизненный и профессиональный путь ученого нам показывает самое искреннее следование призванию и служение человечеству.

Пётр Тимофеевич всегда шел своим путем, избирал не легкий, но свой путь – путь, в котором было бы интересно и вольно, где есть обязательства, но нет довлеющей проторенной колеи, которая нещадно полосует живую плоть земли.

Помню экзамен по фольклору на первом курсе, как будто это было вчера. Мне попался вопрос о свадебном обряде в селе Торском. Так получилось, что его не было в перечне общих вопросов для подготовки, но по воле случая, перед самым началом экзамена я решила перечитать для успокоения введение и несколько глав книги «Добрые дела не исчезают», где как раз шла речь о свадьбе в селе Торском. Казалось бы, судьба улыбалась мне. Но нет, я умудрилась поставить ударение в названии села вместо первого слога на последний, и все полетело в тартарары. Преподаватель даже ни разу не поднял на меня свой взор после исправления. Мне ничего не оставалось делать, как собрать всю силу духа и продолжить рассказ об обряде сватовства, о венчании, трех днях свадьбы и отделении молодых согласно традициям села Торского Краснолиманского района Донецкой области...

...Во время ответа я была остановлена, на второй вопрос экзаменационного билета отвечать не пришлось. Понуриив голову, я вышла из аудитории и даже не надеялась, что получу «отлично».

Село Торское было основано в 1706 году донскими казаками и переселенцами из Тора (город Славянск). Что касается самого названия села, то тут есть несколько трактовок: слово «тор» в переводе с тюркского означает *источник* (земля изобилует водными артериями); казаки – донские и слободские – создавали военные укрепления, пикеты, или, по-другому, *торы*. Не исключено, что имя Торское совмещает в себе оба эти значения.

Выходцами именно из этого села были родители ученого П.Т. Тимофеева: отец – Тимофей Петрович, по национальности русский, кузнец, мать – Мария Лукьяновна,

украинка, работала на хлебокомбинате. Со временем родовое гнездо в селе Горском становится дачей для благодатного отдыха на лоне природы, местом своеобразного паломничества. Ученый регулярно навещал родные места, ведь именно здесь появилась внутренняя духовная потребность записывать народные знания, присмотреться к традициям и обрядам населения.

Мы можем только догадываться, каким образом Пётр Тимофеевич нашел свое призвание, сферу профессионального интереса дела всей жизни. Ученый-полевик, который, кажется, исходил святые места Отечества маршрутом трудового подвига, тем самым сохранив для вечности слово народа, наследие истории и культуры родного края.

Благодаря пылливому уму и фундаментальному научному подходу в самом начале своего профессионального пути исследователь одновременно разрабатывал целый спектр научных направлений.

Так, при поддержке Н.В. Максимовой, жены проф. Е.С. Отина, которая читала курс «Современная русская литература (от Великой Отечественной войны до наших дней)» для учащихся IV курсов, в 1985 году П.Т. Тимофеев окончил стажировку при кафедре литературно-художественной критики и публицистики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Работа велась над темой «Методологические проблемы интерпретации традиций и новаторства в литературной критике 60-80-х гг.».

Именно Нинель Витальевна стала читать первой на филологическом факультете курс детской литературы, тем самым формируя представления о ее писателях, обращаясь к текстам в рамках анализа и как детский, и как взрослый читатель, чтобы, балансируя, вскрывать глубинную сущность текста. Может быть, именно под ее влиянием интерес к детскому фольклору у Петра Тимофеевича был довольно прочен на протяжении всей профессиональной деятельности.

В родном донецком университете ученый развивал тему «Песенный фольклор рабочей среды Донбасса (на материале записей 20-х гг. XX ст.) или «Пісенний фольклор робітничого середовища Донбасу (на матеріалі записів 20-х рр. XX ст.)» [6]. Русским и украинским языками Пётр Тимофеевич владел в равной степени свободно. В это время изначально выбранное понятие «русский фольклор» трансформируется в региональную форму проявления словесного коллективного творчества, особого внимания требовали описания песенной традиции донецкого края, традиции сказового и словесного творчества разноязычного фольклора Донбасса. 3 декабря 1996 года в специализированном ученом совете Киевского университета им. Тараса Шевченко Пётр Тимофеевич защитил кандидатскую диссертацию.

Знаменательным событием на пути становления ученого стал выход книги «Добрые дела не исчезают» [1] в Москве в 1987 году в издательстве «Молодая гвардия». Это первое издание текстов фольклора Донбасса – сборник с народными лирическими и шахтерскими песнями, легендами, частушками, пословицами и поговорками, сказами, записанными Петром Тимофеевым в период с 1980 по 1986 год. Монография была удостоена премии им. А.В. Ионова.

Изучение Петром Тимофеевым позднего песнетворчества рабочих Донбасса отражено в статьях разных лет: «Легенды шахтерского края» (1988), «Песенный репертуар рабочих Донбасса 1921-1925 гг.» (1991), «Вариативность и сюжетосложение позднего песнетворчества» (1992), «Принципы жанрообразования в рабочих песнях начала XX века» (1995), «"Нетрадиционные" формулы в поэтике позднего песнетворчества рабочих» (1995), «Традиции песенной лирики XVIII века и городской романс» (1996).

После защиты кандидатской диссертации Пётр Тимофеевич продолжает развивать тему фольклора Донбасса и издает ряд работ: «Обрядовый и шахтерский фольклор» (2000), «Шахтерский фольклор» (2001), «Шахтерские частушки» (2001), «Шахтер – чемпион! Из фольклора болельщиков «Шахтера» (2003), «Донецкий игровой фольклор Донбасса в современной записи П.Т. Тимофеева и Т.А. Ерохиной (июнь-август 2004 года)» (2005).

Одновременно производится сопоставительный, частеречный частотный анализ по изучению природы вариативности думового наследия украинского народа: «Структурный аспект дослідження українського героїчного епосу» (1999), «Автограф статті «Українське кобзарство» Дмитра Яворницького» (2001), «Частиномовний словник українських духовних віршів (псалмів)» (2002), «Частиномовний словник українських голосінь» (2002), «Імпровізація та новотворення кобзаря М. Кравченко» (2002) и др. Объектом исследования докторской (к сожалению не защищенной) диссертации выдающегося ученого стали структурные особенности жанра дум, вопросы текстологии украинского эпоса.

Благодаря неиссякаемому оптимизму и трудолюбию, человеколюбию, умению работать творчески и самоотверженно ученый обретает авторитет среди коллег. Пётр Тимофеевич всегда в курсе последних новостей в мире зарубежной и отечественной науки, восхищает окружающих педагогическим мастерством и эрудицией.

Расширяется исследовательское поле – ученый сам и вместе со студентами совершает рабочие разведывательные поездки по направлениям казачьего Дона, поселений приазовских греков в Донецкой области и в Крыму. Разыскания ознаменовались успехом и продолжилась работа, итог которой был подведен выходом в свет монографий [3; 5].

Петру Тимофеевичу не приходилось намеренно искать новые темы для исследований или сферу назначения будущих проектов, они сами находили его – сама жизнь ставила глобальные вопросы и вела в пути к их решению, давала благодатный материал. Неспроста каждая книга начинается как очередное увлекательнейшее путешествие: *«Много лет назад, отправляясь на Верхний Дон, я впервые услышал о незнакомой для меня реке с очень странным и непонятным названием “Хопёр”...»* [7], *«Когда мне было восемь лет, отец впервые взял меня с собой на родину. Из Горловки, точнее, Никитовки, до Красного Лимана мы ехали на электричке, затем пересели на автобус и через полчаса были на месте, в селе Торском...»* [4] и т.д. П.Т. Тимофеев обладал уникальной способностью находить очаги живой народной культуры, в которых тлеющие старинные традиции просвечивали и давали надежду нашему настоящему сохранить память о себе.

Казалось, сама судьба ведет этого внимательнейшего исследователя, чуткого к народному слову собирателя, бережно, любя, за руку. Поистине, ему встречались и становились самыми преданными друзьями, любившими его искренне и всем сердцем (а по-другому было и невозможно) просто удивительные люди – Елена Фирсова и коллектив ансамбля «Старина», Валентина Кубракова и коллектив ансамбля «Горница», проф. Федор Мартынович Селиванов и проф. Нина Ивановна Савушкина, внук великого русского писателя М.А. Шолохова – Александр Михайлович. Всечасную помощь и поддержку ученый всегда получал от своих самых близких друзей, коллег и наставников: В.М. Калинкина, Ф.Ф. Федорова, Л.П. Борисовой и Е.С. Отина.

Настоящим событием в культурной жизни Донбасса стал выход в свет в 2008 году монографии **«Протекших дней очарованье...»** (сказки, песни, частушки, присловья

Донбасса, записанные Петром Тимофеевым)» [4]. В книге впервые так широко и полно, с применением научных эдиционных требований к подобного рода текстам представлен фольклор Донбасса: свыше двух тысяч поэтических произведений (а если быть точным – 2053 текстовые единицы), записанных за четверть века на территории Донецкой и Луганской областей. *«Донбасс многим представляется огромным сплошным городом с шахтами, металлургией, машиностроением, химическим производством. Но, по сути, даже такие крупные города, как Донецк, Луганск, Макеевка, Горловка, Мариуполь, Краматорск исторически возникли как объединения поселков вокруг шахт, заводов, фабрик со своими традициями, которые варьируются даже в пределах близлежащих поселений. Край с богатейшим историческим прошлым и не менее богатой современностью хранит свою народную культурную традицию»* (Тимофеев П.Т.: 2008).

Цельность и разнообразие словесных произведений разных жанров, представленных в этом издании, а это – сказки и несказочная проза (шахтерские сказы, предания, былички, легенды), песни (обрядовые и необрядовые) и частушки, присловья и заговоры, детский фольклор (колыбельные песни, потешки, заклички, считалки, дразнилки, вызывания, пожелания, докучные сказки и присказки) и подробное, уникальное в своем роде, описание свадебного обряда села Торского, а также творчество болельщиков футбольной команды «Шахтер» – поражает, имеет огромное значение для науки.

Современное коллективное творчество городской среды отличается большей разветвленностью и многослойностью, нежели традиционный фольклор прошлого. Так, в современных записях сказки о животных стремятся к свернутости, бытовые ситуации и актуализированные сюжеты включаются в сказочное пространство или обыгрываются в частушке, что свидетельствует об активизации явления внутрижанровой диффузии и пластичности в использовании приемов образности по законам фольклора.

Наряду с современным фольклором индустриальной среды Донбасса поддерживаются и традиционные формы творчества, в частности обрядовый фольклор, на его периферии. Записанные Петром Тимофеевичем обрядовые песни (особенно свадебные) исполнялись менее десяти лет назад, особенно в северной и северо-восточной части Донбасса. Похоронные и рекрутские плачи и причитания встречались редко, но сохранялись в памяти информантов не смотря на то, что сведения об обряде были давно утрачены.

Своим трудом П.Т. Тимофеев продолжил собирательскую работу по фольклору рабочих Донбасса А.В. Пясковского, П.И. Ковешникова, Н.Г. Низовцева, П.Г. Беспощадного, Н.Д. Тарасенко, А.В. Ионова, которые трудились в этом направлении с 20 гг. XX века. В то время огромное количество текстов рабочего фольклора было опубликовано на страницах журналов «Просвещение Донбасса», «Забой», «Литературный Донбасс», «Социалистический Донбасс». Значимость этих записей в наши дни сложно переоценить. *«Мир поэтической культуры народа более хрупок, тонок по сравнению с предметами материального производства, но зачастую именно он более глубоко и полно передает саму атмосферу духовного наполнения эпохи, степень выражения исторического сознания народа»* [4].

Когда листаешь эту книгу, великолепно оформленную, с цветными иллюстрациями, сделанными народным художником Украины В.С. Шенделем, изумляешься ее целостностью и содержательностью. Фотографии Юзовки, горожан и картины их быта конца XIX – начала XX века, любезно предоставленные фондом

Донецкого областного краеведческого музея, придают исторической точности поэтическим реалиями подлинной народной жизни.

Каждый из разделов составлен по жанровому принципу принципиально с сохранением сквозной нумерации текстов. Знакомство с ними позволяет читателю выявить и понять закономерности появления и развития у народа эстетического восприятия жизни и окружающего мира. Изменения в структуре орнамента также отделяют один раздел от другого, показывают его специфику, а с другой стороны создают целостность, высокую организованность строя всего представленного материала. Это символика особого уровня, зашифрованный текст, который надо уметь читать. *«Каждая страница должна читаться, звучать, как хороший рассказ из уст прекрасного рассказчика. Работа над книгой – это, фактически, работа над оперой, где и музыка, и текст, и слова, и режиссура – все едино. И необходимо подать этот продукт красивым, чистым, талантливо и виртуозно»* (Шендель В.С.: 2008).

Это и коза в начале раздела детского фольклора, неслучайные шесть кур в разделе присловий, водяной – при заговорах, не говоря уже о символе розы и изображении бога Ярилы на обложке в центре, о канарейке, сидящей и поющей на карбидной лампе, – *«творческий потенциал шахтера осмысливает это все масштабно. Это символы не только Донбасса и угольного края, это символы певческой традиции вообще. Ведь шахтеры – не бездушные титаны, добывающие уголь из недр земли, у них сердце бьется, оно живое, оно трепещет, им свойственно чувство прекрасного»* (Тимофеев П.Т.; 2008). *«И вот вся это глубинная ирония и смекалка народная, эта концентрация мысли в конкретике поднимается на особое философское осмысление бытовых реалий. Подобное художественное решение очень интересно, не смотря на кажущуюся простоту. Например, пословицы внешне тоже очень просты, но там такая концентрация смыслов, там хранится накопленный опыт всего народа»* (Тимофеев П.Т.; 2008).

Органическая связь художественного решения и содержания книги позволяет легко входить в поэтическое пространство текстов.

Книга «Протекших дней очарованье... (сказки, песни, частушки, присловья Донбасса, записанные Петром Тимофеевым)» имеет гриф научно-популярного издания, а значит будет интересна любому заинтересованному читателю.

Кто такой фольклорист – последний романтик, труженик поля или святой подвижник? Пётр Тимофеев определял специалиста, способного к творческому и рабочему деянию, по наличию трех составляющих: 1) увлеченность; 2) интуиция 3) воображение. *«Фольклор – не образ жизни, не мировоззрение, фольклор – это такое явление, которое способствует человеческому общению на всех уровнях, взаимопониманию, диалогу человека и мира, фольклор присутствует всегда и касается всех. Фольклор – это особое пространство, особое мироустройство, миропорядок, бездонная глубина народной мудрости, к которой идешь-идешь и, как к краю горизонта, никогда не дойдешь. И слава богу!»* (Тимофеев П.Т.; 2008).

Может показаться, что увлечение собиранием фольклора у П.Т. Тимофеева носило случайный характер, постепенно увлекло, а сам фольклор стал той благодатной и благодарной целиной, по-настоящему теоретическое освоение которой находится только на начальном этапе; тем пространством, в котором живая работа со словом открывает новые измерения человеческих возможностей.

Со временем пришло острое понимание того, что традиция умирает, уходит в небытие целая эпоха со своим духовным богатством. Человек, осознавший это, уже чувствует на себе бремя ответственности и видит для себя особую миссию (миссию не

божественную, но ту, которая предполагает тяжкий труд) – то, что заставит его внутренне собраться и сконцентрироваться. *«Без этого наследия существовать народу не так легко. Потому что словом живет человек, и слово осуществляет настоящему его жизнь, его творчество, работу и вообще его осмысленное существование на земле. Традиция и знания о том, как люди жили, о чем они пели, что их волновало и беспокоило – это все передается на генетическом уровне, на уровне подсознания и языковом уровне. В самом начале я это только почувствовал, но не мог еще осмыслить как сейчас, это сейчас, значительно позже, пришло осмысление. Тогда я это только чувствовал, действовал по наитию, это было ощущение причастности»* (Тимофеев П.Т.; 2008).

Петра Тимофеевича интересовало не сколько слово записанное, а сама возможность рождения Слова настоящего – звучащего, которое еще не заостенело на бумаге, над которым еще можно думать, оно еще не конечно, не завершено.... Например, ему было не так интересно обнаружить у песенниц песенник или у местного гармониста-фронтовика дневник или стихотворения, опубликованные в местной газете, ему нужна была Встреча с человеком. Он часто любил загадывать загадки студентам, восстанавливать естественную способность понимать народную мудрость. Например, его излюбленное выражение *«ум без разума – беда»*, наверняка, слышали многие, но мало кто справился с задачей и подобрал к выражению украинский эквивалент.

Может показаться странным, но первым выбором в определении будущей сферы деятельности П.Т. Тимофеева была физика. Проучившись целый учебный год в Харьковском институте радиоэлектроники, Пётр Тимофеевич понял, что точности можно достичь только имея дело с самой главной наукой – Филологией, в том числе не исключая ее царицы математики (тезис проф. В.В. Федорова).

Говорят, специалист подобен флюсу. Без синтеза, без интеграции любая мысль – есть ложь. Вот, собственно, *«чем филолог отличается от нефилолога»*. В этом отношении Пётр Тимофеевич Тимофеев – и филолог, и фольклорист от Бога, человек удивительный по широте научных интересов и находившийся в постоянных творческих исканиях.

Собирание фольклора в современных условиях жизни – дело важное, ответственное и трудное. Нашей встречи с живым Словом противостоит и калейдоскопичность, осколочность современного сознания, и стандартизация жизни общества потребления, типизация мышления и информационного пространства в целом, мощное влияние урбанизационных процессов, штампов и клише на языковое сознание.

«Поэзия из жизни людей уйти навсегда не может, иначе человек перестает быть человеком, это робот на компьютере что-то там собирает, что-то там делает. Перед нами стояла очень сложная задача: с одной стороны, зафиксировать, а с другой стороны, – показать поэтический мир, который существует в условиях промышленного региона и поздней «приезжей» народной традиции быта, где, казалось, нет истоков, люди съехались из разных мест. А оказалось, что сам промышленный регион сформировал в этом позднем явлении особый духовный потенциал, со всеми сложностями, с влиянием литературы и искусства, со всем спектром возможностей, привнесенных культурных традиций, – интернационализм и мультикультура стали той благодатной почвой со свойствами открытой системы, в которой созрел и самовыразился такой неповторимый регион как Донбасс» (Тимофеев П.Т.; 2008).

Считаю, что наследие П.Т. Тимофеева в свое время вызовет большой интерес со стороны литературоведов и лингвистов, историков, археологов и этнографов, конечно

же фольклористов, философов от культуры и культурных антропологов – все найдут в его работах нечто для себя, для своих научных размышлений и умозаключений, для головы и для сердца.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Добрые дела не исчезают : Фольклор. сб. / Пётр Тимофеев; [Худож. В. Юдин]. – М. : Молодая гвардия, 1987. – 142 с.
2. Материалы интервью с В.С. Шенделем и П.Т. Тимофеевым // В.С. Хитеева, Донецк, 2008.
3. Материалы международных студенческих фольклорно-этнографических экспедиций Донецкого национального университета на Верхний Дон (Волгоградская и Ростовская области: 2001, 2003, 2005-2007, 2010-2012 гг.): монография / [П. Т. Тимофеев и др.]; под общ. ред. П. Т. Тимофеева; Донец. нац. ун-т. – Донецк: Юго-Восток, 2013. – 383 с.
4. Протекших дней очарованье...: сказки, песни, частушки, присловья Донбасса, записанные Петром Тимофеевым / [сост., авт. вступ. ст., подгот. текстов, слов. П.Т. Тимофеева]. – Донецк: Донбасс, 2008. – 219 с.
5. Старая Ласпа: поэтические традиции народной культуры греков-урумов. Исследование, тексты, приложение / П.Т. Тимофеев, И.В. Пуды; Донецкий национальный университет. – Донецк : ООО "Юго-Восток, Лтд", 2005. – 116 с.
6. Тимофеев П.Т. Песенный фольклор рабочей среды Донбасса (на материале записей 20-х гг. XX ст.) / Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.07. - фольклористика. Киевский университет имени Тараса Шевченко. Киев, 1996.
7. Тимофеев П.Т. Хопёр: история, быт, культура / П.Т. Тимофеев; [Худож. С. Гавриляченко] . – Калининград : Янтарный сказ, 1998. – 220 с.

Поступила в редакцию 10.05.2017 г.

IN MEMORY OF A SCIENTIST (PYOTR TIMOPHEEVICH TIMOPHEEV)

V.S. Khiteeva

The article describes the life and creative path, the stages of the professional formation of the famous folklorist and the senior lecturer at the Department of the History of Russian Literature and the Theory of Literature of Donetsk National University Peter T. Timopheev. The scholar devoted his work to the culture of his native land: Donbass, region of Don and Khopyor, the territory of the settlements of the Greeks of the Azov Sea in Donetsk region and the Crimea.

Key words: life path and destiny, scholar, folklorist, P.T. Timopheev, folklore of Donbass, village of Torskoye, Krasnolimansky district, Donetsk region, tradition and modernity, the Department of the history of Russian literature of DonNU.

Хитеева Виктория Сергеевна.

Преподаватель кафедры русского языка.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
E-mail: hiteeva.v@gmail.com

Khiteeva Viktoria Sergeevna.

Teacher of the Department of Russian Language.
Donetsk National University.
E-mail: hiteeva.v@gmail.com

УДК 801.81

О ВЕЧНОЙ ЖИЗНИ НА СТРАНИЦАХ КНИГ

© 2017. *К.С. Журавель*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье описывается специфика работы над изданием книги «Родословная семьи Дебелых». Представлены воспоминания соавтора о процессе написания данной книги, также речь идет об исторических аспектах исследования родословной, особенностях работы в архивах и полевого сбора материала. Статья написана спустя четыре года с момента выхода книги в свет, приурочена несвоевременному уходу из жизни автора — Петра Тимофеевича Тимофеева.

Ключевые слова: П.Т. Тимофеев, филолог, генеалогия, родословная, Дебелые, Степано-Крынка, Донецкий государственный архив.

Для настоящего учёного, который нашёл своё призвание, нет границ и пределов. Филология — широчайшее пространство, освоить которое не хватит целой жизни. Все ветви этого большого филологического дерева неразрывно связаны и произрастают из Слова, великого Логоса, которому служит каждый настоящий филолог.

Все знают Петра Тимофеевича Тимофеева как фольклориста. Его научные труды были посвящены традициям Верхнего Дона и Прихопёрья, а также фольклору рабочей среды Донбасса. Его экспедиции выезжали на места поселений греков в Крыму и Донецкой области. Там под его руководством была проведена огромная работа. Учёный посвятил профессиональному труду всю свою жизнь. Им было написано много статей и книг.

Студенты относились к работе в экспедициях не просто как к практическому летнему заданию. П.Т. Тимофеев обладал способностью выделить из целого потока студентов-первокурсников несколько пар глаз, для которых исследования и экспедиции становились таким же важным делом, как и для него самого. Филологов по призванию он чувствовал и в каждом из них видел таланты, которые, без сомнения, направлял в нужное русло для развития.

Зная Петра Тимофеевича как талантливого ученого, в свое время к нему обратились за помощью члены семьи Дебелых с просьбой узнать историю их рода. Оказалось, что уже ранее своими силами они пытались выяснить подробности, даже делали запросы в архивы и получили некоторую информацию. Однако отдавали себе отчет, что для настоящего исследования необходимо много времени, усердия, и совсем не лишним станет опыт полевой работы, скрупулёзная работа в архивах, а также умение систематизировать полученные данные.

Пётр Тимофеев предложил мне стать его помощником в проведении этого масштабного исследования. Я, выслушав его предложение, незамедлительно согласилась, потому что знала, насколько это будет интересно. Удивительно, но Пётр Тимофеевич всегда мог подобрать нужные слова и найти подход к каждому человеку. Тогда именно его вера в меня, в то, что с моей помощью у нас получится осуществить благое дело, придавала мне уверенности в собственных силах.

В 2010 году, в начале нашего совместного пути, Пётр Тимофеевич рассказывал мне о том, что исследования генеалогии с каждым годом набирают всё большую популярность. И уже потом, в процессе работы, я поняла, что он был совершенно прав. В каждом областном городе есть хотя бы один специалист, работающий в этой сфере, а

то и целые генеалогические центры и объединения, которые предоставляют широкий спектр услуг, связанных с выяснением родословной: от такой мелочи, как происхождение фамилии, до составления генеалогических древ и изучения семейной истории.

Во всех городах, в которых мне приходилось бывать со своей ответственной миссией в поисках родовых корней, я первым делом знакомилась с местными историками и исследователями, занимающимися этим направлением. Найти их не представляло особого труда — с утра и до самого вечера они кропотливо трудятся в архивах и библиотеках, куда я первым делом направлялась. Надо сказать, что для многих из них это стало профессией, смыслом жизни. Я же, делая только первые шаги, признавала в себе любителя. Сейчас я, как будто в калейдоскоп, смотрю в прошлое и вспоминаю, как, не имея никакого опыта, по наитию пыталась нащупать верный путь. Внимала тому, чем делились со мной уже опытные специалисты. Помню, один из них, по-моему, это было в Сумах, подарил мне резиновый наперсток — такой символичный сувенир, который, по словам исследователя, мне очень пригодится, потому что в поисках корней придётся перелистать тысячи страниц старинных фолиантов.

Несмотря на то, что у меня не было опыта в подобных исследованиях, мы с Петром Тимофеевичем путём проб и ошибок стали проводить наше исследование. Я уже к тому времени закончила вуз, и моя работа не имела связи с наукой. Наши отношения с П.Т. Тимофеевым были не «учитель — ученик», мы были равноправными исследователями. Я прислушивалась к советам наставника. Он же учитывал моё мнение и иногда советовался. Для нас обоих это была новая научная сфера деятельности. Но вместе оказалось проще разработать план действий, продумать схему работы. Мы не имели опыта в такого рода исследованиях, но в целом методология проведения работы была знакома: общение с людьми и сбор материала, расшифровка и дальнейшая его обработка, работа в архивах и библиотеках.

Первой задачей для нас стало непосредственное знакомство с семьёй Дебелых. Это были близкие и дальние родственники. К слову, в поисках корней мы объездили почти всю Донецкую область, познакомились с десятками людей, которых никогда не видели сами Дебелые. Беседы проводились неоднократно с одними и теми же участниками во избежание неточностей и неверного толкования полученной информации. Восстановить жизненный путь семьи удалось лишь осколочно, учитывая, что сведения родственников разнились между собой, складывалось двоякое представление о том или ином факте. Но были учтены все варианты, записанные нами, а также указания, кому принадлежит то или иное мнение. Они часами рассказывали мне всё, что осталось в их памяти, часто повторялись. Учитывалась не только точность информации, *«но и колорит речи, эмоциональное состояние родственников во время беседы, которые во время диалога полностью погружались в пространство ушедшего времени и вновь переживали события, трагедии, радости»* [1; с. 88]. Я тщательнейшим образом фиксировала все, даже самые незначительные подробности.

Помощь в работе оказывали и люди, которые не имели отношения к интересующему нас роду. Видя нашу заинтересованность и желание во что бы то ни стало отыскать нужные следы, они прилагали огромные усилия, чтобы помочь нам в поиске. *«Направляли на след архивные сотрудники, библиотекари, учителя сельских школ, работники музеев, жители сёл, соседи. Число людей, которых мы привлекли для исследования, превышает сотню»* [1; с. 5]. Общение с информантами не прекращалось с первого до последнего дня нашей работы. Мы по несколько раз уточняли одни и те же факты, уточняли данные, потому что с каждой последующей беседой по ходу

исследования собеседники вспоминали новые обстоятельства, дополняли ранее предоставленные сведения.

Выяснив достаточный объём информации, мы занялись архивными поисками, провели исследование в Государственном архиве Донецкой области, обработали все сохранившиеся в нём источники. Далее работа продолжалась в Ростовском, Сумском архивах. Получая новую информацию в иногородних архивах, мы несколько раз возвращались к поиску в Донецкий архив, поскольку объём работы расширялся. В родословном древе, которое мы составляли параллельно всё время в течение исследования, с каждым вносимым дополнением прибавлялось больше десятка имен.

Отдельно хотелось бы отметить специфику работы в архивах. За все время исследования мне довелось поработать в архивах четырёх городов: Донецка, Ростова-на-Дону, Житомира и Сум. В каждом из них своя атмосфера и предписанные правила поведения. Говоря о том, что для работы над родословной нужно время, я имела в виду не только то время, которое приходится тратить на сбор и обработку найденного материала. Это и время, которое было потрачено на то, чтобы добраться до этого драгоценного материала. В архивах существует очередь на обработку источников. Для удобства работы с метрическими книгами и ревизскими сказками архивные работники постепенно оцифровывают экземпляры, которые у них хранятся, и это должно экономить много времени, потому что так с одним и тем же источником одновременно могут работать несколько человек. К тому же, с каждым годом книги нескольких сот лет давности приходят в худшее состояние, с некоторыми из них работать уже невозможно. А ведь на их страницах, возможно, и находится тот самый необходимый материал.

Так, в Государственном архиве Донецкой области все источники, с которыми мы работали, были оцифрованы. А вот в Ростове, Сумах и Житомире мы работали с живыми книгами. Приходилось по несколько дней проводить в ожидании некоторых экземпляров, на работу выделяли по несколько часов, так что нужно было торопиться. Помню, что в первую нашу совместную с Петром Тимофеевичем поездку в Ростов нам пришлось отложить работу в связи с тем, что из-за погодных условий и чрезмерной влажности нужные нам книги оказались недоступными для обработки. Из-за частичного разложения бумаги их хранят в специальных условиях, соблюдая определённый температурный режим. Пришлось повторить поездку, чтобы всё-таки получить нужный материал.

Без сомнения, оцифровать необходимо всё, что сохранилось в архивах, для того, чтобы время окончательно не стёрло следы прошлого. Но честно признаться, когда я листала толстые метрические книги, имевшие отношение к XVIII, XIX векам, в которых каллиграфически, с завитками старательно чернилами были исписаны таблицы, я не могла не погрузиться в незабываемую атмосферу старины. Эти трогательные ощущения переносили меня в ту эпоху, и мне казалось, что, закрыв глаза, я вижу перед собой сгорбленного старца, фиксирующего в сумраке факт рождения, смерти, бракосочетания. Признаться, когда я обнаружила след Дебелых в ревизской сказке за 1795 год, я застыла и не могла поверить в такую удачу. Я тщательно зафиксировала нужную мне запись, потом еще несколько минут не могла выпустить эту книгу из рук. С уверенностью могу сказать, что это самый старинный источник, который я держала в руках. Я искренне надеюсь, что он и подобные ему сохранятся еще долгое время стараниями архивных работников. Безмерно благодарна, что у меня была возможность поработать с таким ценным достоянием истории.

Надо сказать, что в генеалогическом исследовании невозможно ограничиться лишь установлением родственных связей и дат событий жизни. Это лишь часть общей

картины. Вначале, наверное, это было видимой задачей исследования. Но копнув глубже, мы поняли, что не обойтись без исторической подоплёки. И попутно с изучением архивных данных приходилось совершать экскурс в историю изучаемой эпохи. Только подумать, какой сложный путь прошли люди, о которых мы узнавали. Родственники, с которыми нам удалось лично пообщаться, застали и перестройку, и послевоенное время. Они поведали, как складывалась их жизнь в это время.

Из первых уст мы слышали истории со времён Великой Отечественной войны. *«Отряд под его предводительством <Андрея Яровенко> был организован в 1942 году, и таких образований было несколько в округе – и в Иловайске, и в Троицко-Харцызской слободе. В отряде Яровенко было 16 человек, 13 из них были сразу взяты фашистами и расстреляны, троим же удалось укрыться, но они были пойманы и расстреляны позже. Пострадали также родственники беглецов, были расстреляны родственники нескольких солдат за попытки спасти детей от верной смерти»* [1; с. 24]. Андрея Яровенко помнят все родственники, с которыми мы повстречались. Несмотря на свой достаточно юный возраст (он погиб в возрасте 20-21 года), Андрей стал настоящим героем войны и живёт в сердцах всех, кто его знал, и кому о нём поведали.

Поколение семьи Дебелых застало и времена царской России. Все помнят Фёдора Мануиловича Дебелого и рассказывают о его жизни: *«Известно, что он пошёл по военной стезе, служил царю и отечеству с 1912 года и был участником первой мировой войны. Проходил действительную службу в элитных частях Ширванского полка, 1-я рота, охранявшая царское поместье и Воронцовский дворец»* [1; с. 35].

Ну а поскольку хронологически мы смогли добраться до конца XVIII века, то очевидно, что предки Дебелых жили во время крепостного права (которое было отменено только в 1861 году). В описях до 1861 года в графе с указанием имён говорилось следующее: «Слободы Кутейниковой помещицы генеральши Марфы Петровой Кутейниковой крестьянин...». С 1862 года формулировка несколько видоизменяется: «Слободы Степановки-Кутейниковой помещицы генеральши Марфы Петровой Кутейниковой временно-обязанный крестьянин...» [1; с. 120-121]. Ну а в последствие уже принадлежность какому-либо помещику полностью опускалась: «Слободы Степановки-Крынской крестьянин-собственник...» (могло быть просто «крестьянин», «мещанин», «дьячок», или же воинское звание: нам встретилось «отставной солдат»).

К сожалению, о жизни Дебелых в те времена у ныне здравствующих членов семьи достоверных сведений не сохранилось. Но бытует предание о том, что *«два брата Дебелых в возрасте около 10 лет были выменяны на собак некими наместниками и привезены в слободу Кутейникову <...>. Известно, что братья были сильными, крепкими по телосложению, и наместник, в поместье которого они жили, очень любил заниматься с братьями борьбой, зрелище устраивалось тогда по праздникам»* [1; с. 17].

Удалось найти некоторые сведения о родине Дебелых, селе Степано-Крынка. «Возникло село, предположительно, в конце XVIII века. Основателем его был генерал-майор Степан Ефимович Кутейников, который и заселил село Степано-Крынку около 1777 года» [1; с. 18]. По документам архива Ростовской области мы установили, что в 1792 году Дебелые были переселены помещиком Стефаном Ефимовичем Кутейниковым в слободу Степано-Крынскую из Черниговского наместничества, Глинского уезда, слободы Русановки (сейчас этот населённый пункт находится на территории Сумской области) [2; лист 137]. Выяснив, что корни семьи происходят из Сумской области, мы незамедлительно отправились в Сумской государственный архив

для получения новых фактов, сохранившихся там. Но изучение источников не дало нам желаемой информации, из-за частичной утери важных документов (сотрудники архива констатировали полное отсутствие ревизских сказок по интересующему нас периоду).

Мы выяснили, что в Русановке сейчас проживают Дебелые, но, как оказалось, Русановка – не их малая родина, туда они переехали лишь два десятка лет назад из Ровенской области, а установить, откуда были родом их прадеды, не удалось. Надеемся, что последующий архивный поиск даст новые более точные результаты. Без точных документальных подтверждений мы можем только предполагать, что, основав село Степано-Крынка, Кутейников заселил ее семьями своих же крестьян из другой волости. Но это лишь предположения, без которых в генеалогии не обойтись. А уже сохранившиеся документы их или подтверждают, или опровергают.

Учитывая, что территория нашего поиска велика и за последние годы была подвергнута масштабным изменениям, включая войны и революции, не все архивы сохранились в должной мере. Поэтому то, что мы смогли максимально точно углубиться более чем на две сотни лет, считаем удачей. Крайней точкой в нашем исследовании, подтверждённой архивными данными, стал конец XVIII века. Информация, сохранившаяся до наших дней, была найдена, изучена и тщательно обработана, а результаты этого труда представлены в издании. И, возможно, в последствие, продолжив работу, будет возможным обнаружить новые сведения, которые были утеряны.

Труд нескольких лет был претворён в памятную книгу «Родословная семьи Дебелых». В ней описаны все сведения, которые удалось узнать от родственников и почерпнуть из архивных источников. Мы опубликовали не только точные сведения, но и предположения, которые допустили, учитывая всю собранную информацию. Отдельной частью книги стала сводная таблица данных метрических книг, которые параллельно представлены в генеалогическом древе. Сопутствующим звеном этой общей генеалогической цепи стало описание некоторых исторических моментов, а именно клировых ведомостей церкви Покровской, которая уже давно разрушена, но ее помнят все родственники, в ней совершались таинства многих поколений. *«Молитвенный дом, выстроенный из дикого камня, покрыт тёмсом помещицы вдовы генерал-майорши Марфы Кутейниковой в оном положен Святой Антимен в 1835 году».* Так записано в *«ведомости о церкви Покровской, вновь строящейся, войска Донского, Миусского округа, слободы Степановки-Кутейниковой, за 1836 год»* [4].

Об этой же церкви рассказали нам и родственники, ее непосредственные прихожане. *«До 1967 года в Покровке была действующая церковь, которая находилась рядом с усадьбой управляющего, но её впоследствии разломали, взорвали <...>. Светлана Порфирьевна рассказала то, что знала о строительстве Покровской церкви, оно было очень длительным и скрупулёзным. Как поведала учительница, церковь строили на века – по её словам, церковь строили по метру в год, чтобы фундамент лучше уложился и был прочнее. Работой руководил известный французский скульптор, которого наняли для строительства Кутейниковы (имени его она, к сожалению, не знает). Светлана Порфирьевна помнит по рассказам своих предков, что строительством церкви руководила сама Марфа Петровна Кутейникова, она же выделила средства на это предприятие. Основу строительного материала составляли яичные белки, известковое молоко. Бабушки рассказывали Светлане Порфирьевне, что со всех жителей тогда собирали большое количество яиц для строительства. Она хорошо помнит, как разрушили церковь, до сих пор с ужасом вспоминает этот день. Это было примерно в 1967 году. «Сначала церковь закрыли, потому что прихожан*

было мало и церковь не окупалась, тогда власти и поставили жителям ультиматум: или открыть церковь, или уничтожить ее». Мама Светланы Порфирьевны Мария Андреевна Яровенко рассказывала, что ходила в сельсовет и просила, чтобы церковь не разрушали, а сделали из нее склад для зерна, но там не шли на уступки – и произошло непоправимое. Ничего нельзя было поделать – для разрушения церкви понадобилось намного меньше времени, чем для ее воздвижения. Взрыв был таким сильным, что из всех близлежащих домов вылетели окна, а глыбы, которые остались от стен, еще годы лежали, лишь напоминая о былом величии Покровской церкви. В храме был замечательный хор, для которого было отведено специальное место. Церковь была достаточно богата, Светлана Порфирьевна помнит, что в ней было много золота, иконы были старинные. А под церковью был подвал, там находилась усыпальница Кутейниковых, их гробницы были мраморными. Во время войны около церкви хоронили партизан-подпольщиков, это были молодые мальчики и девочки, которых в марте 1943 года безжалостно расстреляли» [1; с. 20-23].

Благодаря участию всех, с кем мы успели пообщаться, удалось не только поднять архивные документы, но и познакомиться с фотографиями дореволюционного и военного периода, позволившими нам выяснить подробности жизни некоторых представителей семьи, их военные звания, награды. Некоторые из них мы опубликовали в книге. На фотографиях отражены элементы быта, одежды, убранства тех времен. И в каждой семье эти фотографии и старинные документы пылились, храня в себе давность времени. Наверное, многие из тех, с кем мы работали, не до конца понимали, к чему приведут эти беседы, но охотно делились своими не только воспоминаниями, но и ценными предметами родовой памяти.

Проходя путь по следам ушедших лет, выясняя всё новые обстоятельства, мы, не теряя нити, пытались охватить весь масштаб истории. Постепенно обработав все данные, полученные из уст родственников, а также параллельно проведя большую архивную работу и сверив данные разных архивов, мы выявили десять поколений Дебелых и некоторых параллельных ветвей генеалогического древа по женским линиям. Это семьи Литвиновых, Дьяченко, Кусовых, Селивановых.

Периодически мы встречались и с Петром Тимофеевичем, и с Леонидом Леонидовичем Дебелым, который, собственно, инициировал это исследование. Мы продумывали и обсуждали дальнейший план действий. Я делилась своими находками с родственниками, и они сами были удивлены тем, как глубоко уходят корни их, оказывается, такой огромной семьи. Возможно, это несколько непрофессионально, но я почувствовала себя частью этой семьи. И каждый раз я искренне делилась своими переживаниями с П.Т. Тимофеевым. Для достижения результата мало быть просто кропотливым и старательным, нужно быть неравнодушным. Именно таким и был Пётр Тимофеевич. Поэтому все его работы проникнуты неравнодушием, любовью к Слову, к тому, чем он занимался. И этого неравнодушия он искал в своих учениках.

Итогом столь длительной и объёмной работы стала публикация книги: широкоформатной, на добротной бумаге, с таблицами, схемами, фотографиями и, конечно, воспоминаниями родных. Количество публикаций — 100 экземпляров. Заключительным этапом было развезти и подарить всем, кто нам оказал помощь и участие, по долгожданному экземпляру. Тогда же мы вернули взятые у родственников фотографии, документы. Взамен подаренных книг мы получили улыбки, удивлённые лица, даже слёзы на глазах растроганных людей, которые на страницах настоящей книги видели фотографии своих родителей, читали легенды о своих дедах, которые сами же и поведали нам. Тогда я и осознала всю важность проведённой нами работы.

Несколько экземпляров были разосланы по библиотекам Донецка, Москвы, Ростова-на-Дону. Но главные читатели — это, конечно, сами герои этой книги. И пока они есть, живёт и сама книга.

Честно признаться, мы с Петром Тимофеевичем не ставили точку в нашей работе и даже обсуждали продолжение исследований. Не случайно последняя глава ее названа «Вместо заключения». Останавливаться там, где есть пробелы и белые пятна, нельзя. Необходимость выпустить издание, используя имеющийся материал, была обусловлена тем, что многие родственники находятся в преклонном возрасте. И для нас очень важно было не только узнать всё об их семье, воскресить в памяти давно ушедших предков, но и успеть сделать это для еще живых потомков.

Каждый новый день, дающий надежду, веру в будущее, делающий нас мудрее, в то же время всё больше отдаляет от самого важного момента в жизни человека – его рождения. Детство, юность проходят быстрее, чем можно представить. И с наступлением зрелости человек задумывается о важнейших вещах: он пытается определить своё место в мире, предназначение. Именно тогда сознание возвращается к истокам, к прошлому, потому что только там коренятся причины всего и ответы на важные вопросы для каждого человека. И чем раньше вернуться к истории своих предков, тем больше информации можно восстановить, поскольку время неумолимо. Семья Дебелых одна из немногих, в которой уже сейчас хотят узнать о своих корнях настолько точно, насколько это возможно.

Сейчас, по прошествии нескольких лет с момента выхода книги, я смотрю на все совершенно другими глазами. События последних лет изменили всю нашу жизнь. И я очень рада, что мы успели провести наше исследование в мирное время, с возможностью посетить всех родственников, застали в живых важных информантов, которые поведали нам свои истории, ставшие частью большого целого.

Мы регулярно созваниваемся с членами семьи Дебелых, и каждый раз они благодарят меня и Петра Тимофеевича за то, что мы сделали для них. Я помню их даты рождения, а если сомневаюсь, всегда могу заглянуть в книгу и свериться с древом. Как это ни грустно, но иногда мои настоящие воспоминания омрачаются сообщениями о смерти некоторых из родственников, с которыми я когда-то познакомилась, и без которых не получилось бы такого ценного труда. И в такие моменты я понимаю, что, если я осмелюсь вернуться к начатой работе и продолжить исследование, придется вносить правки с датами смерти многих, кто еще недавно был жив. Считаю своим долгом Петру Тимофеевичу вернуться к генеалогическим исследованиям: семьи Дебелых, своей семьи, возможно, других родов. Как сложится всё, я могу себе только представлять, но я всегда буду помнить, с чего всё началось, и кто был моим вдохновителем и наставником. Вечная память Петру Тимофеевичу Тимофееву. Он жив в сердцах своих родных, своих учеников. И когда я буду по нему скучать, я обращусь к его книгам и трудам, потому что на их страницах он оставил частички своей души. И всегда учил этому нас, своих учеников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Родословная семьи Дебелых / П.Т. Тимофеев, К.С. Журавель. — Донецк: Юго-Восток, 2013. — 223 с.
2. Ф-301, оп. 24, д. 887. Ревизские сказки помещичьих крестьян 7 ревизии Миусского округа. 1795 г.
3. Сулин И. Материалы к истории заселения Миусского округа / Сборник Областного Войска Донского статистического комитета. Новочеркасск. Вып. 5. 1905.
4. Ф-226, оп.2, д. 2199. Клировые ведомости Благочинного протоиерея Федота Попова за 1836 год.

Поступила в редакцию 02.07.2017 г.

ON LIFE ETERNITY ON THE PAGES OF BOOKS

K.S. Zhuravel

The article describes the specifics of the work on the book "The Debelyes' Family Tree". The memories of the co-author about the process of writing this book are presented. The historical aspects of the family tree research are considered. The peculiarities of archive and field work in collecting the material are discussed. Being written four years after the book publication the article is timed to coincide with the author's unexpected death.

Key words: P.T. Timopheyev, philologist, genealogy, family tree, Debelye, Stepano-Krynka, Donetsk State Archive.

Журавель Ксения Сергеевна.

Магистр филологии.

E-mail: aksuwa_zhur@mail.ru,

aksuwazhur@gmail.com

Zhuravel Ksenia Sergeevna.

Master of Philology.

E-mail: aksuwa_zhur@mail.ru,

aksuwazhur@gmail.com

УДК 801:81

**ТИМОФЕЕВ ПЁТР ТИМОФЕЕВИЧ – САМОБЫТНЫЙ ФОЛЬКЛОРИСТ,
ПРЕКРАСНЫЙ ПЕДАГОГ, НАСТОЯЩИЙ ЧЕЛОВЕК**

© 2017. *О.А. Шепелева*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье рассказывается о фольклорно-этнографической работе и педагогической деятельности Тимофеева Петра Тимофеевича, доцента кафедры истории русской литературы и теории словесности филологического факультета Донецкого национального университета.

Ключевые слова: Тимофеев Пётр Тимофеевич, Хопёр, Верхний Дон, Старая Ласпа, фольклорно-этнографическая экспедиция.

Основная научно-исследовательская работа Петра Тимофеевича была посвящена теории и истории русского, украинского, греческого фольклора и шла параллельно с собирательской в Донбассе, Приазовье, на Верхнем Дону.

Оригинальным масштабным направлением научной деятельности исследователя в контексте отечественной фольклористики была работа Петра Тимофеевича на Верхнем Дону. Началась она в 1973 г. – это время первой экспедиции на Хопёр, и продолжилась в 1979, 1981 гг. В эти годы была проведена разведка *фольклорной территории*, сплошное обследование всего ПриХопёрья, результаты которого позволили в дальнейшем развернуть экспедиционную работу на Верхнем Дону, изучить фольклорную традицию бассейна реки Хопёр.

Об особой энергетике Хопра Пётр Тимофеевич писал: «Всякий раз, приезжая на Хопёр, иногда с кем-нибудь из новых друзей или знакомых, я наблюдал, что какая-то особая, непостижимая, загадочная сила этой реки притягивает вновь и вновь к себе. Не было случая, чтобы побывав однажды на Хопре, кому-либо не захотелось снова приехать сюда» [Тимофеев-1998, с.5]. Если Верхний Дон Пётр Тимофеевич определял как ареал локализации жизни верхового казачества, то Хопёр – как его центр. Неслучайно, во время экспедиционной работы в 2010 г. в станице Слащевской от Валентины Степановны Титовой (1934 г. р.) были записаны такие слова: «*А я – чистая казачка. Родилась на Хопре, живу на Хопре*» (МЭ).

Во время экспедиций на Хопёр в 80-90-е годы были записаны былины, исторические и военно-бытовые песни, предания, устные рассказы, сохранившие особую донскую исполнительскую традицию. В 1994 г. в станице Усть-Бузулукской Пётр Тимофеевич встретился с Татьяной Гавриловной Зобниной, от которой записал не только редкие старинные казачьи песни «Ой, не чаяло красно солнышко вокруг света обойти», «Загоралась ковыль-травушка», «Бывылоча Дон быстер бежал», но и былины, исполненные старинным речитативом. Оказалось, что «... в 1922 г. в х. Береховском она одиннадцатилетней девочкой услышала <их> от старого-престарого деда, который, христарадничая, остановился на ночлег в их курене» [Тимофеев-1998, с.110].

В статье «Фольклорные традиции бассейна реки Хопёр» (2000) Пётр Тимофеевич пишет, что его записи подтвердили гипотезу А.М. Листопадова. Так, казачья былинная традиция по своим стилистически-стадиальным признакам не уступает севернорусской, является иной, существует независимо, в то время как В.Ф. Миллер считал казачью традицию ущербной, второстепенной, результатом разрушения севернорусской.

Более сорока лет Пётр Тимофеевич проводил фольклорно-этнографическое обследование территории Верхнего Дона, результаты которого отражены в статьях, двух крупных оригинальных исследованиях – «Хопёр: история, быт, культура» (1998), «Материалы международных студенческих фольклорно-этнографических экспедиций Донецкого национального университета на Верхний Дон (Волгоградская и Ростовская области: 2001, 2003, 2005–2007, 2010–2012 гг.)» (2013).

В книге «Хопёр: история, быт, культура» прошлое и настоящее, фольклор и традиции объединяются одним историко-культурным пространством – бассейном реки Хопёр. Актуализированы проблемы экологии природы и экологии культуры. В разделе «Лес на песке» рассматривается уникальная технология рукотворных насаждений у станции Кумылженской, а в разделе «Заповедник» речь идет о Хопёрском государственном заповеднике.

На основе материалов экспедиций, архивных данных и некоторых археологических находок в книге рассказывается об истории края и формировании донского казачества, о семейных традициях и гражданских правах, о ярмарках, почтовых станциях, о гулебных компаниях и общественных казачьих гуляниях, о свадьбе и богатой традиционной песенной культуре, о донской лошади, о народном театре и музыкальных инструментах, о своеобразии донской одежды, о рыболовстве и способах ловли, о жизни и творчестве М.А. Шолохова и о многом-многом другом.

После выхода «Хопра» резко возрос научный интерес к Верхнему Дону, были организованы различные экспедиции для исследования этого региона. С 2001 г. начинают проводиться экспедиции Донецкого национального университета (сначала совместного с МГУ) под руководством Петра Тимофеевича, участниками которых были студенты филологического факультета.

Пётр Тимофеевич много времени уделял студентам при подготовке к полевой работе как в университете, так и во время выездов. Каждый вечер в экспедиции все участники во главе с наставником собирались, чтобы поделиться результатами прошедшего дня, обсудить насущные проблемы исследовательского и организационного планов. Эти обсуждения имели не только характер преемственности и вхождения в сферу исследования, они также дисциплинировали, настраивали на последовательную системную разноплановую непрерывную работу. Без этого невозможно было бы создание коллективной монографии.

Подготовка, а особенно организация экспедиций стоили больших усилий и требовали много времени. Сложно описать состояние Петра Тимофеевича, когда по не зависящим от него причинам поехать на Верхний Дон не удавалось. Так было летом 2002, 2008, 2009 гг. Он прекрасно знал, что даже один пропущенный год существенно обкрадывает нас: уходят поколения, уходят носители традиционных знаний, носители поэтических форм языкового сознания. И пропущенный год лишает нас материалов, ценность которых растёт с каждым годом прямо пропорционально вероятности их обнаружить и записать, так как их распространённость уменьшается.

В последние годы программа экспедиции претерпела значительных изменений. Поставленные, к примеру, десять лет назад задачи, теперь уже невозможно выполнить, так как изменились условия жизни и состав населения. Но регион не потерял привлекательности для исследователя: на смену старым целям и задачам пришли новые. В последнее время Пётр Тимофеевич активно работал над темой «Культурные ландшафты станиц Верхнего Дона».

С 2001 по 2013 гг. фольклорно-этнографической экспедицией ДонНУ фронтально-выборочным приёмом обследовалась территория правобережья и

левого берега Дона от станицы Казанской до станицы Распопинской и прихопёрья по берегам Хопра от Урюпинска до впадения в Дон у хутора Зимовного.

Основной принцип полевой работы – живая беседа исполнителя и собирателя, в которой проявляется творческое начало обоих. Пётр Тимофеевич подчёркивал, что важная задача собирателя – создать комфортную ситуацию общения, расположить к себе, информант должен чувствовать себя свободно. В работе необходимо учитывать возрастные психологические особенности, настроение человека, ситуацию общения. Ни в коем случае нельзя обрывать исполнителя, резко менять тему разговора. Исключено также заведомое «выуживание» необходимой информации.

В издании материалов экспедиций представлены записи по основным направлениям собирательской работы: свадебный обряд, демонологические представления, снотолкование, суеверия и приметы, заговоры, песенное наследие. Опубликовано более тысячи текстов, записанных почти от трёх сотен информантов в 139 населённых пунктах. Тексты разделов "Свадьба", "Демонология", "Снотолкование", "Песенное наследие станиц Верхнего Дона" и "Суеверия и приметы" отражены на карте. Это даёт визуальное представление о том, где и что записано. Карта является системной: в ней указаны не только места фиксации текстов, а и структурные и вариативные особенности бытования. Пересечение текстов между разделами проявляется в повторении определенных эпизодов бесед в разных тематических контекстах (тематических разделах). Эти пересечения показывают тесную связь текстов, общность контекстов, жанровое пограничье.

Всего экспедицией записано более чем 12 тысяч текстов. Кроме указанных тем и жанров, на Верхнем Дону были собраны тексты родильно-крестильного и погребально-поминального обрядовых комплексов, частушки, игры, топонимические рассказы, нарративы об истории и культуре казаков (игрища, ярмарки, кулачные бои, традиционная одежда, повседневная и ритуальная кухня и др.).

Историческое прошлое и современное состояние фольклорной традиции Донского края были предметом исследований Петра Тимофеевича, а природный и искусственный ландшафт, поведение, манера общения, своеобразие речи людей – проявляли особенности прошлого народа, вдохновляли и умиляли исследователя. Он не любил слово «менталитет», но часто обращал внимание на поведение и образ жизни людей на Верхнем Дону, которые отличаются свободой творческого самовыражения, открытостью, самобытностью. В связи с этим вспоминается эпизод из экспедиции 2014 г., когда вечером мы шли по одной из улиц ст. Вёшенской, и Пётр Тимофеевич обратил наше внимание на оригинальность частных построек: ни одного повторившегося фасада или забора.

Также проводилась фольклорно-этнографическая экспедиция в с. Старая Ласпа Тельмановского района Донецкой области, в рамках которой изучались традиции греков-урумов. Результаты этой работы представлены в книге «Старая Ласпа: поэтические традиции народной культуры греков-урумов» (2005), написанной в соавторстве с Ириной Пуды. Книга была отмечена первой премией на Международном фестивале Слова «Достояние Донбасса» и Дипломом Министерства образования и науки Украины в 2006 г. Впервые было проведено фольклорно-этнографическое исследование ключевых положений локальной традиции с. Старая Ласпа, в том числе системное изучение фольклора в контексте пяти диалектных групп приазовских греков; был дан анализ эпическому творчеству, песенной традиции, праздникам и топонимическим преданиям. Работу над этой темой Пётр Тимофеевич продолжал до последних дней.

Книга «Родословная семьи Дебелых» (2013 г., написанная совместно с Ксенией Журавель) – это единственное в своём роде историко-филологическое генеалогическое исследование истории одной семьи. Временная протяженность описываемых событий равна десяти поколениям (крайняя точка – 1792 г.). Каждый факт подтвержден ссылкой на документальный источник либо свидетельство информанта. На протяжении нескольких месяцев проводились и тщательно фиксировались беседы с родственниками и их семьями. Учитывалась не только точность информации, «но и колорит речи, эмоциональное состояние родственников во время беседы, которые во время диалога полностью погружались в пространство ушедшего времени и вновь переживали события, трагедии, радости» [Тимофеев, Журавель-2013; с.88]. Некоторые факты, таким образом, в изложении разных людей имеют отличия, что отражено в семейной летописи.

Теперь можно сказать, что все работы Петра Тимофеевича были оригинальными книгами самобытного исследователя, которому удалось увековечить ускользающую историко-культурную традиционную составляющую не одного этноса.

Пётр Тимофеевич любил писать книги. Работа эта долгая и интересная: сбор материала и его осмысление, написание и оформление. В течение всего времени он самоотверженно и честно трудился. Пётр Тимофеевич говорил, что книга должна работать, приносить пользу, быть востребованной, также она должна быть красивой, такой, чтобы её приятно было держать в руках.

С Петром Тимофеевичем как преподавателем студенты знакомились с самых первых дней учёбы на факультете. Весь первый курс Пётр Тимофеевич работал с ними, читая в первом семестре фольклор, а во втором – древнерусскую литературу. В аудитории он теоретически обосновывал истинное значение народного творчества и народной традиции. Тогда же студенты узнавали об экспедиционной работе под руководством Петра Тимофеевича, о книге «Хопёр: история, быт, культура», в это же время существенно трансформировались их представления о фольклоре, область устного народного творчества стала содержать огромное количество проблем, загадок, вопросов... Многие, воодушевившись и заинтересовавшись, выражали желание поехать в экспедицию.

На старших курсах Пётр Тимофеевич читал мифологию и мифотворчество, говорил о мифологизации пространства, в том числе и современного. Интересен в этом отношении его «друг Коля» – загадочная личность, широко известная среди студентов, которые до сих пор стремятся разгадать эту загадку, пытаются понять, кто же это, даже хотят с ним познакомиться. Рассказами о «Коле» Пётр Тимофеевич мог не только оживить аудиторию, привлечь внимание, но и говорить с подтекстом. Ему удавалось также вести речь не только о политике, но и сказать о проблемах филологического знания.

Он был филологом от Бога, тонко чувствовал слово и умело с ним обращался. Тяжело и даже больно ему было наблюдать случаи шаблонизации, стирания и испарения смыслов, пустой игры слов. Его слово – простое и в то же время многогранное. Его язык был полон формул, созданных им или заимствованных из известных народных или авторских произведений. Всем студентам знакома фраза: «Я не структуралист и не сторонник Проппа, но знать «Морфологию сказки» надо!», а, увлекаясь, он вспоминал и сам себе говорил: «Мовчи! – Мовчу!» (слова из пьесы М. Старицкого «За двумя зайцами»).

Пётр Тимофеевич был против начетничества в образовании. Как и А. Потеня, считал, что свою мысль нельзя передать другому, а можно лишь пробудить в человеке

его собственную. Он был противником догм, шаблонов и стереотипов. Призывал мыслить свободно, нестандартно, критически, творчески, при этом приучал к ответственности, точности, логичности, последовательности.

Сам всегда был настроен на плодотворную работу, проявляя настойчивость и целеустремлённость. На личном примере показывал, что не нужно забегать далеко вперед, а следует действовать поэтапно. Когда же речь шла о планировании работы, он продумывал и просчитывал всё до мелочей. Поступал взвешенно и здраво, говорил обоснованно, рассказывал удивительное новое. Это был тот преподаватель, который не может не повлиять на тебя как на специалиста, личность...

Он часто давал и практические советы. Так, писать он призывал ручкой, а пользоваться компьютером – только на стадии набора текста, но не написания. Это он объяснял психо-физиологическими особенностями человека, спецификой живого слова.

Пётр Тимофеевич был невероятным человеком. Он был интеллектуалом. Он был человеком слова: не говорил пустых многообещающих фраз, никогда не обнадёживал, даже настраивал на сложности и трудности, но, несмотря на это, его цели были амбициозны. О нём часто говорили, что он разбрасывается идеями, на что Пётр Тимофеевич, улыбаясь, отвечал, что на идеи не жадный, было бы кому их реализовывать... Он был не из тех людей, которые живут грёзами, он смотрел на мир реалистично. Это не говорит о том, что он не мечтал и не строил планов. Нет. Просто его грёзы на самом деле были целями, которые он достигал. Казалось, он знал всё на свете, и для него не было ничего неизвестного, невозможного. Сфера его интересов обширна и разнообразна. А всё, что он делал, делал на славу.

Пётр Тимофеевич был самобытным исследователем, прекрасным педагогом, настоящим человеком с большими планами на будущее... 11 февраля 2017 г. его жизнь неожиданно для всех оборвалась... Его работы навсегда вошли в научное пространство и заняли там своё особое место.

Источники материала

МЭ – Материалы международных студенческих фольклорно-этнографических экспедиций Донецкого национального университета на Верхний Дон по теме суеверия и приметы. – Донецк : ДонНУ, 2017. – 657 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тимофеев П.Т. Хопёр: история, быт, культура / П.Т. Тимофеев; [Худож. С. Гавриляченко]. – Калининград : Янтарный сказ, 1998. – 220 с.
2. Материалы международных студенческих фольклорно-этнографических экспедиций Донецкого национального университета на Верхний Дон (Волгоградская и Ростовская области: 2001, 2003, 2005-2007, 2010-2012 гг.): монография / [П.Т. Тимофеев и др.]; под общ. ред. П.Т. Тимофеева; Донец. нац. ун-т. – Донецк: Юго-Восток, 2013. – 383 с.
3. Тимофеев П.Т. Фольклорные традиции бассейна реки Хопёр / П.Т. Тимофеев // Филологические исследования / Сб. научн. трудов. Вып. 2. – Донецк: Юго-Восток, 2000. – С.147-155.
4. Старая Ласпа: поэтические традиции народной культуры греков-урумов. Исследование, тексты, приложение / П.Т. Тимофеев, И.В. Пуды; Донецкий национальный университет. – Донецк : ООО "Юго-Восток, Лтд", 2005. – 116 с.
5. Добрые дела не исчезают : Фольклор. сб. / Пётр Тимофеев; [Худож. В. Юдин]. – М. : Молодая гвардия, 1987. – 142 с.
6. Родословная семьи Дебелых / П. Т. Тимофеев, К. С. Журавель. – Донецк : Юго-Восток , 2013 – 222 с.
7. Тимофеев П.Т. Эпическая традиция на Верхнем Дону / П.Т. Тимофеев // Возникновение казачества и становление казачьей культуры / Сб. научных работ. – Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского госуниверситета, 1999. – С.29-31.

Поступила в редакцию 10.05.2017 г.

**TIMOPHEYEV PETER TIMOPHEYEVICH – AN ORIGINAL SPECIALIST IN FOLKLORE,
A REMARKABLE LECTURER, A WONDERFUL PERSON**

O.A. Shepelyova

The article focuses on the folk-ethnic work and pedagogical activity of Peter Timopheych Timopheych, associate professor at the Department of the History of Russian Literature and Literature Theory at the Philological Faculty of Donetsk National University.

Key words: Timopheych Peter Timopheych, Khopyor, Verkhni Don, Staraya Laspa, folk-ethnic field study.

Шепелева Ольга Александровна.

Преподаватель кафедры истории русской литературы и теории словесности.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
E-mail: o.shepelyova@gmail.com

Shepelyova Olga Alexandrovna

Teacher of the Department of the History of Russian Literature and Literature Theory.
Donetsk National University.
E-mail: o.shepelyova@gmail.com

УДК 81`27

**ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ ПРОФЕССИОНАЛИЗМОВ, ИСПОЛЬЗУЕМЫХ
В РЕЧИ ШАХТЕРОВ, КАК ОТРАЖЕНИЕ ИХ МИРОВОСПРИЯТИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ ФОЛЬКЛОРНЫХ ТЕКСТОВ)**

© 2017. М. В. Балко, А. Н. Осипова

ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и государственной службы при Главе
Донецкой Народной Республики»

Статья посвящена изучению профессионального языка шахтеров как одного из видов профессионального жаргона. Профессионализмы, зафиксированные в фольклорных текстах горняков, сгруппированы в тематические разряды. Сделан вывод о проявлении в профессиональном языке шахтеров их группового менталитета.

Ключевые слова: профессиональный язык шахтеров, профессионализм, тематическая группа лексики, мировосприятие.

Языковая ситуация в Донбассе на протяжении длительного времени характеризуется сосуществованием многочисленных языковых подсистем: различных языков (русского, украинского, греческого, армянского и др.), территориальных и социальных диалектов, просторечия и т. д. Профессиональные языки занимают особую нишу среди обозначенных подсистем, поскольку включены в контекст той или иной профессиональной деятельности как их органичная составляющая.

Разнообразные профессиональные языки (спортсменов, военных, музыкантов и многие другие) давно являются предметом научного интереса отечественных и зарубежных лингвистов (ср. труды И. В. Желябовой, Т. Р. Кияка, А. Н. Лавровой, Л. Хофмана, Е. Н. Ширяева и др.). Вместе с тем понятие профессионального языка остается неоднозначным и дискуссионным; нуждаются в более глубоком теоретическом и теоретико-прикладном изучении такие проблемы, как соотношение профессиональных языков с другими языковыми подсистемами, лексикографическое описание профессионализмов, а также специфика отражения в профессиональных языках мировосприятия их носителей. Этим и обусловлена **актуальность** нашего исследования.

Цель предложенной статьи – на основе анализа фольклорных текстов сгруппировать в тематические разряды шахтерские профессионализмы, являющиеся отражением мировосприятия горняков.

Профессиональные языки можно рассматривать в качестве транслятора духовных и поведенческих установок социально-профессиональных групп, обуславливающих их мировосприятие и ценности. Под профессиональным языком в данном случае понимаем автономную языковую форму, представляющую собой совокупность фонетических, грамматических и лексико-фразеологических средств национального языка, обслуживающих речевое общение определенной социальной группы, характеризующейся единством профессиональной деятельности своих членов. Основу профессионального языка составляет собственно специальная лексика, типичные элементы которой фиксируют особенности менталитета ее носителей.

Различают несколько типов отношений между коммуникантами в условиях профессионального общения (статусное, корпоративное и др.), специфической разновидностью которых являются фамильярные, возникающие в тех профессиональных коллективах, где взаимодействие коммуникантов сопряжено с

выполнением опасного, замкнутого узкими пространственно-временными рамками труда. Выделяют более двадцати профессиональных сфер, отмеченных использованием особого жаргона (летчики, строители, спортсмены, лесорубы, шахтеры, медики, железнодорожники, продавцы, моряки, водители, компьютерщики и т.д.).

Как утверждает Н. В. Терских, «профессиональные жаргоны – это исторически сложившиеся и генетически неоднородные, относительно устойчивые и незамкнутые, системно организованные субстандартные формы специального лексического просторечия в пределах национального языка или его национального варианта, охватывающие социально маркированную лексику, обозначающую употребительные в сферах... профессионального речевого общения специальные предметы, явления, признаки и процессы, отличающиеся от литературного стандарта и от других форм лексического просторечия своеобразной этико-стилистической сниженностью...» [4, с. 90]. Появление этого «особого языка» (жаргона, профессионального диалекта) продиктовано следующими обстоятельствами: обособленностью и специализацией понятийного профессионального аппарата, усилением роли субъективного фактора, необходимостью порождения и передачи новых знаний на основе образно-экспрессивной лексики.

Ярким примером профессионального жаргона может служить профессиональный язык шахтеров (далее – ПЯШ). Его лексико-фразеологическая система представлена терминологией горного дела, а также нестандартной лексико-фразеологической подсистемой, сформированной профессионализмами соответствующей сферы [3, с. 255].

Носители ПЯШ объединены не только общей профессией, но и опытом, отношением к жизни и являются выразителями уникальной в определенном отношении профессиональной субкультуры. Особенности менталитета представителей шахтерского труда во многом обусловлены нетипичными для человека условиями работы. С одной стороны, это особенности, связанные с организацией подземного производства, специальным оборудованием и т.п. С другой стороны, спецификой работы горняков является ее экстремальность. Труд в подземных выработках сопровождается длительными передвижениями, выполнением трудовых операций часто в неудобных позах, солнечным голоданием, кислородной недостаточностью, низкой освещенностью и др. Большинство шахтеров работают в состоянии хронического стресса, осознавая опасность своей деятельности.

Сложность и нетипичность условий труда горняков влияет на специфику восприятия подземного пространства шахты носителями ПЯШ, что отражается в профессионализмах. Почерпнуть примеры последних можно из различных источников: разговорной речи, художественных произведений и, безусловно, из фольклора. В сказах и легендах, песнях, частушках и преданиях, пословицах и поговорках отражен исторический и трудовой опыт шахтеров. Устное народное творчество – один из основных источников, позволяющих глубже изучить особенности мировосприятия людей обозначенной профессии.

Хотя рабочий Донбасс относительно молод, имеем богатый шахтерский фольклор, воспевающий людей этого нелегкого труда. Наибольший вклад в собирание и исследование устного народного творчества шахтеров Донбасса внес А. В. Ионов. Он встречался со старожилами, молодежью, записывал сказы, легенды, песни, частушки, пословицы, которые бытовали в шахтерской среде. В результате увидели свет книги «Песни и сказы Донбасса» и «Поет душа шахтерская». Сказки, частушки, пословицы, предания, обрядовые песни, городские романсы, детский фольклор, заговоры, легенды Донбасса также представлены в сборнике П. Тимофеева «Протекших дней очарованье» [6]. Именно эти издания стали источниками фактического материала нашего исследования.

Описание профессионализмов, используемых в речи шахтеров, целесообразно проводить путем группирования их по тематическому принципу, поскольку это позволяет очертить лексико-семантическую специфику рассматриваемых единиц. Под тематической группой «обычно понимают ряд слов, более или менее близко совпадающих по своему основному стержневому семантическому содержанию, т.е. по принадлежности к одному и тому же семантическому полю» [1, с. 118], отражая, таким образом, различные явления объективной действительности.

Анализ фольклорных текстов разных жанров (легенд о Шубине, частушек, песен и др.) дает возможность выделить следующие тематические группы профессионализмов, используемых в речи шахтеров:

- названия людей по роду деятельности: *шахтер*, *углекоп*, *горняк* ('человек, работающий в шахте'), *коногон* ('рабочий, управлявший лошадьми в шахте'), *саношник* ('рабочий, транспортировавший уголь по лаве при помощи специальных саней'), *тормозной* ('рабочий, останавливавший движение вагонеток'), *забойщик* ('человек, работающий в забое и непосредственно добывающий уголь'), *бадейный* ('рабочий, выгружающий уголь в ведра возле шахтного ствола'), *воротной* ('рабочий, приводивший в действие коловорот'), *стволовой* ('рабочий, регулирующий движение клетки по стволу'), *проходчик* ('рабочий, прокладывающий путь в недра'), *откатчик* ('рабочий, осуществляющий откатку угля до шахтного ствола'), *плитовой* ('рабочий, принимающий пустые или груженные вагонетки и поворачивающий их на площадке, чтобы отправить в нужном направлении дальше'), *штейгер* ('горный мастер') и др.;

- названия инструментов, специальных приспособлений и машин: *обушок* ('инструмент для добычи горных пород'), *кайло* ('ручной ударный инструмент, предназначенный для работы по каменистому грунту'), *молоток* ('небольшой ручной ударный инструмент'), *балда* ('большой ручной ударный инструмент'), *зубок* ('режущий инструмент'), *комбайн*, *молотилочка* ('горно-шахтное оборудование'), *вагонетка* ('откаточный сосуд, предназначенный для транспортирования грузов, людей, различного оборудования по рельсовым путям'), *порожняк* ('пустые вагонетки'), *клеть* ('транспортная кабина, предназначенная для подъема по шахтному стволу вагонеток с углем или спуска-подъема людей') и т. п.;

- названия технологических процессов и сооружений в шахте: *распил* ('деревянная затяжка'), *пары* ('поставленные попарно деревянные столбы, подпирающие матицу шахтного крепления'), *на-гора* ('поднять уголь или выехать самим на поверхность'), *рубить уголь*, *бить уголь*, *кровля* и др.;

- названия поверхностей в шахте: *забой* ('поверхность отбитой массы горной породы, которая перемещается в процессе подземных работ'), *выработка* ('искусственно созданная полость'), *лава* ('подземная очистная горная выработка значительной протяженности, в которой производится добыча угля'), *коренная* ('основной подземный ход к месту работы шахтеров'), *угольный пласт*, *поверхность* и т. п.;

- названия помещений: *ламповая* ('помещение, в котором заряжают аккумуляторы шахтных ламп'), *контора* ('помещение, в котором располагается администрация шахты'), *нарядная* ('пришахтное помещение, где рабочие получают наряд на работу и ожидают смену') и др.;

- названия личных предметов шахтера: *тормозок* ('шахтерский перекус'), *шахтерка* ('рабочая одежда шахтера'), *получка* ('заработная плата шахтера'), *фляга* и др.

Названные тематические группы профессионализмов, зафиксированных в фольклоре шахтеров, свидетельствуют об их внимании к деталям своей непростой профессии. В ПЯШ воспроизведены такие микроситуации, как «подготовка к работе в

шахте», «собственно производственный процесс», «взаимоотношения горняков разных специальностей», «смерть шахтера», «разговор горняков» и т. п. Таким образом, ПЯШ отражает специфику восприятия шахтерами своей работы как опасной и крайне тяжелой. Здесь наблюдаем проявление группового менталитета, понимаемого как «образ мышления, общая духовная настроенность, группы людей» [5, с. 587], «особенности восприятия и понимания действительности определенными социальными, возрастными, профессиональными, гендерными и т.д. группами людей» [2, с. 43].

Таким образом, ПЯШ является транслятором специфической информации горняков о себе и своей работе, что позволяет выявить основные особенности их мировосприятия и создать условный обобщенный ментальный портрет носителей ПЯШ. Перспективы дальнейших студий ПЯШ заключаются в описании его грамматической системы и, безусловно, лексикографическом изучении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М. : Сов. энциклопедия, 1969. – 608 с.
2. Попова З. Д. Язык и сознание: теоретические разграничения и понятийный аппарат / З. Д. Попова, И. А. Стернин // Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии : [сб. статей]. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 2002. – С. 8–50.
3. Прибытова Л. В. Профессиональный язык шахтеров как отражение ментальности его носителей / Л. В. Прибытова // Язык и культура. – 2013. – № 9. – С. 253–258.
4. Терских Н. В. Профессиональный жаргон как одна из форм существования языка / Н. В. Терских // Язык и социальная динамика. – 2010. – № 10–1. – С. 89–93.
5. Философский энциклопедический словарь. – М. : Российские энциклопедии, 2002. – 587 с.
6. Юз и Юзовка / [пер. англ. текстов И. Н. Яндолы; подбор и рубрикация худ. текстов Л. Г. Вергазовой]; под общ. ред. В. А. Гайдука. – Донецк : Фирма «Кардинал», 2000. – 320 с.

Поступила в редакцию 05.04.2017 г.

THEMATIC GROUPS OF THE MINERS' PROFESSIONALISMS AS A REFLECTION OF THEIR WORLDVIEW (IN THE FOLKLORE TEXTS)

M. V. Balko, A. N. Osipova

The authors investigate the miners' professional language recorded in the folklore texts. The miners' professionalisms are grouped into thematic types.

Keywords: miners' professional language, professionalism, lexical thematic type, worldview.

Балко Марина Владимировна.

Доктор филологических наук, доцент.
ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и государственной службы при Главе Донецкой Народной Республики».
Доцент кафедры краеведения.
E-mail: marina.balko@yandex.ua

Осипова Анна Николаевна.

Кандидат наук по государственному управлению.
ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и государственной службы при Главе Донецкой Народной Республики».
Доцент кафедры краеведения.
E-mail: osipova.anna.52@mail.ru

Balko Marina Vladimirovna.

Doctor of Philology, Docent.
Donetsk Academy of Management and Public Service under the aegis of the Head of Donetsk People's Republic.
Associate Professor at the Department of Local Lore Studies.
E-mail: marina.balko@yandex.ua

Osipova Anna Nikolaevna.

Candidate of Science in Public Administration.
Donetsk Academy of Management and Public Service under the aegis of the Head of Donetsk People's Republic.
Associate Professor at the Department of Local Lore Studies.
E-mail: osipova.anna.52@mail.ru

УДК 82-25 “20”

ОСОБЕННОСТИ СУБЪЕКТНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО РОМАНА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА К. ВАГИНОВА «ТРУДЫ И ДНИ СВИСТОНОВА»)

© 2017. С. А. Белоконь

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье рассмотрена субъектная организация интеллектуального романа на материале романа К. Вагинова «Труды и дни Свистонова». Теоретической базой исследования являются работы Б. О. Кормана, В. П. Скобелева, Н. Т. Рымаря, М. М. Гиршмана. Анализ произведен с учетом жанровых особенностей данного произведения. Сделаны выводы о специфической субъектной организации проанализированного романа, которая обусловлена его жанровой природой.

Ключевые слова: субъектная организация произведения, автор, герой, читатель, интеллектуальный роман.

М. М. Гиршман следующим образом сформулировал одну из актуальных задач современного литературоведения «необходимо осмыслить сочетание совместного и нераздельного существования автора – героя – читателя с обособлением и взаимодействием их внутренне разделяющихся и обращенных друг к другу позиций, образующих субъектную организацию литературного произведения» [1, с. 47].

Целью данного исследования является анализ субъектной организации романа Константина Вагинова «Труды и дни Свистонова».

«В большинстве мемуаров и статей, в особенности в работах зарубежных славистов, Вагинов упоминается в первую очередь как член группы Объединение реального искусства – ОБЭРИУ, в одном ряду с Н. Заболоцким, Д. Хармсом и А. Введенским. Такое восприятие Вагинова несколько однобоко и не дает верного ключа к пониманию его творчества» – справедливо отмечает литературовед Т. Н. Никольская [2, с. 5-6].

Действительно, творчество Константина Вагинова (Вагингейма) долгое время находилось вначале в разряде «забытого» (практически сразу же после смерти писателя в 1934 году), потом постепенно «возвращаемого» (начиная с восьмидесятых годов XX века), а на сегодня уже окончательно «возвращенного» в круг читательских и литературоведческих интересов.

Примечательно, что попытки серьезного осмысления творческого наследия писателя в 1980-х годах начались в западноевропейском литературоведении. Вагинов здесь привлекал внимание в связи с интересом литературоведов к фигуре Михаила Бахтина и его окружению.

Поворотным моментом в изучении творчества Вагинова стало издание в 1989 году трех романов писателя в серии «Забытая книга» (1989) [3], а затем практически полного собрания вагиновской прозы в издательстве «Современник» (1991) [4]. Во многом благодаря этому факту за последние три десятилетия романы и повести К. Вагинова неоднократно были в фокусе исследовательского внимания: работы Т. Л. Никольской, О. В. Шиндиной, А. Г. Герасимовой, М. А. Литвинюк, Д. Л. Шукурова и др.

Объектом нашего анализа является второй роман писателя «Труды и дни Свистонова», напечатанный в 1929 году сразу в двух вариантах: в журнале «Звезда»

(сокращенно) и в «Издательстве писателей в Ленинграде» (полный текст). Реакция на выход первых двух романов писателя («Трудам и дням Свистонова», предшествовала знаменитая «Козлиная песнь» (1928)) была достаточно неоднозначной: читательский интерес в среде русской интеллигенции сочетался с непониманием и даже обвинениями со стороны соответствующе идеологически настроенных представителей соцреалистической критики.

В современном литературоведении роман «Труды и дни Свистонова» исследовался в следующих аспектах: метатекстуальная образность произведения [5], специфика балаганного трагикомизма [6], образ автора в романе [7].

Предметом же нашего анализа являются особенности субъектной организация романа К. Вагинова «Труды и дни Свистонова».

Б. О. Корман утверждает: «Субъектная организация есть соотнесенность всех отрывков текста, образующих данное произведение, с субъектами речи – теми, кому приписан текст (формально-субъектная организация), и субъектами сознания – теми, чье сознание выражено в тексте (содержательно-субъектная организация)» [8, с. 120]. В работе «Итоги и перспективы изучения проблемы автора» ученый более подробно описывает субъектно-содержательную организацию текста и проблемы, возникающие в связи с ее изучением: «Содержательно-субъектная организация текста есть соотнесенность текста с носителями речи, определяемыми не столько по степени выявленности в тексте, сколько по мироотношению и стилю, то есть содержательно» [9, с. 62].

Можно увидеть близость идей Кормана и авторов монографии «Теория автора и проблема художественной деятельности» Н. Т. Рымаря и В. П. Скобелева, которые в частности отмечают: «Субъектная организация открывает сложное строение внутреннего мира произведения, которое представляет собой прежде всего мир человеческого сознания – напряженную драму взаимодействия сознаний, отношений, позиций, точек зрения, «языков» как целостных мировоззрений, вступающих между собой в диалог» [10, с. 8].

Важным для нас в приведенной цитате является связь субъектной организации с таким понятием как «внутренний мир произведения» в этом отношении нам видится близкой идея о связи субъектной организации художественного целого с художественным миром произведения, высказанная М. М. Гиршманом: «Художественный мир литературного произведения потому и является *миром*, что включает в себя, внутренне объединяет и субъекта высказывания, и объекты высказывания, и адресата высказывания – «читателя» как одного из неявных, но неизменных компонентов произведения» [11, с. 94]. Таким образом, триединство «автор – герой – читатель» трансформируется в триаду «субъект высказывания (автор) – объекты высказывания (герои) – адресат высказывания (читатель)».

Анализируя субъектную организацию романа К. Вагинова следует прежде всего учитывать жанровую специфику произведения. Критики уже давно и смело причисляют этот роман к русской интеллектуальной прозе 20-х годов XX века. Говоря о специфике интеллектуальной прозы, проявляющейся на всех уровнях художественного текста, нельзя обойти вниманием и совершенно особенные, отношения в триаде «автор – герой – читатель», которые возникают в прозе такого типа. Сложность этих взаимодействий обусловлена самой природой интеллектуального романа, который всегда является текстом с «двойным дном», этот тип романа всегда двусюжетен, так как классический сюжет здесь не единственный, в таких произведениях всегда необходимо присутствует второй (по счету, но не по значению)

сюжет – сюжет мысли. Таким образом, субъектная организация интеллектуального романа тоже видится нам усложненной, в некотором роде удвоенной, так как триада «автор – герой – читатель» по-разному функционирует на уровне каждого из сюжетов.

Рассмотрим этот наш тезис применительно к интеллектуальному роману К. Вагинова «Труды и дни Свистонова». Подходя к этому произведению как к истории о писателе, который пишет роман, мы вряд ли увидим здесь что-то новое. Герои романа представляют определенные социальные типажи: властитель дум (Куку), псевдомистик (Психачев), девушка, мечтающая о карьере актрисы (Наденька), девушка - «всезнайка» (Ия), молодой поэт (Паша), сентиментальная идиллическая пара старичков (супруги Петя и Таня), противник мещанства (Дерябкин) и др.

Читатель вместе с главным героем романа – писателем Свистоновым – имеет возможность убедиться в тривиальности упомянутых «персонажей». Например, Куку (фигурирующий в романе Свистонова под прозрачным именем Кукареку) считает себя человеком значительным. Он специально делает все возможное, чтобы внешне иметь сходство с Пушкиным. Шарлатан Психачев поражает престарелых дам псевдоспиритическими сеансами и верит в свою высокую миссию. Обоих героев объединяет жгучее желание попасть в произведения Свистонова, что должно увековечить их незаурядные личности.

Свистонов бесконечно ироничен и насмешлив по отношению к этим героям романа Вагинова, которым суждено стать «персонажами» его собственного романа. Но при этом, ирония в том, что предстанут они в нем совсем не в тех ролях, на которые эти «герои» искренне рассчитывали. Писатель постоянно проводит над своими персонажами эксперименты. Показательна в этом плане глава «Эксперимент над Ией». Свистонов часто выступает как «режиссер» происходящего вокруг: практически «сводит» Куку с Наденькой, незаметно для обоих руководя их «романом», втирается в доверие к старичкам Пете и Тане, становится своим в семье Дерябкиных и т.д.

В случае с писателем Свистоновым имеем дело с героем, который заметно «возвышается» над всеми другими героями произведения. Он чувствует себя избранным, своеобразным вершителем судеб. В определенном смысле это так и есть – ведь именно из-за написанного Свистоновым романа, точнее из-за описанной в нем истории Кукареку и Верочки, расстаются Куку и Наденька. Куку не может вынести того, что Свистонов, как автор романа, уже прожил за него, Куку, его жизнь, уже предугадал все последующие шаги, и поэтому он отказывается от своих планов.

Все эти перипетии достаточно занимательны, на наш взгляд, однако есть одна особенность – они относятся к сфере традиционного сюжета. В этой плоскости существует автор, герои и предполагаемый читатель. На этом уровне интеллектуальный роман еще не начинался.

Как это ни парадоксально, но, мы считаем, что интеллектуальный роман начинается с последнего предложения этого произведения: *«Таким образом, Свистонов целиком перешел в свое произведение»* [3, с. 333]. Зная эту последнюю фразу романа, мы можем совершенно по-новому его прочитать. Постепенно возвращаясь от конца к началу, мы обнаруживаем, что писатель Свистонов еще до своего финального «перехода» в собственный роман, оказывается, туда себя сам перемещал. Однако, герой (выступавший в тот момент повествования как автор романа) осознавал условность такого перехода, поэтому поместил в свой роман некоего Вистонова, *«одержимого мыслью, что литература – загробное существование»* [3, с. 331]. Здесь отчетливо видна самоирония героя.

Далее же в тексте романа Вагинова, если двигаться по той же логике (от конца к

началу) мы находим «Предисловие», в котором Свистонов, как автор романа, обращается к своим читателям. При этом совершенно очевидно, что такое предисловие вполне могло бы подойти и для самого романа «Труды и дни Свистонова». Кстати, возможно, так оно и есть. Ведь рукопись Свистонова, а после и изданный им роман, так и остались неназванными в тексте анализируемого интеллектуального романа, можем предположить, что это название лежит на поверхности и совпадает с названием романа Константина Вагинова.

«Предисловие» насквозь иронично, в нем автор апеллирует к читателю, заставляя его задуматься над вопросом *«какие книги вам более нравятся?»* [3, с. 327]. И сам же за читателя отвечает *«конечно, такие, где все, о чем говорится, сказано просто, ясно и верно»* [3, с. 327]. Здесь, вполне очевидно, что и вопрос, и ответ – это пародия на общение с неискушенным читателем, которому важен только первый традиционный сюжет романа. Роман же рассчитан совершенно на другого читателя, на того, кому нужен и важен второй, скрытый от посторонних, сюжет мысли, который характерен для интеллектуального романа.

В начале последней главы романа, обнаруживаем интересное замечание, касающееся окончательного оформления Свистоновым текста рукописи: *«Пришлось начало перенести в конец, а конец превратить в начало»* [3, с. 325]. Мы полагаем, что в этой фразе помещен ключ к пониманию произведения Вагинова. В связи с этим обращает на себя внимание и тот факт, что первая и последняя (одиннадцатая) глава романа имеют одинаковое, при том достаточно «говорящее» название – «Тишина». Причины повторения названия главы, а также его онтологический смысл, с нашей точки зрения, заслуживают стать предметом отдельного исследования, поэтому здесь мы не будем в этом направлении углубляться. Выскажем только предположение, что в свете приведенной выше цитаты о вынужденной смене Свистоновым начала и конца произведения, возможно, здесь содержится авторский намек-предложение поменять эти главы местами для возникновения новых смыслов.

Таким образом, специфика субъектной организации интеллектуального романа непосредственно связана с особенностями его жанровой природы. Прежде всего, с двусюжетностью такого типа романов, приводящей к тому, что триада «автор – герой – читатель» по-разному функционирует в рамках каждого из двух сюжетов, что дает возможность многомерного прочтения интеллектуальных романов. В данном исследовании была предпринята попытка анализа субъектной организации романа К. Вагинова «Труды и дни Свистонова» с учетом его жанровой специфики.

Б. О. Корман видел задачи дальнейшего изучения данной литературоведческой проблемы в следующем: «Задача заключается в том, чтобы после описания и классификации достаточно широкого материала наметить типологию субъектных организаций текста и установить связь тех или иных разновидностей с методами, направлениями, индивидуальными стилями» [9, с. 62]. В этом свете продолжение данного исследования нам видится весьма перспективным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гиршман М. М. Становление понятия «художественная целостность» и его современное значение // Литературное произведение: Теория художественной целостности / М. М. Гиршман – 2-е изд., доп. – М.: Языки славянских культур, 2007. – С. 20 – 56.
2. Никольская Т. Л. Трагедия чудаков / Т. Л. Никольская // Вагинов К. К. Козлиная песнь; Труды и дни Свистонова; Бамбочада – М.: Худож. лит., 1989. – С. 5 – 18.
3. Вагинов К. Козлиная песнь; Труды и дни Свистонова; Бамбочада / К. Вагинов – М.: Худож. лит., 1989. – 477с.

4. Вагинов К. К. Козлиная песнь: Романы / К. Вагинов – М.: Современник, 1991. – 592 с.
5. Шиндина О. В. метатекстуальной образности романа Вагинова «Труды и дни Свистонова»/ О. В. Шиндина // Вторая проза: Русская проза 20-х – 30-х годов XX века: Труды международной конференции «Вторая проза». Русская проза 20-х –30-х годов XX в. (к столетию со дня рождения Л. И. Добычина). – Trento, 1995. – С. 153 – 178.
6. Литвинюк М. А. Балаганный трагикомизм в романах К. Вагинова «Козлиная песнь», «Труды и дни Свистонова», «Бамбочада» и «Гарпагониана»: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: спец. 10.01.01. «Русская литература» /М. А. Литвинюк. – М., 1998. – 16 с.
7. Шукуров Д. Л. Образ автора в романах К.Вагинова «Козлиная песнь» и «Труды и дни Свистонова»/Д. Л. Шукуров // «Серебряный век». Потаенная литература: Межвуз. сб. науч. тр. – Иваново, 1997. – С. 158-166.
8. Корман Б. О. О целостности литературного произведения/ Б. О. Корман // Избранные труды по теории и истории литературы – Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1992. – С. 119 – 128.
9. Корман Б. О. Итоги и перспективы изучения проблемы автора / Б. О. Корман // Избранные труды по теории и истории литературы – Ижевск: изд-во Удм. ун-та, 1992. – С. 59 – 67.
10. Рымарь Н. Т. Теория автора и проблема художественной деятельности / Н. Т. Рымарь, В. П. Скобелев – Воронеж: Логос-Траст, 1994. – 264 с.
11. Гиришман М. М. Стиль литературного произведения // Литературное произведение: Теория художественной целостности / М. М. Гиришман – 2-е изд., доп. – М.: Языки славянских культур, 2007. – С. 71– 114.

Поступила в редакцию 24.04.2017 г.

PECULIARITIES OF SUBJECT FRAMING IN THE INTELLECTUAL NOVEL (IN K. VAGINOV'S NOVEL "WORKS AND DAYS OF SVISTONOV")

S.A. Belokon

The article deals with the subject framing in the intellectual novel "Works and days of Svistonov" by K. Vaginov. The research is based on the works by B. O. Korman, V. P. Skobelev, N. T. Ryman, and M. M. Girschman. The genre features of the novel under study are taken into account in the course of the analysis. Conclusions are drawn about the specific subject framing of the analyzed novel, which is due to its genre nature.

Key words: subject framing of the work, author, character, reader, intellectual novel.

Белоконь Светлана Александровна
Кандидат филологических наук.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
E-mail: clairsv@mail.ru

Belokon Svetlana Alexandrovna
Candidate of Philology.
Donetsk National University.
E-mail: clairsv@mail.ru

УДК 811.111'367.32:81-116.3

КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОЕ МАКРОПОЛЕ МОДЕРАЦИИ: СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

© 2017. С.Н. Кишко

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Статья посвящена проблеме внутрисистемного взаимодействия микрополей, конституирующими коммуникативно-прагматическое макрополе модерации (КПМПМ) в современном англоязычном дискурсе. Акцентируется внимание на синергетической природе такого взаимодействия. Подчеркивается, что КПМПМ является сложной самоорганизующейся коммуникативной (макро)системой, синергетичность которой обеспечивается проницаемостью границ, наличием «вложенных подсистем» – микрополей, активным внутри- и межсистемным взаимодействием компонентов. Микрополя (МП) модерации имеют аморфную, диффузную структуру, характерную для так называемых «нечетких множеств». Во всех микрополях за исключением мП девальвации ядра представлены монофункциональными контекстно-независимыми модераторами, обеспечивающими системе стабильность. Периферия, образованная контекстно чувствительными полифункциональными модераторами, является областью возникновения флуктуаций и неустойчивости, стимулирующих процессы самоорганизации системы.

Ключевые слова: макрополе модерации, микрополе (МП), аппроксимация, неуверенность, митигация, девальвация, недоговоренность, модератор, аттрактор, флуктуации.

На современном этапе развития лингвистики актуальным является исследование системного характера речевой деятельности с использованием методики ее полевого моделирования. Эффективным инструментом такого исследования является, в частности, коммуникативно – прагматического поле, не получившее пока достаточного освещения в лингвистической литературе.

Целью настоящей статьи является анализ внутрисистемных отношений компонентов коммуникативно-прагматического макрополя модерации (далее КПМПМ).

Объектом исследования является коммуникативно-прагматическое макрополе модерации как саморазвивающаяся синергетическая система.

Предметом исследования являются отношения между микрополями, конституирующими данное макрополе.

В современной лингвистической методологии теория систем представлена в различных модификациях: теория функционально-адаптивных систем [1], теория размытых понятий и нечетких множеств [2], теория поля: функционально-семантического [3], когнитивно-семасиологического [4], функционально-коммуникативного [5], функционально-прагматического [6]. Каждый из указанных подходов отражает так или иначе системный характер коммуникации.

В наших предыдущих работах [7], [8] были подробно описаны отличительные особенности КПМП модерации, заключающиеся в наличии рассеянной диффузной структуры, отсутствии четких границ между пятью конституирующими микрополями; активное взаимодействие компонентов внутри макрополя и его тесные связи с окружающей средой, в частности, с другими полями различной природы. Указанные особенности КПМПМ дают основание использовать для его описания методологию и терминологический аппарат современной синергетики, в частности, элементы теории самоорганизации сложных диссипативных систем [9–13]. В синергетике самоорганизация понимается как спонтанный процесс, «...протекающий от частей разрозненных к частям связанным» [14, с.327], как «структура в действии» [11, с.145].

Механизм самоорганизации соответствует аксиоме, согласно которой, чем сложнее система, т.е. чем больше входящих в нее элементов, тем она открытее и динамичнее. Чем шире она открыта для взаимодействия, тем шире диапазон ее функционирования, тем выше степень ее свободы. В категориальном аппарате синергетики фигурируют такие понятия, как аттракторы – системообразующие компоненты, «притягивающие» к себе другие единицы, в большей или меньшей степени проявляющие сходные качества или признаки, флуктуации – симптомы беспорядка и хаоса, стимулирующие процесс развития, а также когерентности [15, с.323]. Под последней понимается содержательная связность различных смысловых оттенков инвариантного значения, что обуславливает взаимоналожение (под)систем как информационных пространств, имеющих аналогичную коммуникативно-прагматическую сущность.

Наш анализ плана выражения КПМППМ исходит из его трактовки именно как самоорганизующейся синергетической системы со всеми присущими такой системе признаками и свойствами. КПМППМ – это сложная диссипативная коммуникативная (макро)система, динамичность которой обеспечивается проницаемостью границ, наличием «вложенных подсистем» (embedded systems – [9]) – микрополей, активного внутри- и межполевого взаимодействия.

Как во всяком сложноорганизованном целом, в КПМППМ (так же, как и в каждом из его «вложенных систем» – микрополей) действует закон функциональной зависимости элементов, который выступает в роли «организующего фактора», регулирующего поведение системы. Естественно поэтому, в основу структурирования плана выражения каждого из микрополей модерации нами положен принцип прагматической специализации модераторов. Иначе говоря, критерием разграничения центральных и периферийных элементов внутри каждого конкретного КПМПП становится их прагматический потенциал.

Ядро обеспечивает стабильность системы, будучи областью максимальной концентрации инвариантного прагматического смысла. В четырех из пяти выделяемых нами микрополей (МП) оно представлено монофункциональными модераторами, которые потенциально способны реализовывать лишь один конкретный вариант модерации. Именно эти единицы действуют в данном МП как аттракторы, группирующими вокруг себя компоненты соответствующей прагматической специализации.

Периферия в каждом из выделяемых МП представлена полифункциональными модераторами, которые располагаются тем дальше от ядра, чем выше их прагматический потенциал. Максимально удалены от центра наиболее контекстно чувствительные и, следовательно, наименее прагматически специализированные единицы. Периферия – область «хаотичности» и неустойчивости, показателем чего являются флуктуации, свидетельствующие о происходящих в системе процессах самоорганизации. Флуктуации проявляются в шифтерных свойствах модераторов, заключающихся в актуализации определенного прагматического варианта в зависимости от контекста и сопровождающихся изменением коммуникативного вектора модераторов. В результате периферийные области МП не имеют четко выраженных границ и представляют собой зоны пересечения и взаимоналожения различных прагматических вариантов модерации. Таким образом, флуктуации могут возникать даже в зоне максимальной стабильности системы – ядре, что проявляется во взаимодействии аттракторов различных МП на уровне высказывания и свидетельствует о повышенной активности и изменчивости коммуникативных систем по сравнению с другими сложноорганизованными системами.

В КПМПП аппроксимации наблюдается достаточно четкое противопоставление центра, представленного монофункциональными модераторами-квалификаторами

approximately, more or less, about, almost, nearly, or so и др, для которых выражение аппроксимации является функцией, реализуемой в любом ситуативном контексте, и периферии, включающей широкий спектр полифункциональных квалификаторов (in a way, fairly, quite, rather, practically, pretty, sort of / kind of и др.), способных актуализировать помимо аппроксимации и другие разновидности модерации, например, аппроксимация: *You **practically** put up a sign* (Ballard); *That makes us blood brothers, **in a way*** (Baldacci); *She was **fairly** certain her h-factor was still off* (Cornwell); *He was **quite** interested in tennis* (Salinger); митигация: *I'm **practically** broke* (Salinger); *It was **sort of** irritating to get this kind of advice from Gene - when he's telling you the obvious, telling you what you already know* (Paterson); девальвация: *He was a good teacher, **in a way*** (Salinger); *You look **fairly** good in glasses* (Perry); *Her skills are **quite** good* (Denver); *I saw old pictures of her. She was **sort of** cute* (Kellerman); недоговоренность: *I seem to remember you stopping by the Bomb Squad yesterday, didn't you? – **Sort of, I think*** (Daniels) – *I am **not quite** too late* (Perry). Возникающие в результате такой вариативности флуктуации обуславливают хаотичность и нестабильность КПМПМ на данном участке, являющемся у мП аппроксимации общим с мП недоговоренности, митигации и девальвации. Микрополя аппроксимации и неуверенности пересекаются своими центральными участками, что проявляется в конкуренции ядерных компонентов соответствующих мП на уровне высказывания: *I'm **not sure*** (хедж) *William, was it? Or George? **Maybe*** (хедж) *Charles or **something like that*** (аппроксиматор) (Preston).

В сравнительно небольшом по объему ядре КПМП неуверенности сосредоточены средства выражения гипотетической модальности - модальные глаголы со значением возможности и предположительности, модальные слова и структуры сослагательного наклонения со значением предположительности. Все они представляют собой монофункциональные контекстуально-независимые хеджи, для которых выражение неуверенности является единственной присущей им в КПМП прагматической функцией.

Периферию составляют речевые стереотипы модуса полагания, дизъюнктивы и глаголы «кажущести», образующие в силу своей полифункциональности и контекстуальной зависимости, общие сегменты с микрополями девальвации и митигации. Так, в высказываниях: *Since we **seem** to be old friends, you really must bring your husband to tea with my mother one day* (Christie); *The card is real but **I think** the woman may be a ringer* (Perry); *In private life, sir, **so to speak**, a lady keeps to one or two distinct shades – one for evening, one for day* (Christie) выделенные модераторы передают значение неуверенности; значение митигации наблюдается в высказывании ***I think** someone has something pretty nefarious up his sleeve* (Cornwell). В высказываниях: *–What do you think of my bus? – **Seems** like a nice bus* (Perry); ***I guess** that makes us a true ideal American couple* (Kellerman); *He was a good-looking boy, **shall I say*** (Spark) те же единицы девальвируют положительную оценку. С мП аппроксимации и недоговоренности мП неуверенности объединяет межъядерное взаимодействие, которое проявляется в случаях, когда ядерные компоненты указанных мП находятся в отношениях взаимодополнения, функционируя в рамках одного модерированного высказывания (МВ). В результате возникают переходные случаи, принадлежность которых к тому или иному прагматическому варианту трудно определить однозначно, например, ***Not** a very **pleasant** man, **perhaps*** (Christie) – здесь взаимодействуют структура литоты - доминанта ядра мП недоговоренности и модальное слово – один из ядерных компонентов мП неуверенности.

Ядро КПМП митигации представлено монофункциональными модераторами - речевыми стереотипами извинения (apologies). От остальных мП модерации данное мП

отличает более аморфная и разветвленная периферия, формируемая квалификаторами a little / a bit, pretty, practically, rather, sort of / kind of, речевыми стереотипами модуса полагания, формами сослагательного наклонения, имплицитными приказ или требование, а также сочинительными структурами со значением компенсации. Полифункциональность и контекстуальная чувствительность перечисленных модераторов создает обширную область флуктуаций, в которой пересекаются мП митигации, аппроксимации, девальвации и неуверенности. Наличие общего иллюкутивного компонента, заключающегося в деинтенсификации отрицательной оценки, способствует межъядерному взаимодействию между мП митигации и недоговоренности; следствием совмещения ядерных компонент двух мП в одном высказывании является усиление эффекта модерации, например: *I'm sorry to have to tell you for it won't do you or anybody else a bit of good* (Christie).

План выражения КПмП девальвации составляют исключительно полифункциональные контекстно-зависимые модераторы: уступительные конструкции с дисквалифицирующим значением, вводимые союзами if и though, квалификаторы fairly, in a way, sort of/kind of, quite, rather, pretty, речевые стереотипы модуса полагания, речевые стереотипы – дизъюнктивы и глаголы «кажущести». Такое качественное своеобразие определяет отсутствие ядра и делает мП девальвации крайне нечетким, предельно размытым образованием, возникшим в зоне взаимодействия трех мП модерации – аппроксимации, митигации и неуверенности. Микрополе девальвации – результат самооптимизации, в процессе которой в КПМПМ возникает новое качество: коммуникативная система самоорганизуется, реагируя на воздействие внешней социально-культурной среды, а именно, сложившихся в англоязычных культурах норм коммуникации, предписывающих говорящему проявлять умеренность и сдержанность в высказывании собственного мнения, оценки, а также ограничивать самовосхваление.

План выражения мП недоговоренности специфичен тем, что литота и мейозис – основные средства выражения данного прагматического варианта модерации – не имеют собственных средств выражения в английском языке. По этой причине КПмП недоговоренности выделяется в макросистеме модерации как типичное «нечеткое множество» – диффузное образование, возникшее на пересечении четырех микрополей – аппроксимации, митигации, девальвации и неуверенности. В результате данное мП гораздо более тесно, по сравнению с остальными, «переплетается» с другими мП в рамках общей макросистемы, причем как своими периферийными, так и ядерными компонентами. Так, периферия включает фрагменты общие с мП аппроксимации, митигации и девальвации, межъядерное взаимодействие имеет место с мП митигации и неуверенности. Пересечение мП недоговоренности и девальвации обусловлено наличием в иллюкутивном аспекте обоих прагматических вариантов модерации общего смыслового компонента – направленности на деинтенсификацию положительной оценки. Прагматической взаимосвязи между недоговоренностью и митигацией, проявляющейся во взаимоналожении соответствующих мП, способствует общность иллюкуции: преобладающей в обоих указанных прагматических вариантах является превентивная защитная функция, т.е. функция предотвращения потенциально ликоповреждающих РА.

Таким образом, описанные выше признаки КПмП модерации позволяют сделать вывод о синергетической сущности данного поля как открытой, нелинейной (диссипативной) коммуникативной системы, характеризующейся постоянным взаимодействием и взаимообменом энергией как между микросистемами (микрополями) внутри системы, так и между целостной системой (макрополем) и внешней по отношению к ней средой, прежде всего социальной. Последний аспект составляет одну из дальнейших перспектив исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арнольд И.В. Современные лингвистические теории взаимодействия системы и среды / И.В. Арнольд // Вопросы языкознания. – 1991. – № 3. – С.118-125.
2. Zadeh L. Fuzzy Sets / L. Zadeh // Information and Control. – 1965. – №8. –Р. 338-353.
3. Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии / А.В. Бондарко. – Москва: УРСС, 2001. –207с.
4. Шеина И.М. Когнитивно-семиологическое исследование полей вещественности и эмотивности в современном английском языке: автореф. дис. на получение науч.степени канд. филол. наук: спец.10.02.04. «Германские языки» / И.М. Шеина – Москва, 1993. – 24с.
5. Локшина Т.В. Функционально-коммуникативное поле усиления в современном английском языке: автореф. дис. на получение науч.степени канд. филол. наук: спец.10.02.04. «Германские языки» / Т.В. Локшина – Одесса, 1988. –16с.
6. Безуглая Л.Р. Дискурсивная импликация с позиций полевого подхода / Л.Р. Безуглая // Вестник Харк. Нац. Ун-та. – 2007. – №782. – С.6-10.
7. Кишко С.М. Комунікативний феномен модератії в сучасному англомовному художньому дискурсі: дис. канд. філол. наук: 10.02.04 / С.М. Кишко – Донецьк, 2011. – 204с.
8. К вопросу о категориях дискурса: на материале коммуникативно-прагматической категории модерации. / С.Н. Кишко // Материалы I Международной научной конференции. – Том 5. Филологические и философские науки. – Ростов-на-Дону: Издательство ЮФУ, 2016. – С. 58-63.
9. Пригожин И.Г. Природа и новая рациональность. В поисках нового миропонимания / И.Г. Пригожин // Философия и жизнь. –1991. –№ 7. – С.30-37.
10. Добронравова И.С. Синергетика: становление нелинейного мышления / И.С. Добронравова – Киев: Либидь, 1990. – 256с.
11. Пушкин В.Г. Кибернетический принцип саморегуляции / В.Г. Пушкин. – Л., 1974. – 236с.
12. Тарасова Е.В. Синергетические тенденции в современной лингвистике / Е.В. Тарасова // Вестник Харк. нац.ун-та. – 2000. – № 500. – С. 173-179.
13. Тарасова Е.В. Речевая системность в терминах лингвопрагматики / Е.В. Тарасова // Вестник Харк. нац.ун-та. – 2000. – № 471. – С. 273-279.
14. Эшби У.Р. Принципы самоорганизации / У.Р. Эшбию. – М., 1964. – 136 с.
15. Селиванова Е.А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации / Е.А. Селиванова – Киев: Фитосоциоцентр, 2002. – 336с.

Поступила в редакцию 07.09.17

COMMUNICATIVE-PRAGMATIC MACROFIELD OF MODERATION: SYNERGETIC ASPECT

S. N. Kishko

This paper is devoted to the problem of interrelation of the microfields constituting the communicative-pragmatic macrofield of moderation in contemporary English discourse with the emphasis on the synergetic nature of that interrelation. The communicative-pragmatic macrofield of moderation is viewed as a complex self-organizing communicative macrosystem, whose synergetic nature is provided by embedded systems – microfields (mF), in particular, the inconsistency of their borders, as well as inner- and intersystem active relations of their components. Microfields have an amorphous and diffused structure which is typical of the so called fuzzy sets. The nuclei of all microfields, except mF of devaluation, are represented by mono-functional context-independent moderators which make the system stable. The periphery built by context-dependent poly-functional moderators is the sphere of fluctuation and instability which provide the process of self-organization of the system.

Key words: macrofield of moderation, microfield, approximation, hedging, mitigation, devaluation, understatement, moderator, attractor, fluctuation.

Поступила в редакцию 04.09.2017 г.

Кишко Светлана Николаевна

Кандидат филологических наук.
Доцент кафедры английской филологии.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
E-mail: zolotar66@rambler.ru

Kishko Svetlana Nikolaevna

Candidate of Philology, associate professor of
department of English philology
Donetsk National University.
E-mail: zolotar66@rambler.ru

УДК 001.891.32

НЕМЕЦКИЙ ВРАЧ ИЕРОНИМ БРУНШВИГ, РУССКИЙ КНИЖНИК СЕРГИЙ ШЕЛОНИН И ГОРОД МАСТЕРОВ ВЮРЦБУРГ

© 2017. О.С. Сапожникова

Библиотека Российской Академии Наук

Статья посвящена интересному факту из истории древнерусской книжности. Недавно выдающемуся книжнику Сергию Шелонину были атрибутированы два списка Травника, который является переводом с сенсационной для Европы книги «Об искусстве дистилляции» страсбургского врача Иеронима Бруншвига. Факты, изложенные в этом издании, были в большинстве своем понятны и знакомы древнерусскому читателю, но часть из них – абсолютно не приемлема. В статье говорится о познавательной информации, с которой знакомился русский читатель благодаря книге немецкого врача. Одним таким примером является статья о знаменитом городе Вюрцбурге, который, как оказалось, стал известен в России уже в 16 в.

Ключевые слова: Травник, «Книга об искусстве дистилляции», Иероним Бруншви́г, Сергей Шелонин, Вюрцбург.

Знаменитый русский книжник, ученый-эрудит, иеромонах Сергей Шелонин (нач. XVII в. – ок. 1664) оставил после себя значительное книжное наследие. Основная часть его творческих рукописей сохранилась в собрании Соловецкого монастыря, ныне находящемся в Российской Национальной библиотеке (30 рукописных книг), еще 8 известны в других собраниях РНБ и хранилищах Санкт-Петербурга, а также в Москве и Псковском музее-заповеднике.

Рис. 1. Старейший вид Вюрцбурга из «Всемирной хроники» Гартмана Шеделя (Нюрнберг, 1493). Гравюра на дереве

Коллекция атрибутированных Сергию Шелонину рукописей – это редкий пример дошедшей до нас почти в полном составе библиотеки древнерусского ученого, занимавшегося сложными текстологическими и источниковедческими исследованиями памятников древнерусской литературы, редактированием переводных текстов, созданием единого исправного фонда книжности и его изданием. При жизни Сергия из печати вышел только один его труд – отредактированная и дополненная новыми толкованиями «Лествица» Иоанна Синайского (М., 1647). В XVIII в. труды Сергия печатали старообрядцы.

Недавно Сергию Шелонину были атрибутированы еще две рукописи, необычные, на первый взгляд, для его творчества [1]. Они являются списками одного сочинения и

относятся к жанру «Травников ученой традиции», не характерного для книжности Древней Руси вплоть до XVI в. Под такими «Травниками» подразумевают переводы медицинских сочинений с европейских языков. И даже в XVI – XVII вв. переводные «Травники» представлены немногочисленными примерами, еще большей редкостью являются иллюстрированные (или лицевые) их списки. Совершенной неожиданностью стало выявление среди наследия Сергия, изучавшего всю свою жизнь богословские и аскетические труды, светское, медицинское сочинение, к тому же снабженное большим количеством рисунков, – их всего 288! Такое количество рисунков украшает список 1620-х гг., хранящийся в Библиотеке Академии наук (БАН.17.4.12); в списке 1650-х гг. из собрания Российской национальной библиотеки (РНБ.Q.VI.7) находится 10 миниатюр. Среди известных рукописей Сергия единицы имеют выходные (предваряющие текст) иллюстрации и схемы-рисунки. Иллюминированные рукописи для русской средневековой монастырской книжности вообще большая редкость: как правило, это вклады царской семьи и знатных фамилий.

Изучение русского перевода «Травника» и источника, с которого был выполнен этот перевод, приближает нас к пониманию причин интереса выдающегося книжника к памятнику. Оба списка Травника Сергия Шелонина содержат перевод популярного и одного из самых передовых медицинских изданий Европы нач. XVI в. – «Книги об искусстве дистилляции» (*Liber de arte distillandi*) страсбургского врача Иеронима Бруншвига (1450-1512/13) [2]. Несмотря на сугубо, казалось бы, научное и сухое название, бóльшая часть книги является, скорее, занимательной медицинской энциклопедией. Она стала первым в истории книгопечатания изданием, посвященным перегонке травяных настоев и дистилляции спирта, обобщившим и развившим на новом уровне опыт алхимиков Средневековья. Главная часть книги содержит статьи о том сырье в виде растений, животных, насекомых и веществ, которое путем дистилляции превращается, согласно инструкциям автора, в лекарственные средства. В каждой статье (их ок. 350-ти) приводится название растения (фитоним) или животного (зооним) на нескольких языках, затем дается ботаническое описание травы или место обитания животного на основе наблюдений страсбургского врача, а также на основе предшествующей рукописной и печатной традиции Травников, Садов здоровья, Физиологов, Бестиариев; статьи проиллюстрированы гравюрами. Книга стала новым словом в медицине, содержала невиданное ранее в издательском деле количество гравюр с изображениями медицинского и перегонного инструментария, аптечной посуды, растений, животных, садов, огородов, медицинских процедур, врачебном приеме, досуга больных и т.д. Современники по достоинству оценили значение этой книги: при жизни Иеронима она издавалась 5 раз, после его кончины – в Европе вышло вплоть до 1614 г. около 20 изданий на разных языках [3].

Иероним Бруншви́г, родом из Страсбурга, участник в качестве врача в одной из «бургундских» войн (1475 г.), прославился после нее «Книгой по хирургии» (*Das buch der cirugía: hantwirckung der wuntartzny. Strasbourg, 1497*), содержащей большое количество рисунков о видах операций, включая трепанацию черепа. Многочисленные гравюры стали вообще характерной чертой печатных трудов Бруншвига, часть из них копировалась из издания в издание. Но все же самое большое количество иллюстраций содержит именно «Книга об искусстве дистилляции» (в двух редакциях – «Малая» и «Большая» книги). Для европейского книгоиздания книга стала сенсацией. Можно представить, какой интерес вызвала книга в России XVI в.: время создания русского перевода следует отнести к последней четверти этого столетия.

Кроме описанных достоинств, «Книге о дистилляции» характерны, в отличие от других изданий по медицине этого времени, доступный язык (книга написана не на латыни, а на нижненемецком языке), занимательные отступления и воспоминания о случаях из жизни автора, исторические примеры, описание знакомых европейцам, а не экзотических растений и животных. Немецкий врач часто говорит в книге от первого лица, что не является типичным для медицинских трактатов, в которых обычно употреблялись безличные (следует, надо) или императивные формы (возьми, присоветуй, добавь, натри и т.д.) или же – ссылки на авторитетные мнения (Авиценна глаголет, Исаак советует, Альберт Великий пишет).

Как уже говорилось, вторая часть книги Иеронима содержит статьи, посвященные описанию трав и другого сырья, пригодных для изготовления лекарственных средств. Каждый описываемый объект назван по-латыни, по-гречески и по-немецки. Именно это и вызвало главный интерес Сергия, который целенаправленно в течение всей жизни выбирал из сочинений разных жанров иноязычную лексику и терминологию. На основе собранного материала Сергей составил три Азбуковника, это тип средневекового толкового словаря-тезауруса. Последний вариант Азбуковника 1650-х гг. (РНБ., Сол. 18/18) является по объему и широте привлеченного материала – 16000 словарных статей – самым большим в истории Древней Руси и может быть назван первой славянской энциклопедией, поскольку включает статьи по всем областям знания эпохи русского Средневековья. Этот Азбуковник был дополнен Сергием иноязычной лексикой и терминологией из перевода «Книги о дистилляции»: названия трав, ягод, фруктов, овощей, деревьев, животных на трех языках были приписаны его рукой к концу к каждой из глав, в соответствии с алфавитом, в порядке которого расположены все статьи Азбуковника. Таким образом, медицинская европейская энциклопедия стала одним из источников древнерусской энциклопедии.

Пример статьи из перевода «Книги о дистилляции», пополнившей Азбуковник: «**О траве Мандрагоре.** Есть же и трава, нарицаемая по-немецки «алрунень», а по-гречески «антимонь» или «тирцемонь», по-латынски – «мандрагора», две же их суть, сиречь мужеский полъ и женской. Неции же согласуют, что та трава подобна к обличию человеческому. Родится в месте неподобном, ее копают, а бутто от нечистоты ражается, и се есть ложь [...] Неции же прелестнии, кои оманывают, бриониеву корени (латыньским языком – «гунсикибсь») вырезавают, аки лицу человеческому подобно, тонкими же нитьми, тонкою же иглою той корень надергивают за власов вместо. Потом же в навозе или в черной земле тот корень полагают. Тогда цвет подобен корени мандрагорову бывает. И прелестнии тихи-кротки тем люди прельщают и за существо тот корень продают. А то есть оманка и неправда...Трава же собою ягоды имеет черлены. А любят их ести лоси, и елени, едчи же те ягоды, скоро уставают, и беспамятны бывают, и тако уловляемы бывают» (РНБ. Сол. 18/18. Л. 302 об.) [5].

Среди статей «Книги о дистилляции», как уже говорилось, встречаются пересказы исторических и мифологических сюжетов. Например, это истории об используемых царицами Клеопатрой и Семирамидой средств для сохранения красоты (среди них – молоко и кровь осла) или советы Сократа и Платона об украшении досуга и поднятия настроения пожилых людей путем их общения с молодежью, здоровыми, доброжелательными людьми и др.

Одна из статей, в которой Иероним делится с читателями фактами своей биографии, посвящена траве мяты. В немецких изданиях она называется «Nebten krut Wasser», в списках русского перевода – «Нептин крут ватерь», то есть вода из травы «нептин» («wasser» передано как «ватер», что характерно для переводчика, учившегося

нижненемецкому, а также, например, еще голландскому языкам). Что интересно, в эту же статью автор вводит сведения и о другой траве, валериане, только на одном основании (или по любопытной аналогии): любовь кошек к обеим этим травам! Именно с этой «любви» и начинается биографический рассказ.

Иероним Бруншви́г рассказывает о случае в городе Вюрцбург, когда ему было 16 лет: дело происходит в 1466 г., а даты жизни страсбургского врача исследователям известны – 1450-1512/13. Судя по тексту цитируемого ниже рассказа, Иероним пробыл в городе не меньше года. Немецкий город Вюрцбург к тому времени – богатый населенный пункт с благоприятным для виноградарства, сельского хозяйства и торговли расположением: в солнечной долине с уникальным, благодаря тесному окружению высоких холмов, микроклиматом, на берегах судходного Майна.

Начало христианизации земли франков (отсюда – Франкония) связано с приходом ирландских монахов свв. Килиана, Колоната и Тотната, крестивших местных герцогов и мученически скончавшихся в 689 г. В 742 г. архиепископ восточной Франкской Империи Бонифаций, впоследствии канонизированный, основывает здесь епископство Вюрцбургское, что способствует притоку священнослужителей, грамотных людей, ремесленников, мастеров церковного искусства: архитекторов, художников, специалистов по камню, ковке, деревянной пластике, стеклянному делу.

В нач. IX в. здесь основана миссионерская школа, а при кафедральном соборе – богатая библиотека. В 1156 г. император Римской империи германской нации Фридрих I Барбаросса венчается здесь с Беатрисой, принцессой Бургундской; его указом епископы Вюрцбурга получают титул франконских герцогов, а вскоре и право вести рыночную торговлю, чеканить монету и взимать таможенный сбор. С тех пор Вюрцбург навсегда перейдет под власть епископов и никогда не станет свободным имперским городом, несмотря на сильное сопротивление светской власти.

Город прославили многие известные имена. Миннезингер Вальтер фон дер Фогельвейде (XII/XIII вв.), который считается первым национальным немецким поэтом, имел неподалеку от Вюрцбурга лен (земельный надел с крестьянами), похоронен в центре города, во внутреннем дворе монастыря Neumünster. В 1402–1425 г. в Вюрцбурге действует первый в его истории Университет. В 1483 г. в город прибывает знаменитый в будущем скульптор Тильман Римершнайдер, первый, по мнению исследователей, отказавшийся в истории искусства Германии от раскраски деревянных статуй и изменивший облик города своими шедеврами [6]. Архитектор барокко и рококо Бальтазар Нойман в XVIII в. украсил Вюрцбург Дворцом-резиденцией епископов, плафон его парадной лестницы, самый большой на тот момент в Европе, был расписан не менее известным итальянским художником Джанбаттиста Тьеполо. После Наполеоновских войн Вюрцбург присоединен к Баварии и становится столицей округа Нижний Майн, в настоящее время это резиденция правительства Нижней Франконии.

В Новое время Вюрцбург прежде всего город науки. Четырнадцать нобелевских лауреатов прославили его Университет, в том числе и физик Вильгельм Рёнтген, открывший в 1895 г. в лаборатории Вюрцбурга излучение, впоследствии названное его именем (Нобелевская премия 1901 г.).

Самое трагическое событие для благополучного города за все время его существования произошло 16 марта 1945, когда город за 20 минут был практически полностью (на 82 %) разрушен в результате налета британской авиации, – чему нет до сих пор объяснения, так как город не имел стратегического значения, военных заводов, воинских частей [7].

Но пока многие славные и трагические события в жизни Вюрцбурга еще только впереди, прибывший сюда в 1466 г. юноша видит оживленный город, украшенный неороманскими и готическими соборами, отражающимися в водах Майна (рис. 1, 2). Еще не приехал в город скульптор Тильман, но собор св. Килиана с мощами франконских апостолов, семидесятиметровый шпиль со статуей Пресвятой Девы часовни св. Марии на

Рис 2. Панорама Вюрцбурга с крепостью Мариенберг. Гравюра на дереве Маттеуса Мериана (Старшего) (Амстердам, 1642)

Рыночной площади, мост через Майн и главная доминанта всей долины крепость Мариенберг неизменно впечатляют любого путешественника, даже выходца из города Страсбурга с его самым высоким в то время собором в Европе. Иероним застаёт богатый, просвещенный город, с библиотекой, ремесленными цехами, торговлей товарами от Северного моря до Средиземного, виноделием и даже общественной больницей. Еще в 1316 г. высокопоставленная семья Штеренов построила в Вюрцбурге госпиталь (Bürgerspital), который действует до сегодняшнего дня уже в качестве дома престарелых. Вполне вероятно, что юный Иероним Бруншви́г оказался здесь, интересуясь медицинскими учреждениями и знакомясь с профессией врача, или же – по дороге в Италию, где он, как известно, слушал лекции по медицине. Архиепископ Юлиус Эхтер основывает в 1579 г. современнейшую из всех существующих на то время в немецких землях лечебницу «Juliusspital», а в 1582 г. вновь учреждает Вюрцбургский Университет, где начинают преподавать и медицину. В дальнейшем Вюрцбург становится вплоть до наших дней центром передовых медицинских достижений. Будущий врач Иероним, оказавшийся в городе искусных мастеров и врачей, очень наблюдателен и запоминает важные подробности общения с профессионалами. Рассказ, который Иероним поместит во все издания «Книги о дистилляции», посвящен весьма важной для Средневековья, да и для любого времени, проблеме сохранения зрения. Можно не сомневаться, что русский книжник Сергей Шелонин, переписывавший этот текст, был более чем внимателен к советам, в нем содержащимся: он, как член малого собора Соловецкого монастыря, регулярно принимал участие в закупке очков для страдающих плохим зрением монахов, и, по-видимому, к концу жизни сам их использовал; это видно по тому, как строчки его сочинений то строились ровными рядами, то разъезжались в разные стороны, как это бывает с людьми, то забывающими надеть очки, то вновь их находящими [5].

Приводим этот небольшой рассказ, читающийся без разночтений во всех прижизненных изданиях Иеронима (рис. 3, 4), по-русски же переданный следующим образом.

Рис. 3. Глава из «Книги о дистилляции» Иеронима Бруншвига (Страсбург, 1500. Л. 81)

волерияново корение мелко толчено и на день приемлет в меру бобова зерна, – и тако светлость очемъ творит, аки кошки в ночи видятъ. А о траве, о которой мы зде пишемъ, емлемъ лествие от стебля и во алембикъ полагаемъ в месяце июле...» (БАН.17.4.12, л. 144об. – 144 (рис. 5); РНБ.Q.VI.7, л. 283 – 280 об.).

То, что имеется в виду именно случай в Вюрцбурге, нет сомнений: Иероним Бруншви́г приводит устоявшееся на тот момент название города, которое на письме могло передаваться как «Würtzburgk», а русский переводчик передал как «Вартсбургъ градъ». Итак, Иероним Бруншви́г в

«Нептинъ крут ватер. Сиречь вода ис тое травы, а по-гречески «каламинаресъ», а по-латынски «иепито» или «менътанон одорифа», а по-немецки «нептъ» или «кастенъ крутъ», понеже кошки обоняние тое травы любят. А по-русски «полская мята», а растет промеж жита. Есть же иная трава, кою немцы называютъ «денмаркъ» или «балрионъ», а по-латынски «валериона». Есть промеж ними разньство: нептову траву кошки ядятъ, велириановы же травы – корень любятъ, понеже той корень велми светлость наводитъ очемъ.

Азь же, составникъ сей книзе, был есми Вартсбургъ граде в лето после распятия Христова 1466 и видех мастера начальнойшаго, делающа жоковины златыя тощи и, вырезав малъ жеребей ис тое жиковины, и на томъ маломъ жеребее вырезал малою иглою зверя по подобию лва, и потомъ по всем жеребьямъ тое жиковины вырезавъ звери, по тому же – лвовы, и тако на весь год тоже действовал. И удивихся светлости очей его, и прилежно молихся ему, и испытах от него: отчего он такову светлость во очех имеетъ? И онъ мне изъявих: аще кто

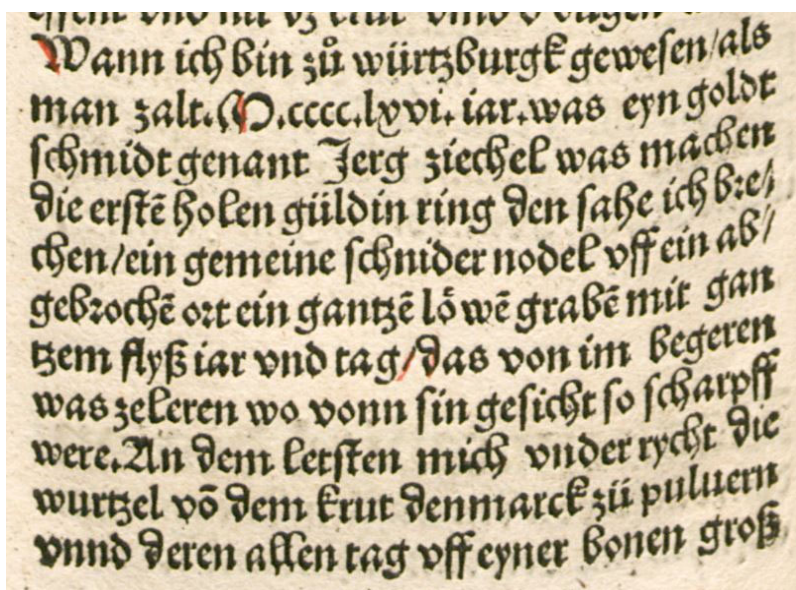

Рис. 4. Фрагмент рассказа о мастере Йерге из Вюрцбурга

молодости познакомился с «мастером начальнейшим», то есть специалистом по драгоценным металлам, гравером, который в немецком оригинале назван совершенно однозначно «ювелиром» и даже указано его имя – «Йерг»: «ein Goldtschmidt genant Jerg» («один ювелир, зовомый Йерг»). Согласно немецкому тексту Иеронима (см. рис. 4), немного измененному и расширенному русским переводчиком, у автора сломалось золотое кольцо. По-видимому, починив его, мастер украсил печатку искусными изображениями, вырезав льва и других животных. В этом заключалось его мастерство. Ювелир Йерг, как пишет Иероним, «так на весь год тоже действовал», то есть весь период, пока будущий врач, по-видимому, находился в Вюрцбурге. Словом «жоковины» русский переводчик передал немецкое «Ring» (кольцо). «Жоковины» (или «жуковины»/«жиковины») – многозначное в книжном языке Московской Руси слово, главное значение – «перстень с камнем, печаткой или с резной вставкой», среди других значений есть и «рельефное литье на металле, выпуклость» [8]. Исследователям рукописей, кодикологам под «жуковиной» или «жуком» больше известно «небольшое защитно-декоративные украшения в виде гвоздя, шляпка которого может иметь разнообразную форму» [9]. Такие гвозди, которые укрепляли кожу на переплете и способствовали уменьшению трения при пользовании рукописью (если кодекс двигают на полке, на столе, в сундуке), как правило, украшались резным растительным орнаментом. Если это были дорогие вкладные рукописи или, например, напестольные Евангелия, то на «жуковиных» могли быть помещены драгоценные или полудрагоценные камни или изображены фигуры евангелистов.

Еще одно из специальных профессиональных слов, скорее, даже терминов, относящихся к технологии дистилляции, – это «алембик». Так называли специальный прибор для перегонки жидкостей – «перегонный куб». В кубе находилось приспособление с водой и сырьем, а внизу – печь; под воздействием пара сырье проходило термическую обработку, полученная жидкость по трубке, охлаждаемая «холодильниками», выливалась в сосуды. В изданиях Иеронима помещено много подробных изображений перегонных кубов, – интересно, что русский миниатюрист только в данном случае скопировал немецкую гравюру во всех подробностях: «алембик» и рядом с ним «лихого» дистиллятора в европейской одежде (рис. 6), – что

Рис. 5. Глава "Нептинь крут ватер" из русского перевода в списке 1620-х гг. Сергия Шелонина (БАН. 17.4.12. Л. 143 об.).

совершенно не было характерно для его манеры, все остальные рисунки с изображением людей аутентичны и изображают традиционные для XVI в. древнерусские костюмы и головные уборы. С должностью дистиллятора в Древней Руси были хорошо знакомы, она упоминается регулярно в документах Аптечного приказа в XVII в.

Благодаря Иерониму Бруншвику и русскому переводчику XVI в. город мастеров Вюрцбург становится известен в России, а книжник Сергей Шелонин вписывает сообщение о нем в свою энциклопедию. Насколько знакомо было жителям Московской Руси влияние травы валерианы на зрение до книги Иеронима Бруншвига, сказать трудно, но рекомендация по приему этой травы становится популярной и переписывается вплоть до XIX в. Язык перевода XVI в. был поновлен Сергием в списке 1650-х гг., редакторская правка коснулась грамматических форм и орфографии, – это известная методика работы Сергия-редактора: он исправлял ошибки и приближал язык текстов к современному ему варианту книжного языка Московской Руси. Варианты «жоковины»/«жиковины» приведены к единообразию и заменены на уже устоявшуюся форму «жуковины», ошибочная форма аориста 3-го л. ед. ч. *изъявих* (д. б. *изъяви*) заменена на распространенную к тому времени в книжности форму перфекта без глагола-связки: *изъявил*.

Тайна прекрасного зрения мастера, о которой автор рассказа «молил» и которой поделился с читателями, была для Средневековья и Возрождения, как, впрочем, и во все времена, более чем актуальна. Но, тем не менее, разница в восприятии зрения и его утраты в эпохи религиозного мировоззрения и в Новое время есть. Для Средневековья зрение стояло исключительно на первом месте среди пяти органов чувств, перечисленных еще Аристотелем: зрение, слух, вкус, обоняние, осязание. Ослабление зрения грозило полным лишением профессии, например, для каллиграфов, ювелиров, миниатюристов, художников, архитекторов, а его утрата – обречением любого на нищету и скорую смерть, если не было средств или семьи для поддержания хоть какого-то существования. И хотя уже в 1300-х гг. были изобретены очки, они еще долгое время оставались предметом роскоши и не спасали от ухудшения и утраты зрения. Вопросам поддержания зрения посвящены многие статьи во всех рукописных и печатных «Травниках», начиная с самого известного медицинского и ботанического труда древнегреческого врача-ученого, «отца фармакогнозии» Педания Диоскорида (I в. н.э.) «О лекарственных веществах» (*De Materia Medica*). Особенность восприятия зрения Средневековьем обусловлена богословским аспектом. И восточные, и западные богословы неоднократно толковали слова Христа о глазах/зрении, в которых содержится множество метафорических смыслов, вложенных, как всегда в Евангелии, в

Рис. 6. Миниатюра с изображением перегонного куба и дистиллятора (БАН.17.4.12. Л. 300 об.).

притчу, конкретный случай, даже физиологическое наблюдение: «Светильник для тела есть око. Итак, если око твое будет чисто, то все тело твое будет светло; если же око твое будет худо, то все тело твое будет темно» (Мф. 6: 22–23). Согласно Иоанну Златоусту, «глаз здоровый освещает тело, а, если худ, затемняет ум». Здоровые глаза видят свет (=Божество), а тусклый, помраченный, больной глаз видит только плохое изображение (=земное), ему тяжело смотреть на яркий свет, на небесное. Глаза понимались как дверь, куда входит Дух. Именно зрение, по представлениям Средневековья, прежде всего даст человеку утешение после смерти: благодаря ему человек насладится лицезрением красот и гармонии рая. Архиепископ Новгородский Василий (Калика) в послании «О рае» (ок. 1347 г.) пересказывает новгородскую легенду о путешественниках, достигших места блаженства: *увидевшие* его всплескивали руками, смеялись и «побеже от друговъ своихъ». А евангельские чудесные исцеления и буквальное понимание слов Христа «на суд пришел Я в мир сей, чтобы невидящие видели, а видящие стали слепы» (Ио 9:39) давали надежду и незрячим – на посмертное или даже очень скорое счастье прозрения. В ожидании и предвкушении Царствия Небесного жили все люди той эпохи. И самая большая визуальная радость на земле для скученного и нечистоплотного Средневековья была связана не с человеческим жилищем, а с сакральным пространством – это головокружительная высота храмов, купола и шпили соборов, краски фресок, узорная резьба по камню и дереву, мозаика, витражи, скульптуры, барельефы, облачение, процессии. И только после визуального наслаждения человеческое ухо воспринимает Слово, и вступают в свой черед другие органы чувств [10].

Молодой Иероним Бруншви́г не зря так долго помнил эту историю: сохранение столь острого зрения, как у вюрцбургского мастера Йерга, – одна из важных проблем, которую он пытался решить на страницах своей книги. И многие рецепты, предложенные в ней для поддержания зоркости, были переведены русским переводчиком с особым рвением (он даже делал дополнения от себя, некоторые из которых для нашего времени почти фантастичны и относятся к суевериям, свойственным всем народам), а русские книжники, включая Сергей Шелонина, их тщательно переписывали.

Деятельность Сергея Шелонина в последнее время все более привлекает внимание исследователей, но недавно атрибутированный ему в двух списках «Травник» вообще никогда не был объектом внимания источниковедов, историков культуры и менталитета людей русского Средневековья. Несмотря на то, что русский перевод книги страсбургского врача ставит пока больше вопросов, нежели дает ответов, – те ответы, которые уже очевидны при предварительном изучении, более чем интересны. Если для истории русской культуры большой редкостью являются прямые, оценочные свидетельства о восприятии соотечественниками фактов европейской культуры в эпоху Средневековья, то перевод книги Иеронима Бруншвига дает достаточно богатый материал для готовых выводов на этот счет. На фоне материала, хорошо знакомого древнерусским читателям, – это касается прежде всего описания трав и их свойств, животных и их повадок, а также симптомов заболеваний, – часть эпизодов немецкой книги были все же им абсолютно не понятны, а некоторые – категорически чужды. Например, неприемлемыми для переводчика оказались главы об использовании человеческой крови (с целью омоложения и лечения различных заболеваний), применении в качестве лечебных препаратов человеческого кала, красных червей и др., поэтому он их «переступал», опускал [11]. Подобные факты – сознательные пропуски – возможно считать прямым свидетельством современника об

этических нормах эпохи, о том, что было свойственно его обществу, а что для него недопустимо. Комментируемые самим переводчиком лакуны – это источник для исследования различий между средневековым европейским (или католическим) и древнерусским (или православным) мировоззрениями в Средневековье. Еще одна особенность этого перевода, который в наибольшей полноте сохранился в списках Сергия, не характерная для книжности XVI в., – личность переводчика. Это первый известный на данный момент случай, когда перевод европейского медицинского сочинения был выполнен в XVI в. не иностранцем, как в случае с известными переводами медицинских трактатов в России того времени, а русским врачом.

Как показывает опыт всех, кто обращается к источникам по истории России, еще множество неизвестных ученым фактов ждут своего открытия. Например, еще в 2010 г., когда по стечению обстоятельств и по инициативе проф. Кристиана Ханника именно в Вюрцбурге проходила презентация книги, посвященной деятельности Сергия Шелонина, невозможно было предположить что выдающийся русский книжник причастен к подготовке списков сенсационного европейского издания и, оказывается, знал о существовании этого знаменитого города и даже переписал статью о нем в далеком XVII в. И уж точно, когда Сергей Шелонин копировал, возможно, в тишине островного Соловецкого монастыря (рис. 7) строчки о мастере немецкого города, вырезавшего «жоковины», он не мог представить, что в этой цитадели франконских епископов католическим пресвитером и доктором богословия о. Петром (Планком), перешедшим в Православие, будет основан приход Московского патриархата, службы которого будут совершаться в православном храме Благовещения Пресвятой Богородицы [12].*

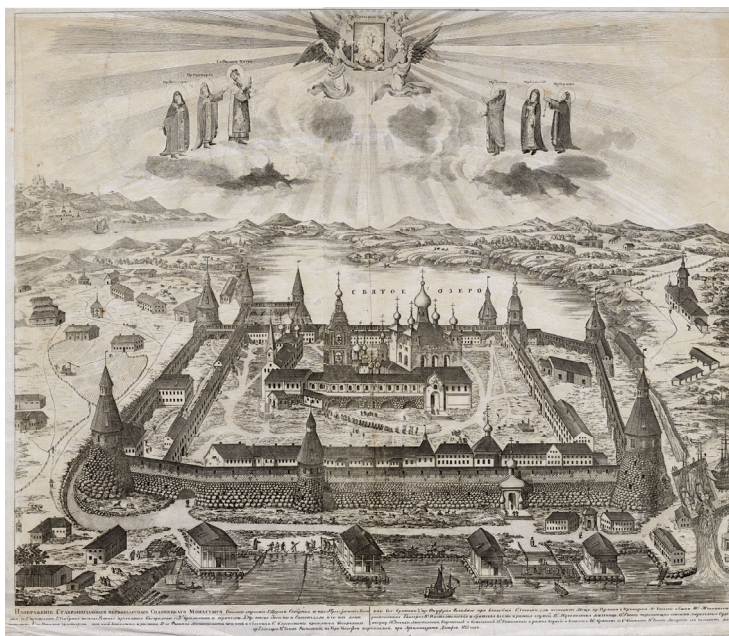

Рис. 7. Изображение Соловецкого острова и монастыря с крестным ходом и соловецкими святыми. Гравер Шелковников. 1827 г. (источник: Наследие Соловецкого монастыря в музеях Архангельской области : Каталог / Сост. Т. М. Кольцова. М., 2006. № 132. С. 95).

* Благодарю Софью Ремовну Хоробрых за консультации по истории и современной жизни г. Вюрцбурга.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Коваленко К. И. «Сказание о пропущении вод»: особенности перевода, списки, редакции // Рябининские чтения–2015: Материалы VII конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. – Петрозаводск, 2015. – С. 485–487; Сапожникова О. С. Лицевой Травник Сергия Шелонина: список с перевода русского врача XVI в. // Вестник Альянс-Архео. – 2016. – № 14. – С. 12-34.
2. Змеев Л. Ф. Русские врачевники: Исследование в области древней врачебной письменности». – СПб., 1895 (На обл. 1896 г.). – С. 101-113; Л. Ф. Змеев назвал шесть списков русского перевода «Книги о

- дистилляции», сейчас их известно семь. Два названных списка Сергея Шелонина содержат самый полный текст перевода.
3. Keil G. Brunshwig, Hieronymus // Lexikon des Mittelalters: Studienausgabe in 9 Bd. – Stuttgart, 2002. – Bd. 2. – Col. 793 – 794.
 4. Богоявленский Н. А. Древнерусское врачевание в XI–XVII вв. Источники для изучения истории русской медицины. – М., 1960. – С. 72-83.
 5. Сапожникова О. С. Русский книжник XVII в. Сергей Шелонин: Редакторская деятельность. – М.; СПб., 2010. – С. 409 – 410; 398, 360 – 374.
 6. Baxandall M. Die Kunst der Bildschnitzer: Tilman Riemenschneider: Veit Stoß und ihre Zeitgenossen. – München, 2004; Erben M. Meister Til aus der Franziskanergasse in Würzburg. – Würzburg, 1996.
 7. Patock C. Würzburg // Lexicon für Theologie und Kirche [10 Bd.]/ hrsg. Von Walter Kasper. – Freiburg; Basel; Wien, 2009. – Bd. 10. – Col. 1329 – 1333.
 8. Словарь русского языка XI – XVII вв. – М., 1978. – Вып. 5. – С. 124
 9. Калугин В. В. Вопросы описания древнерусских обиходных переплетов: Словарь специальной лексики переплетного дела // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописных книг. М., 1990. Вып. 3. С. 233. «Жукъ – род гвоздя с выпуклой шляпкой, употреблявшийся как украшение, бляха» (Словарь русского языка XI – XVII вв. – М., 1978. – Вып. 5. – С. 124).
 10. Ле Гофф, Ж., Трюон Н. История тела в Средние века / пер. с фр. Е. Лебедевой. – М., 2016. – С. 170 – 172; Baxandall. M. L'Oeil du Quattrocento: L'usage de la peinture dans l'Italie de la Renaissance // Actes de la recherche en sciences sociales. – Vol. 40. Novembre. 1981 (Sociologie de l'oeil). – P. 15, 16, 34, 37.
 11. Сапожникова О.С.: 1) Неизвестный русский перевод XVI века из медико-астрологического трактата «Книга о жизни» итальянского гуманиста Марсилио Фичино // Петербургская библиотечная школа. – СПб., 2016. – № 3 (55). – С. 12 – 24, 2) «Иные же притчи яз, перевотчик, zde преступил»: православный традиционализм vs европейский гуманизм // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. (Тезисы докладов участников IX международной научной конференции «Комплексный подход в изучении Древней Руси. 11 – 15 сентября 2017 г.). – Вып. 3 (69). – М., 2017. – С. 120-121.
 12. <http://karta.patriarchia.ru/prihod/1488968.html>; <http://www.rok-wuerzburg.de/index.php?id=9>;
<https://www.facebook.com/rokwuerzburg>

Поступила в редакцию 05.04.2017 г.

GERMAN DOCTOR HIERONYMUS BRUNSCHWIG, RUSSIAN BOOK-SCRIBER SERGIUS SHELONIN AND CITY OF MASTERS WÜRZBURG

O.S. Sapozhnikova

The article deals with an interesting fact from the history of ancient Russian literature. Recently, two copies of the Herbal manuscript («Travnik») were attributed to the outstanding bookscriber Sergius Shelonin. «Travnik» is a translation of the sensational for Europe «Liber de arte distillandi» by Strasbourg doctor Hieronymus Brunshwig. The facts in this edition were mostly clear and familiar to the Old Russian reader, but some of them were absolutely unacceptable. The article refers to certain facts, which the Russian reader has got to know thanks to the book by the German doctor. The article addresses one of such examples, dealing with the famous city of Würzburg, which became known in Russia as early as 16th century.

Key words: Herbal manuscript, «Liber de arte distillandi», Hieronymus Brunshwig, Sergius Shelonin, Würzburg,

Сапожникова Ольга Сергеевна.

Кандидат филологических наук.

Библиотека Российской Академии Наук.

Научный сотрудник Научно-исследовательского
отдела рукописей.

E-mail: olsapoj@mail.ru

Sapozhnikova Olga Sergejevna.

Candidate of Philology.

Library of the Russian Academy of Sciences.

Researcher at the Scientific Department of
Manuscripts.

E-mail: olsapoj@mail.ru

УДК 82-31

ПРИНЦИПЫ КОДЕКСА ЧЕСТИ В РОМАНЕ «ДУБРОВСКИЙ» А.С.ПУШКИНА

© 2017. А.А. Сорокин

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье рассматриваются вопросы нравственного поведения дворянина, затрагиваемые в романе А.С.Пушкина «Дубровский». Обращение к этим вопросам видится достаточно актуальным, в силу того, что затрагиваются процессы становления кодекса чести для господствующего сословия России в XVIII – первом десятилетии XIX веков, влияющего на его носителей, героев произведения. Социальное расслоение дворянства приводит к тому, что по-разному понимаемые нравственные аспекты жизни приводят к разобщению людей, к разрушению социума. В лагере «отцов» разобщаются Троекуров и старший Дубровский, в лагере «детей» – Маша и Владимир; гибнет Кистенёвка, закладываются основы симпатии к «разбойнику» Владимиру Дубровскому и антипатии к хозяину Покровского. В целом, намечаются перспективные линии гибели и запустения дворянских поместий.

Ключевые слова: кодекс чести, нравственные вопросы, «отцы», «дети».

Незаконченный роман А.С. Пушкина с условным названием «Дубровский» является, прежде всего, социальным [1, с. 147]. Это во многом накладывает отпечаток и на портреты изображаемых героев, на их страсти и пристрастия, на отношение их друг к другу. Но это же жанровое обоснование касается и вопросов устанавливаемых норм поведения в новых, современных автору условиях жизни.

Установление этих норм являлось прерогативой господствующего сословия – дворян.

Писатель, работая над романом, сразу же определил рамки современности, своего времени.

Но Пушкину необходимо было оттолкнуться от определённых событий прошлого, и это, безусловно, делало роман историческим. Важно было найти те начальные основания, которые приводили бы к социальным катаклизмам сегодняшнего дня, то есть – приблизительно – к рубежу двадцатых годов 19 века. «Славный 1762 год» в этом смысле был изначально отправной точкой, так как, благодаря дворцовому перевороту, а не в силу военных заслуг дворянина перед Отечеством, «Троекуров, родственник княгини Дашковой, пошёл в гору» [2, с. 755]. Время русско-турецкой войны 1787–1791 годов, в которой участвовал Андрей Гаврилович Дубровский [3, с. 19], – это тоже «славное» время «отцов», формирующее другую сторону социального дворянского характера.

На рубеж 1820-х годов как раз и приходится нормирование дворянских установок поведения «отцов» и отрицание этого нормирования «детьми». Наиболее яркий литературный документ об этой эпохе – комедия А.С.Грибоедова «Горе от ума», воспринятая современниками как остросоциальная сатира времени.

Совсем не случайно поминание героев этой комедии А.С.Пушкиным в его критической работе «Путешествие из Москвы в Петербург». Тревога автора по поводу того, что «подмосковные деревни ... пусты и печальны», а «барский дом дряхлеет» [4, с. 246.], вызывается поиском первопричин, приведших к такому положению вещей. А первопричины эти – в неприятии молодым поколением завета «отцов»: «Учились бы, на старших глядя». В 1835 году, когда была написана глава «Москва», уже невозможно

найти «ни Фамусова, ..., ни Татьяны Юрьевны.... Хлѣстова – в могиле, Репетилов – в деревне» [4, с. 247].

Следовательно, причины «увядания» «отцов» необходимо искать там, где прошла трещина между неприятием основ социального поведения дворянства «детьми». Именно этим можно объяснить нарушение хронологических рамок изображаемой жизни, о которой давно уже говорят в пушкинистике [5, с. 183–186], но которое объясняют недоработкой автора в силу незаконченности произведения, а не той золотой точкой сечения, на которой сходятся мотивы нравственных поступков «отцов» и «детей».

Формирование кодекса чести дворянства изначально основывалось на нормах поведения для «детей», определённых по указу Петра Первого («Юности честное зерцало» о. Гавриила и Я.Брюса). Однако «дворянство фактически монополизировало военную службу», а «в результате петровской реформы, сделалось монополистом ещё более важной стороны общественной жизни – присвоило себе исключительное право душевладения» [6, с. 27].

Намечается разрыв между петровским идеалом опоры самодержавия, дворянства, и «жаждой выразить себя, проявить во всей полноте личность» [6, с. 255] «баловнями судьбы», одним из которых предстаёт со страниц романа «Дубровский» Кирилла Петровича Троекуров.

Своеобразным деспотом этого яркого персонажа, конечно же, делает «исключительное право душевладения». Однако и роль «баловня судьбы» тоже делает его законодателем норм поведения господина губернии: «соседи рады были угождать малейшим его прихотям; губернские чиновники трепетали при его имени; Кирилла Петрович принимал знаки подобоострастия как надлежащую дань; дом его всегда был полон гостями, готовыми тешить его барскую праздность...» [7, с. 126].

Вместе с тем, пушкинисты не задавались ещё вопросом о том, что послужило причиной многолетней дружбы между генерал-аншефом и «отставным поручиком гвардии» Андреем Гавриловичем Дубровским. Объяснение самого повествователя выглядит не совсем убедительным из-за оговорки «в некоторых отношениях»: «В некоторых отношениях и судьба их была одинакова: оба женились по любви, оба скоро овдовели, у обоих оставалось по ребёнку» [7, с. 138].

Предполагаем, что своё высокомерие Кирилла Петровича оправдывает той высокой мерой, которую он назначает каждому в его нравственном поведении. Все в этом смысле пасуют; почти каждый представляется корыстолюбивым лицемером; каждому Троекуров знает цену. Так, знает он цену Спицыну («Эге! – прервал Кирилла Петрович, – да ты, знать, не из храброго десятка; чего ты боишься?») [7, с. 159]. Знает цену и исполнителям власти (например, к исправнику обращается с иронией: «Нечего сказать, умные головушки приказные» [7, с. 163]).

При этом Троекуров способен сожалеть о тех, кто тянется к высокой мере нравственных допущений, устанавливаемых главным господином губернии: «Нет, – продолжал Кирилла Петрович, — уж не видать нам такого исправника, каков был покойник Тарас Алексеевич! Этот был не промах, не разиня. Жаль, что сожгли молодца, а то бы от него не ушёл ни один человек изо всей шайки. Он бы всех до единого переловил, да и сам Дубровский не вывернулся б и не откупился. Тарас Алексеевич деньги с него взять-то бы взял, да и самого не выпустил: таков был обычай у покойника» [7, с. 163]. Способен высоко оценить смелость Дефоржа, своих крепостных («народ не трусливый, каждый в одиночку на медведя ходит» [7, с. 163]).

Полностью же высокой мере нравственного поведения соответствует в глазах Троекурова старший Дубровский. Он бескорыстен, смел в поведении и высказываниях, что соответствует и кодексу чести дворянина: «Честь обязывала дворянина быть достойным своей свободы и силы. Недопустимыми считались ложь, трусость, неверность присяге или данному слову» [8, с. 12].

Андрей Гаврилович, на наш взгляд, в Троекурове видит, как раз блюстителя этих норм, строгого судью над теми, кто эти нормы нарушает, кого ожидают за это «проказы» высокопоставленного барина.

Именно этим и можно, пожалуй, объяснить многолетнюю дружбу двух таких разных, на первый взгляд, людей, какими предстают в романе Кирила Петрович Троекуров и Андрей Гаврилович Дубровский.

К ссоре друзей приводит нарушение самой главной, по мнению Троекурова, нормы кодекса чести дворянина – честности.

На протяжении романа мы видим, как Кирила Петрович относится к лжецам. Достаточно вспомнить, как приводит Троекуров Сашу к слову правды в сцене допроса по поводу кольца Марьи Кириловны. Как непримирим отец и к дочери, просящей не выдавать её замуж за князя Верейского: «...до сих пор ты молчала и была согласна, а теперь, когда всё решено, ты вздумала капризничать и отречься. Не изволь дурачиться; этим со мною ты ничего не выиграешь» [7, с. 183-184].

Видимо, старший Дубровский неоднократно посещал псарню Троекурова. Однако всё более разрастающаяся свора собак Кирилы Петровича не могла не вывести его из равновесия: «Его состояние позволяло ему держать только двух гончих и одну свору борзых; он не мог удержаться от некоторой зависти при виде сего великолепного заведения» [7, с. 129]. Троекуров замечает это и хочет, чтобы Андрей Гаврилович признался в том, что позавидовал другу. Однако старший Дубровский, вместо признания, критикует жизнь крепостных хозяина.

Мы не будем останавливаться подробно на конфликте, переросшем в разрыв между бывшими друзьями, – это неоднократно делалось литературоведами-пушкинистами в социальном срезе. Скажем только, что конфликт этот перерос в социальный из нравственного поступка, – точнее: из-за отступления от нравственных норм поведения старшего Дубровского возник безнравственный по своей сути конфликт.

Важно отметить, что для самого Андрея Гавриловича этот конфликт изначально социален, хотя Троекуров видит в нём только нравственную сторону проблемы, возникающей между друзьями. Старший Дубровский приходит, в процессе разрастания конфликта, к мысли о нерасторжимости социального начала от нравственного. К сожалению, мысль эта, высказанная вслух, видится судьейскими и истцом бредом сумасшедшего. Однако социальное начало (псари с собаками) логично связывается с духовными корнями (в божьем храме) человеческого поступка. Поэтому не случайно обращение старшего Дубровского к Троекурову: «Слыхано дело, ваше превосходительство, ... псари вводят собак в Божию церковь! собаки бегают по церкви. Я вас уже проучу...» [7, с. 137].

Пройдя долгий путь офицера, отдавшего воинский долг Отечеству, Андрей Гаврилович очень хорошо знает вопросы иерархии. «Как верноподданный, слуга государства, он <дворянин. – С.А.> подчинялся приказу.... Но в то же время, как дворянин, человек сословия, которое одновременно было и социально господствующей корпорацией, и культурной элитой, он подчиняется законам чести» [6, с. 164].

Троекуров же этого не понимает. Вопрос иерархии для него не общественный, а личный вопрос. Вследствие этого он считает должным сам устанавливать законы чести.

При этом «ему свойственны гуманные порывы: он предлагает своё покровительство Андрею Дубровскому, желая спасти его от унижений бедности» [9, с. 135].

Что касается «детей», то вопросы нравственного поведения для Владимира Дубровского становятся актуальными лишь тогда, когда он узнаёт из письма няни о беде, случившейся с его отцом. Социально-нравственным своим состоянием младший Дубровский не озабочен, позволяя себе «роскошные прихоти» [7, с. 139], играя в карты и делая долги. Более того, он расходится с отцом во взглядах на своё будущее.

Андрей Гаврилович придерживается мнения: «Бедному дворянину, каков он, лучше жениться на бедной дворяночке, да быть главою в доме, чем сделаться приказчиком избалованной бабёнки» [7, с. 128]; в то же время сын его «предвидит» для себя «богатую невесту, мечту бедной молодости» [7, с. 138].

Он расточителен, однако понимает, что беден, несмотря на все старания отца помочь ему. По всему видно, что Кистенёвка, поместье Дубровских, большого дохода не приносит. «Хозяйственные занятия» [7, с. 149], то есть контроль над крепостными, вёлся преимущественно «матушкой» Владимира. По смерти супруги, у Андрея Гавриловича «хозяйственные занятия» запускаются. Это видно по ряду признаков. Дворовые люди могут свободно вырывать страницы из расходной книги [7, с. 138]. Кроме того, Владимир, не бывший дома двенадцать лет, замечает, что крыльцо отчего дома обветшало, а хозяйский двор, некогда украшенный цветниками, теперь превратился «в некошенный луг, на котором паслась опутанная лошадь» [7, с. 141].

Не зря в контрасте здесь же даётся описание усадьбы Троекурова с каменным домом, пятиглавой церковью и деревенскими избами с огородами и колодцами.

Смерть отца и приезд судейских лишают на время убитого горем молодого Дубровского ощущения почвы под ногами. Однако народный возглас – «Как не так» [7, с. 147] – воспринимается исправником с судейскими как бунт. Ведомый стихией бунта, это выражение повторит кузнец Архип [7, с. 151], а потом мы его услышим из уст рыжего мальчика, связного отряда разбойников Дубровского [7, с. 186].

На уровне народного движения, формирующего новые законы нравственной правды, справедливости, «шайка» Дубровского действуют иначе, чем «разбойники» Троекурова.

Троекуровские люди чувствуют безнаказанность, вытапывая помещичьи поля Андрея Гавриловича. Они без зазрения совести могут быть посланы хозяином на расправу с «шайкой», которая владения Троекурова не трогает.

Бунтари из Кистенёвки грабят прохожих и сжигают помещичьи дома, но при этом Владимир Дубровский, их предводитель, «славится» «умом, отважностью и каким-то великодушием», его люди именуются в губернии не иначе, как «отважные злодеи» [7, с. 153].

Симпатией к «разбойнику» Дубровскому наполнен рассказ Анны Савишны Глобовой. «Генерал мой», – называет она его, находя сходство Владимира не с каким-нибудь головорезом, а с героем Отечественной войны 1812 года генералом Я.П.Кульневым [7, с. 161]. «Смотрительша» Пахомовна пеняет своего мужа, стационарного смотрителя Сидорыча, за то, что тот не сказал ей о побывавшем у них недолгое время на станции Дубровском.

Для самого Владимира Дубровского роль предводителя разбойников представляется вынужденной. Интересно отметить, что Дубровский не судьбу в этом винит, не обстоятельства, но Троекурова, устанавливающего в губернии свои законы мироустройства. «Да, я тот несчастный, – признаётся Владимир Маше, – которого ваш

отец лишил куса хлеба, выгнал из отеческого дома и послал грабить на больших дорогах» [7, с. 173].

Именно осознание того, что Троекуров «послал грабить на больших дорогах», не даёт младшему Дубровскому успокоиться, опуститься, но, наоборот, даёт ему право чувствовать себя человеком чести, при всём том, что чести его как бы лишили. Да, «попраны его честь и нравственное достоинство» [1, с. 142], но это позволяет герою на честь и достоинство взглянуть другими глазами – в том числе, и глазами Дефоржа, человеком «от кúзницы» (буквальный перевод фамилии Дефорж с французского), который позволяет себе гордо сказать в лицо обидчику, что «не намерен терпеть обиду, за которую, по моему званию, не могу требовать удовлетворенья» [7, с. 157].

В финале романа, как известно, вопрос дворянской чести оказывается не сродни вопросу чести взбунтовавшихся крестьян. Однако мы склонны согласиться с предположением известного литературоведа Н.Н.Петруниной о том, что «обращение Дубровского к недавним товарищам при роспуске шайки: «Вы все мошенники и, вероятно, не захотите оставить ваше ремесло» – звучат как дань литературной традиции (ср., например, драму Шиллера «Разбойники», действие II, сцена III), а не вытекают органически из художественной ткани романа» [1, с. 148].

Кроме того, не следует забывать, что Владимир Дубровский сознательно и добровольно принимает решение о совместной с крестьянами борьбе против установленного Троекуровым миропорядка в рамках губернии.

Среди «детей» также выделяется в росте самосознания Марья Кириловна Троекурова. С одной стороны, отцовское «богатство, власть утверждали в ней чувство превосходства над остальными» [3, с. 62]. С другой стороны, не имеющая подруг, друзей, Маша находит советчиков для себя в книгах. В основном, это французские романы, на героинь которых примеривает свою жизнь девушка.

Пушкинисты находят определённые пересечения сюжетных коллизий романа с «Гаем Мэннерингом» [9, с. 131-136], «Ламмермутской невестой» [1, с. 151-153] и «Роб Роем» В.Скотта [1, с. 154-156], с «Валентиной» Ж.Санд [1, с. 160-161] и «Новой Элоизой» Ж.-Ж. Руссо [1, с. 162]. При этом почему-то отрицается подсказываемая автором связь романа «Дубровский» с произведениями Анны Радклиф [1, с. 153].

Маша, возможно, и рада бы примерить на себя роль Юлии Ж.-Ж. Руссо, но только любовь свою к Дефоржу она вынуждена скрывать, а не свободно проявлять, как героиня «Новой Элоизы». Кроме того, никто ей бежать не предлагает, подобно Сен-Пре, но Владимир предлагает помощь, спасение, в случае посягательства на честь девушки. С таким «книжным» вариантом жизни Марья Кириловна ещё не встречалась. И французские романы здесь ей не помогают.

Готические романы Анны Радклиф – вот та установка на ужас жизни, который переживает впечатлительная девушка. Её постоянная неопределённость и нерешительность в выборе решений, в праве на поступок, связаны с совместимостью ужасов нравов отца с ужасами, предстающими на страницах романов Радклиф.

Марья Кириловна, подобно героиням английской писательницы, переживает и деспотизм отца (как Эмилия из «Удольфских тайн» с покорностью подчиняется самодурству тётки), и на краю духовной гибели отказывается от спасения Дубровским её (как Эллена из «Итальянца», ожидая смерть, отказывается от брака с любимым) [10].

Существуют отдельные суждения литературоведов о том, что Владимир Дубровский чересчур мелодраматичен и романтичен, особенно в общении с Марьей Кириловной [3, с. 69]. Однако герой романа сдержан, речь его – речь молодого человека, где-то рефлектирующего, где-то деловитого, где-то эмоционального. Свои

отношения, своё общение с Машей он, на наш взгляд, вынужден выстраивать таким образом, чтобы быть понятым и услышанным «книжной» девушкой, но не потому, что он излишне романтичен.

Юной героине негде черпать истоки нравственности, кроме как из книг. Жизнь её очень ограничена общением с другими людьми. Но даже появление в жизни Марьи Кириловны Дефоржа-Дубровского не может изменить её книжных представлений о «романической» чести. «Быть похищенною любовником-разбойником у алтаря, куда насильно притащили её, чтоб обвенчать с развратным старичишкой, – казалось для неё очень «романическим», следовательно, чрезвычайно заманчивым. Но Дубровский опоздал, – и она втайне этому обрадовалась и разыграла роль верной жены, следовательно – опять героини...» [11, с. 578]. Однако бесценно хотя бы уже то, что к Маше приходит осознание большой для неё социально-нравственной истины: «храбрость и гордое самолюбие не исключительно принадлежат одному сословию» [7, с. 157].

В целом, мы видим, как в романе ставится вопрос не только о возможности руководства дворянином крестьянского бунта, но и ставится проблема нравственного поведения дворянина. Именно эта проблема приводит к разделению «отцов» в собственном социальном лагере и к расколу в отношениях между «детьми» и «отцами». Подмена нравственных принципов поведения социальными, пренебрежение, слепота и глухота в понимании насущных общечеловеческих устремлений приводят к индивидуальным жизненным катастрофам и разрушению устойчивого социума. Пожалуй, только старший Дубровский смог прозреть духовное, а не самоуправное начало в нравственном кодексе чести дворянина-человека. Его сын, Владимир, только находится на пути к этому пониманию. Не взаимная, «книжная» любовь к Марье Кириловне не возносит героя так, как ему желалось, на уровень решения вопросов чести, и не отрезвляет. Сознательно лишая себя народной правды бунта, Владимир Дубровский тем самым лишает себя нравственной опоры. Этого не скажешь о возникающем ещё пока только в замыслах автора героях – Петре Гринёве и Марии Мироновой – из уже начатой в то же время, что и «Дубровский», «Капитанской дочки».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Петрунина Н. Н. Пушкин на пути к роману в прозе: "Дубровский" // Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1979. – Т. 9. – С. 141-167.
2. Пушкин А. С. Романы и повести. Путешествия: Другие редакции, планы, варианты // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. – Т. 8, кн. 2. Романы и повести. Путешествия. –1940. – 621 с.
3. Соболева Т.П. Повесть А.С.Пушкина «Дубровский». – М.: Издательство Академии педагогических наук РСФСР, 1963. – 116 с.
4. Пушкин А. С. Путешествие из Москвы в Петербург: Беловая редакция // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937-1959. – Т. 11. Критика и публицистика, 1819—1834. – 1949. – С. 243-267.
5. Лернер Н.О. Пушкинологические этюды. О «Дубровском» // Звенья: Сборник материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIX века. – М. – Л.: «ACADEMIA», 1935. – С.183-186.
6. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). – СПб.: Искусство, 1994. – 400 с.
7. Пушкин А.С. Романы и повести. – Петрозаводск: Карельское книжное изд-во, 1962. – С. 126-195.
8. Востриков А.В. Книга о русской дуэли. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 1998. – 278 с.
9. Зборовец И.В. «Дубровский» и «Гай Мэннеринг» В. Скотта // Временник Пушкинской комиссии 1974.– Л.: Наука, 1977. – С.131-136.

10. Атарова К. Анна Рэдклифф и её время [Электронный ресурс] // Анна Рэдклифф. Роман в лесу. – <http://profilib.com/chtenie/96399/anna-redkliff-roman-v-lesu.php>
11. Белинский В.Г. Статьи о Пушкине. // Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: В 13 томах. – М.: Изд-во АН СССР, 1955, – Т. VII. Статьи и рецензии 1843 года. Статьи о Пушкине. – С. 99-578.

Поступила в редакцию 08.03.2017 г.

**PRINCIPLES OF THE CODE OF HONOUR IN THE NOVEL "DUBROVSKY"
BY A. S. PUSHKIN**

A.A. Sorokin

The article addresses moral behavior of a nobleman in the novel "Dubrovsky" by A. Pushkin. The Code of Honour is treated differently by the main characters of the novel. Social inequality resulting in different attitude to moral issues and life values brings about people separation and society destruction.

Keywords: code of honour, moral values, "fathers", "children".

Сорокин Александр Анатольевич.

Кандидат филологических наук, доцент.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

E-mail: aa40in@inbox.ru.

Sorokin Aleksandr Anatolyevich.

Candidate of Philology, Docent.

Donetsk National University.

E-mail: aa40in@inbox.ru.

УДК 82-32:398.8

**«РАССКАЗ ТАТАРИНА» Н. ДУРОВОЙ – ФОЛЬКЛОРНАЯ ПЕСНЬ
ТАТАРСКОГО НАРОДА**

© 2017. В.А. Филатова

ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»

В статье рассматривается глава из «Записок кавалерист-девицы» Н. Дуровой под названием «Рассказ татарина», в которой описаны обычаи и традиции татар; сравнивается с историческими и этнографическими источниками, определяется как фольклорная песнь татарского народа.

Ключевые слова: фольклор, песнь, рассказ, татары, традиции.

Н.А.Дурова, легендарная героиня войны 1812 года, известная своими «Записками», оставила ещё и целый ряд повестей, в которых с почтением и уважением «дает яркие жанровые картины с бытовыми и этнографическими подробностями из реальной жизни» проживающих там народов [8, с. XXII]. Особенности творческого пути писательницы, по мнению Е. Приказчиковой, повлияли на то, что национальный вопрос в творчестве Н. Дуровой занимает одно из ведущих мест и, «как следствие, ей удается в своем творчестве предвосхитить теорию этносимволизма, представителем которого является известный британский историк Энтони Смит» [6, с. 59]. Все «герои художественных текстов Дуровой, к какой бы нации они ни принадлежали, обладают высоким уровнем национальной самоидентификации» [6, с. 59].

И.В. Быкова, отмечая появление в первой трети XIX века этнографической повести, в которой изображались традиции, нравы и быт малых народов России, подчёркивает, что Н. Дурова также не обошла вниманием эту тему, т.к. для писательницы «характерна толерантность и особое поэтическое отношение к разным национальностям» в целом [3, с. 331]. В критической литературе можно встретить анализ повестей «Серный ключ», «Нурмека. Происшествие в царствование Иоанна Грозного после покорения Казани», «Игра судьбы, или Противозаконная любовь», «Клад», в которых описывается жизнь марийцев, цыган, евреев, татар.

Что касается «Рассказа татарина», которому посвящена часть главы «Записок кавалерист-девицы», то он как-то выпадает из поля зрения исследователей, несмотря на то, что его можно рассматривать как один из первых записанных материалов о жизни татарского народа. Таким образом, недостаточная изученность вопроса в современном литературоведении обуславливает **актуальность исследования.**

Предметом изучения стали фольклорные мотивы в «Рассказе татарина» Н.А. Дуровой в контексте исследований фольклористов-этнографов и историков.

Становление и основные этапы развития татарской фольклористики подробно описываются в монографии И.И. Ямалтдинова «Татарская фольклористика 20–60-х гг. XX века». Фиксирование первых фольклорных образцов, как отмечено в исследовании, относится к XX веку, а «формирование первичной основы татарской фольклористики как науки» – ко второй половине XIX века [10, с. 6]. Центром изучения этнографии и фольклора татарского народа становится Казанский университет, открывшийся в 1804 году, и огромная роль отводится исследовательской деятельности Карла Фукса, которого по праву называют основателем этнографии татарского народа [5, с. 240]. Результатом практически тридцатилетнего наблюдения и изучения жизни людей стала

книга «Казанские татары в статическом и этнографическом отношениях», отдельные разделы которой, посвящённые приёму гостей, татарской свадьбе, праздникам, женщинам, печатались в газетах «Казанские известия», «Казанские губернские ведомости» начиная с 1814 года [5, с. 241]. Изучение истории казанских татар связывают также с деятельностью члена Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете Г. Ахмерова (1864–1911), наследие которого «отличается от творчества многих татарских ученых начала XX в., прежде всего, тем, что оно представляет собой синтез традиционной мусульманской и российской, а через нее и европейской науки» [7, с. 3].

«Рассказ татарина», несмотря на довольно небольшой объём, подтверждает целый ряд фактов, собранных фольклористами. Поэтому, **цель нашей статьи** – сопоставить фольклорный материал, записанный исследователями XIX века, с основными сюжетными линиями рассказа.

Краткий пересказ повествования татарина Якуба даёт В. Быкова в статье «Восточные мотивы в произведениях Н.А. Дуровой»: «Трагическая судьба постигла влюбленных – Хамитулла не мог выплатить калым за свою возлюбленную, и ее отдали замуж за другого. Не смирившись с таким решением родителей, влюбленные сбежали. Однако отец и муж девушки добились того, чтобы Хамитулла был пойман и казнен. Зугра сошла с ума и тосковала до конца дней по своему возлюбленному Хамитулле» [3, с. 335]. Позволим себе не согласиться с последним замечанием исследовательницы: «Эта история могла бы произойти у любого народа, но Н. Дурова выбирает для нее малознакомый для соотечественников и загадочный мир мусульман» [3, с. 335]. Скорее можно найти подтверждения тому, что Н. Дурова, в силу своего характера, не сочинила, не выдумала, не выбрала народ, а воспроизвела реальную историю, услышанную ею от ямщика, провозившего её через казанские леса. Рассказ об отважном и храбром наезднике не мог не запомниться Н. Дуровой, лучшим другом которой с двенадцатилетнего возраста был конь, на котором она позже ускакала из дому, прошла многие походы и сражения, на могиле которого плакала и страдала.

Записки Н. Дуровой, за исключением первой главы «Детские лета мои», представляют собой смесь мемуарно-автобиографического повествования и дневника, по названиям городов в котором можно проследить маршрут русской армии или её личные поездки. В своём путевом дневнике кавалерист-девица оставила не только описание многих городов и их жителей в тревожное для России время, представила быт и времяпровождение солдат и офицеров, используя выразительные средства языка, показала состояние городов во время войны 1812 года, отношение к российским воинам в союзных странах, но и запечатлела традиции и обычаи других стран и народов.

Начнём с внешности и обычаев. Внешний вид, черты характера и традиции татар подмечены и описаны К. Фуксом, который прожил среди казанских татар довольно длительный период времени. Татары, по его мнению, «горды, честолюбивы, гостеприимны, сребролюбивы, чистоплотны, по их состоянию, довольно просвещенны, почти несуетливы, рождены для торговли, хвастливы, между собою дружелюбны <...> трудолюбивы» [10, с. 21]. Мужчины – красивые, женщины по целому ряду причин особой красотой не отличаются. Среди причин, которые портят внешность татарки, – ранние браки, переизбыток косметики на лице (натирают лицо белилами и румянами, стараются начернить брови, ресницы и зубы, красят ногти в оранжевый цвет), недостаток свежего воздуха (богатые татарки не имеют возможности даже сидеть у окна, потому что подоконники заставлены цветами). Времяпровождение их сводится к

тому, чтобы сидеть за занавеской и время от времени ездить в гости к подругам или принимать их у себя [10, с. 32-33].

Хамитулла, по словам татарина Якуба, был бравый юноша, «молод, силен, славный наездник», «мужественный, храбрый», «прекраснейший из молодых людей», «отличнейший стрелок и отважнейший наездник» [4, с. 496]. Использование прилагательных в превосходной степени сравнения характерно для стиля Н. Дуровой, а прилагательное «прекрасный / прекраснейший» – одно из наиболее часто повторяемых в записках. Например, о людях: её мать – «одна из прекраснейших девиц в Малороссии» [4, с. 323], а отец был «прекраснейшим мужчиною» [4, с. 324], одна из знакомых ей дам описывается как «прекраснейшая женщина», на очаровательном лице которой «было собрано всё, что есть прекраснейшего из прелестей» [4, с. 537]. О городах: «пройти несколько пешком по прекрасной тенистой аллее» [4, с. 526], «мы ушли прогуливаться по прекраснейшим окрестностям...» [4, с. 530], «мы с глубочайшим сожалением говорим «прости» этой прекрасной стране и её добродушным жителям» [4, с. 532], «погулять по прекрасным рощам около Полоцка» [4, с. 538], и т.п.

Зугра, по описанию старого татарина, была «смуглая, статная, высокая татарочка; разумеется, с черными глазами и бровями», и, несмотря на то, что последнее характерно для всех татарок, «чернота глаз и бровей Зугры была как-то пленительно черна» [4, с. 497]. Вопрос, который задаёт кавалерист-девица, вполне естественен и напрашивается сам по себе: «Как же, Якуб, удалось твоему Хамитулле видеть свою любезную? Ведь у вас татарки прячутся от мужчин» [4, с. 497]. Ответ подтверждает наблюдения исследователей об игривом характере и возможностях татарок, несмотря на печать кротости, которую наложили на них восточные законы [10, с. 27]: «Но только не от тех, кому хотят понравиться; тут они очень искусно умеют дать себя увидеть» [4, с. 497]. Изредка «проходя мимо окна *Зугры*, дочери одного из богатейших татар деревни», Хамитулла успел заметить, что у «нее глаза горят, а брови лоснятся» [4, с. 497].

Взрослые сыновья, согласно татарской традиции, не живут с родителями, а разъезжают в течение года по ярмаркам, приучаются к торговле, чтобы стать купцами [10, с. 25]. Хамитулла также был отправлен в Казань на длительный срок («отец посылает меня продавать халаты, я пробуду там до весны» [4, с. 497]). Динамика жизни молодого татарина в Казани, его планы и намерения передаются при помощи однородных глаголов: он «писал к отцу часто, давал подробный отчет в своей продаже; присылал вырученные деньги <...> торговал, тосковал, отчаивался, надеялся и ждал первых цветов весны, чтоб возвратиться под родимый кров» [4, с. 497].

Хамитулла вернулся из Казани в тот день, когда Зугру выдавали замуж. Старый татарин «встретился с ним случайно, при въезде его в деревню» и сообщил ему «убийственную весть <...> со всею ласкою и утешениями отца» [4, с. 498]. И снова для описания перемен, которые происходили с Хамитуллой используются однородные глаголы: «побледнел, как полотно, и задрожал всеми членами; судорожно схватился он за топор, лежавший у него на телеге; но в ту ж минуту пришел в себя и <...> дослушал совершенно холодно всю историю сватовства, слез, сопротивления и, наконец, свадьбы бедной его Зугры» [4, с. 498].

Три способа приобретения невесты у казанских татар описал Г. Ахмеров. Это – похищение невесты, часто насильственное; добровольный побег невесты из дома отца и по обоюдному согласию, путём сватовства и уплаты калыма [1]. Старый татарин в начале своего повествования объясняет, что познакомился с юным Хамитуллой, когда

«заплатил калым за вторую жену свою, переехал жить к тестю в деревню ****, чтоб помогать ему в трудах» [4, с. 496]. Влюблённый Хамитулла также пытался договориться о свадьбе, просил своего отца дать калым за невесту, но запрашиваемая сумма была для них непомерно высока. «Отец Зугры хочет такой *калым*, какого у нас в деревне никто дать не может, а я и подавно», – сожалел он [4, с. 497]. Зугра была выдана замуж против её воли, когда «приехал из отдаленного городка богатый купец и предложил калым, против которого нельзя уже было устоять *Абурашиду*; Зугру помолвили и отдали» [4, с. 498].

Каким бы способом ни досталась татарину невеста, главным условием всё равно остаётся уплата калыма. За похищенную невесту калым требуется намного больше и мулла, как утверждает Г. Ахмеров, пользуясь случаем, берёт «за бракосочетание и на проезд вдвое и втрое более обыкновенного» [1]. Если девушка убегает добровольно, то через день или два родственники жениха начинают договариваться о свадьбе и торговаться о калыме. В этом случае, калым назначается небольшой [1].

Значение калыма настолько высоко, что мулла, читая свадебную молитву, называет уплаченную за невесту сумму. По свидетельству К. Фукса, это звучит приблизительно так: «По повелению Бога небесь и мировь <...> при свидетельстве присутствующих знатныхъ особъ, при согласии обеихъ сторонъ (жениха и невесты) и при 1,000 руб. калыма » [10, с. 66].

Если влюблённые не соглашались с выбором родителей и убегают из дому, то они могут скрываться в каком-нибудь строении, переезжать в другое селение, а летом прятаться в лесу. Убежавший с Зугрою Хамитулла стал жить «в дремучем *волоке*, имеющем верст более сорока пространства» [4, с. 498]. Волоком в те времена называли глухой лес, из которого срубленные деревья выносили, протаскивая по земле. Зугра убегает «с постели своего мужа» вместе с Хамитуллой [4, с. 498]. Муж Зугры был на грани помешательства и предпринял активные действия – «он поехал в город, подал просьбу; приехал суд, начались розыски, поиски» [4, с. 498].

Половина калыма, которая платится при помолвке, идёт на приобретение нарядов и украшений для невесты. Вторая половина удерживается родителями невесты на случай развода, т.к. по закону разводы и повторные браки у мусульман возможны. Но, если развод совершается по желанию жены, калым должен быть возвращён жениху [10, с. 54]. «Он не муж мне! моего согласия не спрашивали. Пусть отец отдаст калым», – требует Зугра после возвращения из лесу и расставания с Хамитуллой. После смерти молодого татарина «Зугру взял отец обратно; она грозила умертвить себя, если ее отдадут к мужу» [4, с. 502].

Таким образом, опасение Хамитуллы и желание оградить свою возлюбленную после расставания с ним «от злобы отца, мужа, от насмешек злых людей» были напрасны [4, с. 501]. Кроме того, песню, которую она сочинила, не переставая плакать днём и ночью, «сидя за своею занавеской» в доме отца своего, о счастливом времени в дремучем лесу, о страхе разоблачения и боли расставания, пела вся деревня [4, с. 502].

Современные исследователи рассматривают национально-духовную культуру татар, которая во многом связана с их песнями. Изучение протяжной лирики в наши дни занимаются фольклористы-филологи, рассматривая её «не формально, а “сквозь призму” последовательного реконструирования исторического прошлого и оснащением лингвистическим аналитическим аппаратом» [9, с. 51].

Глава «Рассказ татарина» начинается с описания казанских лесов и напевов ямщика, который провозил кавалерист-девицу через них. Всё, что она слышала, воспринималось ею, как «восклицания», «заунывные песни старого татарина», «припев

какой-то нескончаемой песни», который он пел «протяжным и грустным напевом своего народа» [4, с. 495].

Г. Ахмеров во второй половине XIX века отмечал, что у татар «очень много песен любовного характера» [1]. К. Фукс более полувека до этого утверждения писал о том, что мелодия у песен существует давно, но большая часть песенок состоит из аллегорий и требует пояснений [10, с. 44]. Например, К. Фукс упоминает о татарской песне, в которой один богатый купец, пообещав своему приказчику выдать за него дочь, отложил время свадьбы на несколько лет, чтобы у того была возможность собрать требуемую сумму. Нетерпеливый жених, которому срок показался несносным, сочинил по этому поводу песню [10, с. 45].

Плавный рассказ татарина – имитация протяжной лирической песни, в которой, подобно припеву, трижды повторяются слова: «худо я знал Хамитуллу!» [4, с. 497-498]. Как отмечает в своём диссертационном исследовании Л.А. Ахметова, с «70-х гг. XVIII в. в трудах российских и татарских ученых и педагогов отмечалась тесная связь народной поэзии и музыки с природой», поэтому она настаивает на введении понятия музыкально-экологическая культура татарского народа [2]. События несчастной любви героев разворачивались на фоне казанских лесов, упоминанием о которых и заканчивает Н. Дурова рассказ о Хамитулле: «Волок! дремучий волок! в твоей-то чаще непроходимой, жилище лютых зверей, горела любовь, какой нельзя выразить словами! <...> Сколько раз эхо этого леса повторяло имя его, произнесенное то шепотом любви, то грозным голосом сыщика, то, наконец, заунывным пением молодой татарки, бедной, осиротевшей Зугры!.. » [4, с. 502].

Н. Дурова разделяла русских и татар по национальному признаку (уточняя слова о том, что Хамитулла был первым красавцем из их рода, она спросила, из семьи Якуба или из «всего их племени» [4, с. 495]), но не сравнивала и не противопоставляла их. Дурова выказывает почтительное отношение к чувствам старого татарина, сопереживание и сострадание к трагической судьбе молодых людей, интерес к чужой культуре. «Рассказ татарина», который структурно делится на две части – песня ямщика (которой он «прожужжал» уши, как говорила кавалерист-девица), вторая – пояснение песни на понятном ей языке, содержит факты, которые подтверждаются историческими, этнографическими, исследовательскими источниками. Его можно рассматривать как один из примеров задокументированной «полевой экспедиции», записанную фольклорную песнь татарского народа со своей историей и пояснениями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахмеров Г. Свадебные обряды казанских татар [Электронный ресурс] / Г. Ахмеров. – Режим доступа: http://qazantatarlary.narod.ru/Akhmerov_nikah.html (дата обращения: 05.04.2017).
2. Ахметова Л. А. Развитие нравственно-экологического содержания музыкально-педагогической культуры татарского народа : автореферат дис. ... кандидата педагогических наук : 13.00.01 «Общая педагогика, история педагогики и образования» / Л. А. Ахметова. – Казань, 2004. – 21 с.
3. Быкова И. В. Восточные мотивы в произведениях Н. А. Дуровой / И. В. Быкова // Мир языков: ракурс и перспектива : материалы IV Междунар. науч. практ. конф., Минск, 22 апреля 2013 г. / редкол.: Н.Н. Нижнева (отв. редактор) [и др.]. – Минск : БГУ, 2013. – С.331-337.
4. Давыдов Д. В. Стихотворения. Проза. Дурова Н.А. Записки кавалерист-девицы / Д. В. Давыдов, Н.А. Дурова. – М.: Правда, 1987. – 649 с.
5. Мустафина Г. М. Основатель этнографии татарского народа Карл Фукс / Г. М. Мустафина // *Tatarica*. – 2013. – № 1. – С.238-242.
6. Приказчикова Е. Е. Национальные вопросы в творчестве Н. Дуровой / Е. Е. Приказчикова // *Дергачевские чтения – 2014. Русская литература: типы художественного сознания и диалог культурно-национальных традиций* : материалы XI Всероссийской научной конференции с

международным участием, Екатеринбург, 6–7 октября 2014 г. – Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2015. – С. 54-59.

7. Салахова Э. К. Научно-историческое наследие Г. Н. Ахмарова: 1864-1911 : автореферат дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.09 «Историография, источниковедение и методы исторического исследования» / Э. К. Салахова. – Казан. гос. ун-т. – Казань, 2003. – 21 с.
8. Смиренский Б.В. Надежда Дурова // Надежда Дурова. Записки Кавалерист-девицы / Б.В. Смиренский. – Татарское книжное издательство, 1966. – С. III – XXIV.
9. Табаева А.А. К вопросу исследования протяжной песни казанских татар / А.А. Табаева // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусства. – 2013. – № 2. – С. 50-55.
10. Фукс К. Казанские татары в статистическом и этнографическом отношениях / К. Фукс. – Казань, 1844. – 131 с.
11. Ямалтдинов И. И. Татарская фольклористика 20–60-х гг. XX века. Собрание, публикация и научное изучение фольклора / И. И. Ямалтдинов. – Казань : ИЯЛИ, 2016. – 184 с.

Поступила в редакцию 12.04.2017 г.

“THE TATAR’S TALE” BY N. DUROVA IS THE FOLKLORE SONG OF THE TATAR PEOPLE

V.A. Filatova

The article deals with the chapter “The Tartar's Tale” from the book “The Cavalry Maiden” by N. Durova. The chapter, in which habits and customs of the Tatars are described, is compared with historical and ethnographic sources. The chapter is defined as a folk song of the Tatar people.

Key words: Folklore, song, story, the Tatars, tradition.

Филатова Виктория Алексеевна.

Кандидат филологических наук.

Доцент кафедры зарубежной филологии, теории и практики перевода.

ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков».

E-mail: www.vafilatova@mail.ru

Filatova Victoria Alekseyevna

Candidate of Philology.

Associate professor at the Department of Foreign Philology, Theory and Practice of Translation.

Educational Establishment of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages».

E-mail: www.vafilatova@mail.ru

УДК 81-26

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ СЛОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ШАХТЕРСКОЙ ЛЕКСИКИ (В ПРОИЗВЕДЕНИИ Б. ГОРБАТОВА «ДОНБАСС»)

© 2017. Т.А. Бондарчук

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье рассматриваются лексико-семантические группы существительных профессиональной шахтёрской лексики, представленные в романе Бориса Горбатова «Донбасс». Сформированы основные понятийные подгруппы для данной категории слов. Объекты исследования классифицированы по основным понятийным подгруппам. Описаны определения использованных в романе профессионализмов со ссылками на уже имеющиеся источники информации и собственные исследования текста.

Ключевые слова: лексико-семантические поля, лексико-семантические группы, региолект, профессиональная шахтерская лексика, Донбасс, Борис Горбатов.

Региональные исследования в лингвистике сегодня заметно активизируются, включая в поле изучаемых объектов не только диалектные единицы края, но и целые тексты, которые обладают региональными чертами и воспринимаются жителями региона как часть культуры края. Взаимодействие литературного языка, просторечия, диалекта как следствие особенностей жизни русского народа в Донбассе находит отражение в произведениях писателя Б. Горбатова. Материалом для данной работы послужил текст его романа «Донбасс».

Основной задачей стало выявление региональных черт языка и стиля писателя. При этом под региональной речью мы понимаем «неоднородное языковое образование, остро нуждающееся в уточнении границ, поскольку в нем представлены и нормированный литературный язык, и городское и сельское просторечие, и говоры, и диалекты, распространенные на данной территории, и переходные явления (например, факты, свидетельствующие о перерождении былых диалектов в региолекты), социолекты, жаргоны, явления смешения и контаминации контактирующих русского и украинского языков (суржик) и др.» [1, с. 6].

Для обозначения понятия региональный язык или язык региона используется также термин «региолект». **Региолект** – «особая форма устной речи, в которой уже утрачены многие архаические черты диалекта и развились новые черты и особенности; это норма, с одной стороны, не достигшая статуса литературного языка, а с другой стороны, в силу наличия множества ареально варьируемых черт, не совпадающая с городским просторечием» [2, с. 13].

Региолект представлен в языке русского советского писателя и сценариста Б. Горбатова. Роман «Донбасс» – самое значительное художественное произведение писателя. Писатель наделяет своих героев естественной, живой речью, что наиболее полно отражает региональный язык. Б. Горбатов вдохновенно изображает хорошо им изученные трудовые процессы в профессионально направленной речи героев романа, в реализме представленных просторечий, в широте используемых им элементарных семантических (микро) полей.

По мнению Л.А. Новикова, лексические единицы получают наиболее полное и всестороннее описание именно в семантическом поле. Он дает определение семантического поля как множество языковых единиц, которые объединены общим (инвариантным) значением. На основании общности, объединяющей их семы, или

архисемы, лексические единицы входят в состав того или иного семантического поля. [3, с. 73]. Такого же мнения придерживаются и некоторые другие авторы, например, А.Н. Тихонов, утверждавший, что «семантические поля образуются на базе общих семантических компонентов – архисем» [4, с. 117].

Границы семантических полей относительно по своей природе. Они также могут варьироваться в зависимости от избранного принципа классификации. Наряду со значительными по своему объему семантическими полями можно выделить различные обозримые микрополя, входящие в их состав. «Элементарным семантическим (микро) полем является лексико-семантическая группа (ЛСГ) – относительно замкнутый ряд лексических единиц одной и той же части речи, объединенных общей семой, а именно архисемой более конкретного содержания и классификационно более низкого порядка, чем архисема поля» [3, с. 73-74].

Исследование лексических единиц данного произведения включает в себя выделение ЛСП, распределение их по языковым уровням: выделение ЛСГ с классификацией по грамматическим категориям, значениям и формам.

Нами выделены следующие ЛСП: профессиональная шахтерская лексика, профессиональная металлургическая лексика, бытовая лексика.

В данной статье, нами рассмотрено наиболее разнообразное и многочисленное ЛСП *профессиональной шахтерской лексики*, представленное существительными. Нами определена следующая классификация основных ЛСГ данного ЛСП:

- а) слова, характеризующие человека;
- б) обозначения средств труда;
- в) разновидности шахтных помещений;
- г) виды подземных горных выработок и названия пластов;
- д) спецодежда;
- е) названия организаций и форм организации труда;
- ж) обозначения природных явлений, веществ и их скоплений и т.д.

В данной статье нами рассматриваются первые три ЛСГ.

1. Слова профессиональной шахтерской лексики, характеризующие человека. Эта группа обычно включает в себя негативно-оценочные, нейтрально-номинативные слова и положительно-оценочные слова.

А. Негативно-оценочные слова отражают холодность работника к выполняемому виду деятельности:

конешник – «“Конешниками” в дни карточной системы на “Крутой Марии” прозвали лодырей, которые вырубали не больше “коня” – одну крепь» [5, с. 208].

Б. Нейтрально-номинативные слова подчеркивают принадлежность к классу шахтеров:

шахтерка – шахтерская жена или дочь;

шахтарчонок – ребенок шахтера;

шахтерня – обобщение всех, имеющих отношение к шахтерскому труду;

донбассовец, донбассовка – мужчина или женщина, проживающие в Донбассе.

В. Положительно-оценочные слова. Категория положительно-оценочных слов, характеризующих человека, заключена в обозначении конкретного вида деятельности работника шахты, согласно его специализации и степени образованности (инженерные работники).

Обозначения специальностей горных рабочих:

бурильщик – тот, кто производит бурение [6];

горняк – работник горной промышленности, горнорабочий или горный инженер [7];

забойщик – рабочий, вручную производящий в забое добычу каменного угля или руды [8];

застрельщик – «Вам с Виктором надо идти! – сказал Андрею дядя Прокоп. – Вы застрельщики...» [5, с. 233];

проходчик – рабочий, производящий проходку горных выработок, туннелей и т.п. [9];

шахтер – тот, кто работает в шахте [6].

Обозначения специальностей горных инженерных работников:

маркшейдер – специалист по геодезическим съёмкам горных разработок и эксплуатации недр;

штейгер, штегер – мастер рудных работ (в тексте встречается в двух вариантах: «штейгер» – профессиональное использование определения и «штегер» – в словах песни «Ах, Ваня, Ваня, бедный Ва-а-ня, зачем лошадку шибко гнал? Али ты штегера боя-я-яся, али в контору задолжал?» [5, с. 369]).

Обозначения специальностей, занятых на работах с лошадьми:

коновод – погонщик лошадей, тянущих упряжку [6];

коногон – погонщик лошади, везущей вагонетку в шахте при конной откатке угля [6];

мальчишка-тормозной – осуществляющий торможение, тормозящий лошадь.

Обозначения специальностей, занятых в ремонтных работах:

камеронщик – «Знал “самостоятельных” – обычно то были машинисты, камеронщики, слесари, – они имели свой собственный клочок земли на шахте и свою халупку на ней – “каютку”, как говорили здесь» [5, с. 317];

костерщик, органищик, лесогон – «Спокойно поехала в шахту ремонтная смена: костерщики, органишки, слесари, лесогоны...» [5, с. 295].

Обозначения различных видов подземных рабочих:

газожог – «Газожог – это... это... нет, это даже не профессия! Это – как бы точнее сказать? – это подвиг» [5, с. 387];

закоперщик – рабочий, руководящий забиванием свай в грунт при помощи копра [6];

запальщик – «Даже в те детские годы, когда у каждого ребенка сказка перемешивается с жизнью, она уже знала, что в шахте нет ни волшебников, ни духов, ни гномов, ни эльфов, а есть дядя Степан, запальщик, и дядя Трофим, бурильщик» [5, с. 220];

крепильщик – рабочий в шахтах, делающий рудничные крепления [8];

лампонос, ламповщица – «Знали только, что работает она лампоносом, и шахтеры прозвали ее Светиком; она действительно, точно свет, появлялась в забое, чтобы дать шахтеру новую лампу вместо его потухшей» [5, с. 83];

отгребщица, люковый, бутчик – «Давай, давай! – хрипло кричал он на люковых, отгребщиц, коногонов» [5, с. 300];

рукоятчица – «Рукоятчица, здоровая рябая баба, вытолкнула из клетки вагонетку с углем» [5, с. 54];

саночник – рабочий в шахте, оттаскивавший в специальных ящиках уголь из забоя в главный штрек [6];

стволовой – 1) тот, кто управляет механизмами в стволе шахты [6]; 2) «Есть специально шахтерский поп. Отец Спиридон. У ствола стоит. К нему и подходи. А у нас действительно стволового был – Спиридон. Мужик бородатый, видный. Ну, дадут ему сигнал, что новичок едет, – он уже готов» [5, с. 125].

Обозначения различные видов рабочих на поверхности:

выборщик – «Каждый, кто хотел стать заправским шахтером, должен был сызмальства пройти все ступени лестницы: сперва – выборщик породы на сортировке,

потом – дворовой или лампонос, затем – тормозной, наконец – коногон и уж после всего – забойщик или проходчик» [5, с. 385];

откатчица – горнорабочий, занятый откаткой угля [8];

сортировщица, откатчица, плитовая – «Девчата, откатчицы, сортировщицы и плитовые, начинают метаться по комнатам» [5, с. 249].

В представлении читателю автора романа образ человека, имеющего специальность, человека – не «конешника», стремящегося добиться результатов в профессии уже оценивался как положительный. Особого внимания заслуживают понятия данной ЛСГ, характеризующие слова, относящиеся к женскому роду: *ламповщица, отгребщица, рукоятчица, откатчица, сортировщица, плитовая*. Женский разговорный колорит, конечно, более ярок в ЛСП бытовой лексики, однако и в профессиональной он нашел свое отражение.

2. Слова профессиональной шахтерской лексики, обозначающие средства труда: инструменты, оборудование, механизмы. Профессиональная деятельность невозможна без подобного рода средств труда. В словари русского языка [6–9] входят профессионализмы (*техн., горн., мех.* и т.п.), однако их региональное просторечное представление, важность в процессе производства находят яркое отражение в художественном слове автора романа: «зубки заправлять», «санки потягать», «обушок – оружие».

А. Названия инструментов и их частей:

заступ – железная суживающаяся к концу лопата, употребляемая для земляных работ [6];

зубок – резец врубовой машины [9];

кайло – ручной инструмент для откалывания кусков ломких пород, кирка [6];

лимонадка – «Вся молодость, вся шахтерская силушка ушли на обушок, на санки, на “лимонадку”, а теперь шахта иная, теперь – машины, теперь только бы и работать, а уж молодости нет, и ее не воротишь...» [5, с. 394];

обух, обушок – орудие для откалывания пластов угля в каменноугольных коях [6];

санки – «Нет, газожога я не помню. А саночника застал. Самому еще довелось санки потягать на пологом падении. Тоже не сахар была работа» [5, с. 378].

Отдельно нами отобраны ценные в «темном» горном деле осветительные приборы: *лампа, лампочка, лампада, лампа-надзорка; коптилка* и *блендочка*. Часто употребляема автором романа и уменьшительно-ласкательная форма слов, применяемая к лучшему соратнику в труде – инструменту.

Б. Слова, обозначающие крепежное оборудование и его части. Крепежное оборудование в шахте должно быть прочным, надежным, устойчивым. И слова, его обозначающие, коротки и просторечно грубы.

верхняк, матка, лежан, стойки – «И случись старина тут, он уж объяснил бы ребятам, что крепили тут, как обычно, неполным дверным окладом: вот этот верхний столб потолка – “верхняк”, или “матка”, эти боковые – “стойки”, а был бы еще нижний столб, уж он был бы “лежан”, или “порог”, и тогда дверной оклад был бы полный» [5, с. 64];

крепь – сооружение в горнорудной выработке для предотвращения обвалов [6];

обапол – «Зацепленная за обапол лампочка нехотя освещала уступ» [5, с. 67];

рештак – 1) настил из досок, применяемый в горном деле для спуска по нему чего-либо, отбитого в забое. 2) металлический желоб качающегося или скребкового конвейера, применяемого в горном деле [6].

В. Обозначения механизмов. К большинству видов механизмов, используемых в горном деле, прилагался свой специалист. Поэтому, описанная выше ЛСГ положительно-оценочных слов, характеризующих человека, в своих семах содержит названия основных механизмов.

бур – инструмент для сверления скважин при исследовании почв, горных проходках и т.п. [6];

вагонетка – небольшой открытый вагон или платформа для перевозки грузов по узкоколейным и подвесным дорогам [6];

врубовка – «Врубовками вспахали! Слышь ты? Врубовками!..» [5, с. 221];

камерон – насос [10];

клеть – подъемное устройство в шахтах [6];

копр, копер – сооружение над шахтным стволом для установки подъемника [7];

порожняк – не нагруженный железнодорожный состав, пустые вагоны [8];

футорка – «Пика болтается. И футорка, видишь, грязная. Не любишь ты, брат, свою технику!» [5, с. 188];

шкив – колесо, которое дает движение приводному ремню или канату [6].

3. Слова профессиональной шахтерской лексики, обозначающие виды шахтных помещений. Тем же свойством, что и ЛСГ положительно-оценочных слов, характеризующих человека, обладает и данная группа понятий: основной составной частью лексического значения слова.

бутовая – «Все, что может увидеть человек с жадными, влюбленными в жизнь глазами: и как впервые запрыгает, застрекочет на груди забоя отбойный молоток, и как последний коногон, отчаянно свистнув на прощанье, забросит в бутовую свой старый и уже бесполезный кнут...» [5, с. 160];

кочегарка – помещение, где расположены топки паровых котлов и где производится загрузка их топливом [8];

ламповая, нарядная, сортировка – «До сих пор их водили по поверхности: показали копер, подъемную машину, надшахтное здание, сортировку, скрипучую эстакаду, нарядную, ламповую, даже баню – общую и техническую» [5, с. 50];

силовая – «И без тебя так же будет ровно дышать силовая, и вертеться колесо на копре, и скользить канат вверх-вниз; и будут со свистом и грохотом мчаться “партии” по штреку, и, весело постукивая на стыках, бежать вагончики по дощатой эстакаде; и будут все расти и расти ввысь сизые терриконы – пирамиды шахтерского труда» [5, с. 131];

шахта – 1) место подземной добычи полезных ископаемых или проведения подземных работ. 2) шахтный ствол [6].

Богатство и красочность регионального языка романиста позволяет нам рассмотреть в следующей статье оставшихся представителей ЛСГ, завершающих грамматическую категорию имен существительных. Чувствуется, что писатель долго и кропотливо собирал крупницы донецкого фольклора, прислушивался к донецкому говору, в котором так своеобразно переплелись и профессиональная лексика, и различные диалекты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Опыт аспектного анализа регионального языкового материала (на примере Белгородской области) / кол. моногр.; под ред. Т.Ф.Новиковой. – Белгород: ИПК НИУ «БелГУ», 2011. – 228 с.
2. Герд А.С. Введение в этнолингвистику: учебное пособие. – СПб, 1995.
3. Современный русский язык. Теоретический курс. Лексикология. Новиков Л.А., Кедайтене Е.И., Тихонов А.Н. – Ч. 2 – М.: Рус. яз., 1987. – 160 с.

4. Тихонов А.Н., Ким Л.Л., Тихонов С.А. Современный русский язык // Лексикология: Учебное пособие. – Ташкент: Укитувчи, 1991. – 264 с.
5. Горбатов Б.Л. Донбасс. Роман. – Донецк: Донбасс, 1980.
6. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. Интернет-ресурс: <http://classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Efremova.htm>.
7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Интернет-ресурс: <http://classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ozhegov.htm>.
8. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка. Интернет-ресурс: <http://classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ushakov.htm>.
9. Малый академический словарь русского языка. Интернет-ресурс: <http://classes.ru/all-russian/dictionary-russian-academ.htm>.
10. Словарь русских синонимов 4. Интернет-ресурс: <http://classes.ru/all-russian/dictionary-russian-synonyms4.htm>.

Поступила в редакцию 08.05.2017 г.

**LEXICAL-SEMANTIC GROUPS OF PROFESSIONAL MINING VOCABULARY
(IN THE NOVEL "DONBASS" BY B. GORBATOV)**

T.A.Bondarchuk

The article deals with lexico-semantic groups of nouns, which make part of professional miner's vocabulary in the novel "Donbass" by Boris Gorbатов. This category of words is classified into some basic conceptual subgroups. Definitions of the professionalism used in the novel with references to the available sources of information and the author's own research of the text are described.

Key words: Donbass, professional vocabulary, miner's vocabulary, conceptual subgroups of words.

Бондарчук Татьяна Александровна.

Аспирант кафедры русского языка.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
E-mail: tanya04bond@gmail.com

Bondarchuk Tatyana Alexandrovna.

Post-graduate student at Department of the Russian Language.
Donetsk National University
E-mail: tanya04bond@gmail.com

УДК 821.161.1

ДВЕ КОНЦЕПЦИИ РЕАЛИЗМА В РАБОТАХ И.П. СМИРНОВА© 2017. *А.М. Вичкитова**Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук*

Литературоведческий термин «реализм» всегда представлял собой определенную проблему для специалистов. В связи с обманчивостью и кажущейся простотой своего названия, характерные черты направления часто не ускользают от исследователя. Однако литературоведы время от времени пытались прояснить значение данного литературного направления и выделить его ключевые черты. Одна из замечательных попыток в данной области принадлежит современному культурному теоретику и литературоведу – И. П. Смирнову. Данная статья посвящена рассмотрению и сравнению двух литературных концепций Смирнова. В своих работах исследователь дает свой вариант развития культуры и литературы, характеризуя каждое нововременное литературное направление, начиная с барокко и ренессанса и заканчивая постмодернизмом. Реализм занимает в его работах значительное место. Автор данной статьи выделяет ключевые идеи двух теоретических работ и находит в них общие константы. Затем определяет, каким предстает реализм в обеих концепциях и в финальной части указывает на проблемные места теории.

Ключевые слова: теория литературы, история литературы, литературные направления, реализм.

Термин «реализм» неоднократно проблематизировался литературоведами. В русистике критические попытки переосмысления термина начались в рядах формальной школы. Формалисты, как правило, критиковали существующие дефиниции, считая, что понятие реализма чрезвычайно размыто и неопределенно, а поэтому теряет свой смысл для исследователя [Эйхенбаум 2009: 121-122; Шкловской 1929; Шкловский 1983; Якобсон 1987: 387].

В советском литературоведении, признавшем реализм высшей точкой развития литературы, дискуссии по этому поводу были надолго прекращены. Неотъемлемым качеством реализма признавалось изображение человека как результата социальной структуры общества: «Реализм — это художественное направление, изображающее личность, действия которой детерминированы окружающей ее социальной средой» [Руднев 2000]. В 1978 году на страницах журнала «Вопросы литературы» развернулась полемика между В.В. Кожинным и В.М. Марковичем о развитии литературы [Кожин 1987; Маркович 1987]. Спор литературоведов касался развития литературных направлений, но вопрос о качественном определении термина «реализм» не ставился.

В эпоху постсоветского литературоведения дискуссии о литературных направлениях и реализме в частности ведутся несистематично и не в диалоге. Новые идеи, как правило, выдвигаются отдельными авторами в монографиях. Среди наиболее заметных исследований здесь стоит отметить работы Ю.Б. Борева [Борев 2002], Ю.В. Манна [Манн 1994: 431-480] и И.П. Смирнова [Смирнов 1994, 2000, 2001]. Именно к работам последнего литературоведа-теоретика мы хотели бы обратиться.

Концепция развития литературы И. П. Смирнова в свете логико-семантического подхода. Преимуществом теоретических работ Смирнова является их претензия на универсальность: пишется история не русской литературы, и даже не только литературы, но искусства в целом. В свете современного развития искусствоведения, которое после кризиса структурализма страдает от отсутствия «центра», не только в изучаемом, но и в собственном дискурсе, теория, которая ставит задачу создать, по сути, эстетическую теорию, несомненно, заслуживает внимания.

Смирновская концепция развития культуры, основанная на логико-семантическом принципе в диахронической перспективе, изложена в работе «Очерки по исторической типологии культуры» [Смирнов 2000]. Культура рассматривается как логическая смена культурных ансамблей, которые отражают культурное коллективное сознание, при этом ансамбли никогда не повторяют друг друга, так как связаны между собой как данное и искомое [Смирнов 2000: 18]. Речь идет о упорядоченном (не произвольном) изменении культуры в истории: история культуры предстает *логической*. Предпосылкой смены одной культурной фазы другой служит заключенная в ней амбивалентность, которая однажды доходит до самоотрицания.

Опираясь на семиотику, все тексты можно разделить на два типа по принципу первичности или вторичности реальной действительности по отношению к тексту, или, используя семиотические термины, первичности или вторичности референта по отношению к знаку [Смирнов 2000: 18-19]. Так, Смирнов выделяет два типа литературного текста: первичный и вторичный. Эти термины заимствованы у Д. С. Лихачева, однако переосмыслены. В первичных стилях доминирует логика, согласно которой текст (знак) должен подражать социофизической реальности. Художнику такого стиля свойственно стремление максимально уподобить знак референту, сделать знак продолжением действительности, «придать знакам референциальный статус» [Смирнов 2000: 22]. В такой художественной системе культура понимается как натуроморфное образование, то есть культура как уподобление природе. Субъект познания приравнивается к познаваемому объекту – человек становится, таким образом, главным объектом познания, «возникает антропоцентрическая картина универсума» [Смирнов 2000: 23]. К первичным стилям относятся ренессанс, классицизм, реализм, постсимволизм.

Такой художественный дискурс стремится к объективности и в этом уподобляется научному дискурсу. Писатель подходит к эмпирическому миру как исследователь, его задача, полно и точно описать его, предпочтение отдается конкретному (конкретно-чувственному) факту. Повествователь часто выступает как свидетель события, подчеркивается истинность его сообщения, которое нельзя подвергнуть дискредитации. Реальности становится важнее текста. Читателю внушается мысль о том, что герой подобен ему и вообще всем людям, чужое становится своим: «реализм, как и иные “первичные стили”, склоняется к тому, чтобы выдавать чужое за свое» [Смирнов 2000: 26].

Вторичной системе свойственно превалирование знака над референтом, текст оказывается первичен по отношению к действительности, мыслимый мир выходит на первый план. Действительность здесь воспринимается как текст, как семиотическое поле с означаемыми и означающими, поэтому у каждого факта реальности есть свой автор, творец. Задача «читающего» действительность, художника, состоит в том, чтобы разгадать, разъяснить, дешифровать знак. Значит, писателю приходится воссоздавать чужое слово, имитировать некую авторскую инстанцию. «“Вторичные стили” мыслят *свое как чужое* [Смирнов 2000: 22]. Абстрактное, чувственное, мыслимое играет главную роль. Ко вторичным стилям относятся барокко, романтизм, символизм и постмодернизм.

В противоположность первичной культуре здесь субъектом познания становится познаваемый объект, природа воспринимается как результат культуры, мир является антропоморфным образованием. Во вторичной культуре ставится под сомнение слово героя-рассказчика, слово свидетеля, дискредитируется наука. Если в первичных стилях интериоризуется публичное, общественное слово, то во вторичных, напротив, личное сообщение приобретает общественный статус. Вторичным стилям свойственны

стилизации, мистификации, а также ориентация на другие национальные культуры (романтизм, символизм).

Смена первичных и вторичных стилей происходит по принципу колебания маятника. Примерная семантическая схема перехода от одного типа к другому объясняется движением данного и искомого. Всякое высказывание сочетает в себе три обязательных компонента: объем, содержание, комбинаторная способность значений. Так как каждый стиль есть совокупность текстов, то неповторимость каждого из них, зависит от того, какие компоненты занимают место искомого и данного.

Смирнов признает, что от такого подхода ускользает национальная специфика литературы, располагающаяся «поверх стадиальных образований», это «гомологическая цепочка особых показателей, которые составляют то, что принято называть национальной культурой» » [Смирнов 2000: 22]. Таким образом, культура состоит из двух упорядоченностей: универсального культурного механизма, который обернут в особую национальную специфику. Итак, реализм как направление логично вписан в развитие литературы на определенном этапе.

Психодиахронологический подход к истории русской литературы. В книге под названием «Психодиахронология. Психоистория русской литературы от романтизма до наших дней» (1994) Смирнов создает новую концепцию литературного развития. На этот раз ученый расширяет сферу точек зрения на объект и подходит к истории русской литературы с психоаналитическим, логическим и историческим инструментарием, подчеркивая при этом, что «психоанализ, логика и история – это одно и то же» » [Смирнов 1994: 8].

Исследователь ревизует многие ключевые понятия фрейдистской и постфрейдистской психологии. Так, подвергается критике понимание во фрейдизме аффективного как иррационального. Для Смирнова психика не только логична, но и исторична. Историю имеет как психика отдельного субъекта, так и «психика» культуры. Смирнов видит историю развития культуры как развитие квази-психики. История становления субъекта непременно связана с развитием культуры. В попытках выявить, каким образом осуществляется эта связь, Смирнов предлагает следующую модель: *филогенез обратен онтогенезу*. То есть культурная психоистория развивается прямо противоположно по отношению к психоистории отдельной личности.

В качестве базовой модели предлагается пять основных стадий развития психики, которые, согласно фрейдизму, ребенок проходит в возрасте от рождения до пяти лет: шизоидность и нарциссизм, садизм и мазохизм, истерия, эдипальный комплекс, кастрационный комплекс, конституирующей чертой которых служит логика становления человека как личности: вхождение в культуру и освобождение от биологичности. Основная характеристика психотипа складывается из отношений объекта и субъекта в симбиотическом единстве, например, при эдипальном комплексе субъект аналогичен всем остальным в связи с объектом, а при истерии субъект не может обнаружить объект и т.д. Применительно к литературе, это значит, что «...психоистория в её литературоведческом (культурологическом) приложении обязана сконцентрироваться на том, каким отношением автор текста связывает субъекта с объектом, – на форме утверждаемой в сочинении власти, на особенности проводимой в нем идеи обладания (или не-обладания)» [Смирнов 1994: 12].

Так как эти стадии свойственны каждому человеку, то возникает вопрос, почему тот или иной психотип становится ведущим в разные эпохи? Смирнов объясняет это вторичной фиксацией, которую переживает человек. Фиксация на одном из психотипов

связана, как правило, с понятием травмы, полученной во время примарного комплекса. Авангардом, творящим искусство в определенную эпоху, являются люди, имеющие одинаковый тип вторичной фиксации. «... в нем (литературном тексте – А.В.) манифестируется характер, захватывающий господствующее положение в культуре, исключая другие психотипы...» [Смирнов 1994: 12].

В связи с вышеизложенными положениями история русской литературы предстает следующим образом: романтизм – кастрационный комплекс, реализм – эдипов комплекс, символизм – истерия, постсимволизм: авангард и соцреализм – садизм и мазохизм соответственно, постмодернизм в разных его вариациях – нарциссизм и шизоидность.

Однако в таком виде теория является не полной, не достает очень важного элемента: двух *сверх*психотипов, которые довлеют над всеми стилями. Так, во второй главе, посвященной реализму, подробным образом описывается логика нигилизма (антинигилизм, как явление, порожденное нигилизмом, включается сюда же). Нигилистическая логика подается как некая особая *сверх*психическая логика, которая имеет в своей основе все тот же принцип маятникового движения. Два типа логики отрицания Смирнов определяет как больших психоклассов: «на одних стадиях психогенеза свое жертвуется в пользу чужого, на других – чужое в пользу своего» [Смирнов 1994: 108]. Отчуждающий, или деонтологизирующий нигилизм отрицает социофизический мир в пользу мира мыслимого, как, например, гностицизм, отрицавший земное и материальное в пользу духовного. Приобщающий или деидеализирующий нигилизм, стремится к культу материального взамен спекулятивного, это схоже со взглядами киников.

Итак, нигилизм существует в двух вариантах: деидеализирующий и деонтологизирующий, или нигилизм, который отрицает/признает только (зависит от выбора перспективы) мыслимый мир или мир эмпирический, приобщающий или отчуждающий. «Стадиально фиксированный, т.е. обретший характер, субъект с необходимостью включен в один из двух больших психоклассов» [Смирнов 1994: 108]. Значит, каждый этап культурного развития принадлежит какому-то из этих двух классов. Тогда наглядно схему развития культуры в психодиахронологической перспективе можно представить так:

деидеализирующий нигилизм/ «приобщающий»/ чужое как свое		деонтологизирующий нигилизм/ «отчуждающий»/ свое как чужое
	кастрационный комплекс	романтизм
реализм	эдипальный комплекс	
	истерия	символизм
постсимволизм	садизм/мазохизм	
	нарциссизм/ шизоидность/ шизонарциссизм	постмодернизм

Рассматривая развитие культуры как палиндром становления человеческой психики, Смирнов уже не ссылается на свою работу о первичных и вторичных стилях. И на первый взгляд кажется, что две теории представляют собой два разных подхода изучения одного и того же объекта. Но присмотревшись внимательнее, можно обнаружить, что психодиахронологический подход есть прямой наследник теории «первичных/вторичных» стилей. Связующим звеном обеих теорий служит описанный

выше маятниковый механизм культуры, где каждому периоду определена своя логика отношений субъекта и объекта.

филогенез (культура)	литературные стили	онтогенез (человек)
кастрационный комплекс	романтизм	нарциссизм/шизоидность
эдипов комплекс	реализм	садизм/мазохизм
истерия	символизм	истерия
садизм/мазохизм	авангард/соцреализм	эдипов комплекс
нарциссизм/шизоидность	постмодернизм	кастрационный комплекс

Соединив под таким углом зрения обе концепции И.П. Смирнова, получим следующую схему развития литературы:

первичный стиль/деидеализирующий нигилизм чужое как свое		вторичный стиль /деонтологизирующий нигилизм свое как чужое	
ренессанс			
			барокко
классицизм			
		кастрационный комплекс иррефлексивная логика	романтизм
реализм	эдипальный комплекс транзитивная логика		
		истерия интранзитивность/ панкогерентность	символизм
постсимволизм	садизм/ тотальная интериоризация субъектом объекта (деструкция объекта) мазохизм (деструкция субъекта)		
		нарциссизм/ шизоидность/ шизонарциссизм симбиотическое единство субъекта и объекта	постмодернизм

Реализм как репрезентация эдипального комплекса. Итак, в ранней концепции И.П. Смирнова реализм – это первичный стиль всеми присущими ему характеристиками (в первую очередь, стремлением уподобить знак референту (действительности). В психодиахронологическом подходе реализм – это стиль, при котором ведущим психотипом становится эдипальность, руководствующая логической операцией транзитивности. Данная операция имеет в основе принцип подобия, если $x=y$ и $x=z$, то $y=z$. Ребенок на данном этапе осознает себя аналогичным родителям и претендует, если не на причитающуюся ему большую власть, то, как минимум, на равноправие. Отсюда появляется конфликт, основанный на желании ребенка иметь власть. При вторичной фиксации эдипальности, именно эта психологическая операция является ведущей.

Согласно И. П. Смирнову, принцип аналогии является ведущим для реализма. Он проявляется на всех уровнях поэтики: на уровне жанра, фабульном (удвоение фабулы, например, роман Л. Н. Толстого «Анна Каренина»), сюжетном (непосредственная экспликация эдипального семейного конфликта), персонажном и т.д. Литературный дискурс стремится подражать научному и социологическому. Так как субъект мнит себя подобным объекту и стремится присвоить чужое, то описание стремится к достоверности и объективности. Как ни в каком другом периоде в реализме достаточно

явно проявляется приобщающий сверх-психотип, который здесь принимает форму деидеализирующего нигилизма.¹

Заключение. Доказательства исследователя очень убедительны, наглядны и заслуживают уважения. Но, несмотря на всестороннюю продуманность теории И.П. Смирнова, и в ней можно найти погрешности. К примеру, двойственное отношение вызывает тот факт, что исследователь, выдвигая совершенно оригинальный взгляд на историю искусства, остается в терминах старых концепций: романтизм, реализм, постмодернизм и т.д. Конечно же, данный факт можно попытаться объяснить тем, что называя тот или иной период старым «общепринятым» названием исследователь экономит время, легко давая понять, о чем он ведет речь, но, при дерзости мысли, которой обладает И. П. Смирнов, попытка влить новое вино в старые мехи вызывает недоумение. Особенно странная ситуация складывается с термином «реализм», который вызывает с момента появления большие сомнения в праве на существование.

Согласно теориям И. П. Смирнова, не ясно, каким способом определяются хронологические рамки того или иного периода, здесь накладка двух разных традиций изучения создает некий зазор, например, реализм определяющийся 1840-1880 годами. Чехов и Толстой, Бунин и Куприн и некоторые другие писатели не укладываются в эти временные рамки. Вообще же непосредственное описание перехода (не логики – на ней автор как раз сосредоточен) от одного периода к другому ускользает из-под пера теоретика. Как решить вопрос с таким значительным представителем русского реализма, как Л. Н. Толстой, если его творчество продолжалось практически до кризиса символизма? Как объяснить переход художника от одной психо-логики к другой? Например, Максим Горький в своем творчестве демонстрирует, согласно Смирнову, и романтическую (кастрационную) логику, и реалистическую (эдипальную) и соцреалистическую (постсимволистскую и мазохистическую). Вызывает ряд вопросов игнорирование в исследовании поэтов, так называемого «чистого искусства» Ф.И. Тютчев и А. А. Фета.

В заключение хотелось бы сказать, что теория И.П. Смирнова подкупает своей установкой на универсальность: объединяя основные подходы к изучению литературы: социология, история, психоанализ, логика – она, как минимум, не страдает односторонностью. Несомненное преимущество теории И. П. Смирнова в том, что он отказывается от эволюционной точки зрения на культуру. Однако теория, ставит не меньше вопросов, чем решает. Например, слишком обширные периоды развития культуры остаются за бортом исследования: описано гораздо меньше, чем не описано. Как объясняет сам исследователь, продолжить подобное изучение возможно только, когда психоанализ подробно изучит становление личности в период после кастрационного возраста (примерно пяти лет) до подросткового, когда человек окончательно приобретает вторичную фиксацию. Но такая постановка вопроса ставит филолога и шире – культуролога в зависимость от другой дисциплины – психоанализа. Сколько тогда придется ждать литературоведу, чтобы описать ренессанс?

Хотелось бы так же получить более внятные характеристики о современной исследователю литературе пост-постмодернистской (позволим себе употребить этот неблагозвучный неологизм). Если вектор развития будущей русской литературы Смирнов усматривает в творчестве В.Г. Сорокина, творящего в духе биоантиутопии,

¹ Не считаем нужным и возможным приводить здесь фактические доказательства из истории русской литературы, которых весьма большое количество содержится в книге И. П. Смирнова. Поэтому для более подробного ознакомления отсылаем к самой книге.

значит ли это, что анализ такой литературы должен будет базироваться на философии телесности?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гуковский Г.А. О стадиальности истории литературы / Г.А. Гуковский // НЛО. – 2002. – № 3. – С.106-131
2. Борев Ю.Б. Эстетика /Ю.Б. Борев// М.: Высшая школа, 2002. — 511с.
3. Кожин В.В. Русская литература и термин «критический реализм» / В.В. Кожин //Вопросы литературы. – 1978. – № 9,— С.95-125.
4. Манн Ю.В. Автор и повествование/ Ю.В. Манн // Историческая поэтика: Литературные эпохи и типы художественного сознания. М., 1994. — С.431-480.
5. Маркович В.М. Концепция "стадиальности литературного развития" в работах Г. А. Гуковского 1940-х гг. / В. Маркович // Новое литературное обозрение. – 2002. – № 3. – С. 77-105.
6. Маркович В.М. О русском реализме XIX века/В.М.Маркович // Вопросы литературы. – 1978. – № 9. –
7. Руднев В.П. Прочь от реальности: Исследования по философии текста. М.: Аграф.2000.
8. Скафтымов А.П. К вопросу о принципах построения пьес А.П. Чехова/ А.П. Скафтымов // М.: Художественная литература, 1972. – 414 с.
9. Смирнов И.П. Художественный смысл и эволюция поэтических систем/ И.П. Смирнов // Смысл как таковой. СПб.: Академический проект. 2001.
10. Смирнов И.П. Очерки по исторической типологии культуры/ И.П. Смирнов // Мегаистория. – М.: Аграф. 2000.
11. Смирнов И.П. Психодиахронология. Психоистория русской литературы от романтизма до наших дней. / И.П. Смирнов. – М.:НЛО, 1994.
12. Фрейд З. Толкование сновидений /З. Фрейд. – Обнинск.: Титул. 1992.
13. Шкловский В.Б. Повести о прозе. Размышления и разборы /В.Б. Шкловский// Шкловский В.Б. Избранное: в 2-х томах. Том 1. – М.: Художественная литература, 1983. [Электронный ресурс] Режим доступа <http://philologos.narod.ru/shklovsky/prosetales.html> (дата обращения: 25.04.2017).;
14. Шкловский В.Б. О теории прозы /В.Б. Шкловский// Л.,1929. [Электронный ресурс] / В.Б. Шкловский. – Режим доступа: <http://philologos.narod.ru/shklovsky/prose1983.htm> (дата обращения: 25.04.2017).
15. Эйхенбаум Б.М. Работы о Льве Толстом / Б.М. Эйхенбаум. – СПб.: Издательство СПбГУ, 2009. – С. 121-122.
16. Якобсон Р.О. О художественном реализме / Р.О. Якобсон// Работы по поэтике. М.: Прогресс. С.387.

Поступила в редакцию 08.05.2017 г.

TWO CONCEPTS OF REALISM AT WORKS OF IGOR P. SMIRNOV

A.M. Vichkitova

Literary term "realism" has always presented a problem for experts. In connection with the deceptiveness and apparent simplicity of this term, its characteristics often do not elude researchers. However, literary critics have tried to clarify the value of this literary direction and to highlight its key features. One of the remarkable attempts in this field belongs to contemporary cultural theorist and literary critic I. P. Smirnov. This article is devoted to the consideration and comparison of two Smirnov's literary concepts. The researcher gives his own version of the development of culture and literature, trying to characterize contemporary literature since the Baroque and Renaissance and ending with postmodernism. The term «realism» has a significant place in his works. The author of this article highlights the key ideas of the two theoretical studies and finds they have in common constants. Then the author determines what is realism in both Smirnov's concepts and specifies problematic places of the theory in the final part.

Key words: theory of literature, history of literature, literary trends, realism.

Вичкитова Анна Михайловна
Магистр филологии (СПбГУ), аспирант
ИРЛИ РАН (Пушкинский дом).
E-mail: annavichkitova@gmail.com

Vichkitova Anna Michailovna
Master of Philology (SPbSU), Graduate.
Russian Literature Institute (the Pushkin House),
Russian Academy of Sciences.
E-mail: annavichkitova@gmail.com

УДК 811.161

ГЛАГОЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В ТЕКСТАХ ПОЛЕССКИХ УСТНЫХ НАРОДНЫХ РАССКАЗОВ О ВЕДЬМАХ

© 2017. *Н.М. Вишнякова*

Волгоградский государственный университет

В работе рассматриваются особенности глагольной лексики, выражающей пространственные отношения в текстах полесских демонологических рассказов из записей экспедиции 1980–1990-х гг. На основе контекстуального анализа выявляются модели пространственного соотношения персонажей, варианты положения фигуры, отражающие взаимодействие людей с репрезентантами демонологического мира. Конкретизируются возможности соотношения динамики и статики, горизонтального и вертикального направления, выявляются при этом специфика глагольных единиц.

Ключевые слова: пространственные отношения, модель пространственного соотношения, фольклорный текст, лексика, глагол.

Категория пространства является одной из базовых категорий бытия и сознания, репрезентируемой в текстах разных жанров. В произведениях устного народного творчества, в том числе демонологических, отображены элементы народной философии, выявить которые возможно посредством изучения языковых единиц, выражающих соотношение людей и предметов в пространстве. Такого рода исследования позволят обнаружить, каким образом в народных представлениях зло располагается по отношению к человеку. Это актуально для реконструкции древних пластов русского народного сознания и установления роли языка в их экспликации, имеет значение для развития лексикологии, лингвокультурологии, фольклористики. Материалом исследования явились глагольные лексемы, функционирующие в текстах устных рассказов о ведьмах, записанных и опубликованных Полесской экспедицией 1980–1990-х гг., и обозначающие взаимное расположение в пространстве персонажей – представителей мира людей (протагонистов: рассказчика, его соседей и др.) и мира низших демонологических существ (антагонистов: ведьм и колдунов).

В настоящее время интерес к изучению пространства с лингвистической точки зрения возрастает. Языковые категории с пространственной семантикой исследовали Л. Талми, Р. Лангакер, Ч. Филлмор. Описание пространства в отечественных исследованиях последних десятилетий представлено работами И. М. Кобозевой, В. Н. Топорова, Е. В. Рахилиной, Е. С. Кубряковой. В связи с рассмотрением проблемы выражения пространственных отношений в языке отдельный интерес представляет монография М. В. Всеволодовой и Е. Ю. Владимирского [1].

В ходе работы над материалом было выделено три основные семантические модели пространственного соотношения персонажей: статическая, динамическая с задействованием части тела и динамическая с задействованием всего тела героя. Такое представление о моделях отчасти основывается на классификации В.Г. Гака, адаптированной к исследуемому материалу [2, с. 132].

Наиболее полно в текстах представлена динамическая модель. Основная часть реализующих ее единиц принадлежит к лексико-семантической группе глаголов движения. Обозначаемое движение носит, как правило, характер потенциального отношения персонажей, имеет до момента пересечения их пути траекторию,

ориентированную относительно исходного или конечного пункта: *Еду я из начлегу, кажэ, даезжаю, кажэ, да могилок – маи кони нахрапом, нахрапом. <...>. Даходить да мене жєншчына, у ровнам возрасте, як мать нарадила.* Единицы данной группы, связанные с действиями протагониста по отношению к антагонисту, могут иметь значение ограниченного определенным участком пространства движения одного персонажа относительно другого. Такими являются глаголы направленного движения и непоступательного движения: *обойти, перейти, пересечь, обернуться.* Как правило, они говорят о косвенном и непреднамеренном нанесении вреда ведьме: *Если вона бачить, шо ей перебежыть дорогу дытына чи людына, она приходе, падае в ноги, руки целуя, шоб назад перейшла. Бо вже вэдьма помирая.* На непосредственное отношение между героями указывают единицы, которые обозначают действия, ориентированные относительно конечного пункта в пути протагониста, и в большинстве своем связаны с мотивом разоблачения вредителя: *Кажэ, захожу до тоей соседки на другой дэнь, а у ней нога болыт.* Особое значение с точки зрения действий протагониста имеют глаголы перемещения объекта, иллюстрирующие случаи противодействия героя ведьме: *Мужык ее за веровку и в хату притёг.*

Динамическая модель пространственного соотношения персонажей в демонологических рассказах реализуется также при помощи глаголов физического воздействия на объект, предполагающего контакт с этим объектом (здесь задействована часть тела персонажа). Такие глаголы, как правило, характеризуют действия протагониста по отношению к антагонисту, выражающиеся в нанесении удара, прикосновении, разделении: *А тоей чэловик до колэну пэрэломил тую палку з обиды. Зломил ей спину, так баба и жыла.* В то же время физическое воздействие антагониста на героя выражено в единичных случаях и не связано прямо с причинением вреда: *Шол дядька з району ночью. За ним гарохава капыца уцепилась километра два.*

Действия антагониста в рамках той же динамической модели имеют некоторые отчетливо выраженные отличия от действий положительного героя. Во-первых, движения ведьм имеют ненаправленный характер и обозначаются глаголами *бегать, ходить, скакать*, не включающими в свою семантику признаков определенного направления, то есть цели [3, 60]. Во-вторых, некоторая часть глаголов указывает на перемещения ведьмы, противоречащие физиологии человека и говорящие о ее сближении с персонажами низшей демонологии, которые способны принимать зооморфное или фитоморфное состояние: *вылететь, заползти, катиться, переплестись.*

Статическая модель реализуется глаголами бытия-существования в пространстве (*стоять, сидеть, лежать*), которые могут указывать на состояние того или иного персонажа: *Яна лежала на печи з попечаными губами и руками.*

При определении пространственных отношений персонажей имеет значение и положение фигуры того или иного персонажа по отношению к другому: вертикальное, горизонтальное, вертикально-горизонтальное, горизонтально-вертикальное, из вертикального в горизонтальное, из горизонтального в вертикальное.

Наиболее распространенным из них является вертикальное положение, выражаемое в динамической модели с глаголами движения (*Яна як пабегла, зделалася деукай*) и статической модели с глаголами бытия (*Стоиць человек у саду и бачэ: видьма рушником збирае росу з травы*).

В значительно меньшем количестве представлены единицы, иллюстрирующие горизонтальное положение фигуры. В основном это глаголы статичного бытия, преимущественно связанные с пассивным состоянием антагониста (*А тут сосед до*

всхода солнца запрагает лошадь, и кто-то в повозке ужэ **лежыть** накрытый), но и глаголы перемещения, обозначающие динамические действия антагониста, нехарактерные для человека (*Раз на Ведзьмина Ивана адзин дядька у нас бачыць – вуж пад вароты **падпоуз** и у хлеу **запоуз***).

Вертикально-горизонтальное положение связано с регулярно совершаемыми действиями персонажа, требующими от него сгибания верхней части туловища. Такое действие производится ведьмой и несет в себе ритуальный характер, опосредованно причиняя вред протагонисту: *А во, каже, бачу у другое суседки: вона нагнёна **копается** под углом, ну, **грэбэ**, гэ, во*. В связи между вертикально-горизонтальным положением и положением из вертикального в горизонтальное угадывается соотношение действия без предполагаемого развития, т.е. повторяющегося (*А мать то того ужэ чула, шо ведьма росу **збирае***), и динамического (*Плыганула с такого маху, шчо я **упала**, ну и нэ могла встать*). Подобные смешанные типы положений фигуры во многом схожи. Так, положение из горизонтального в вертикальное отличается от горизонтально-вертикального тем, что оно связано с принятием определенного положения, а не с непосредственным нахождением в нем: (*ср.: Як только спробую **встать** – и зноу **плыгае** и я падаю / Из цэркви иде: **сыдить** котик белэньки-белэньки*).

Таким образом, представители двух миров вступают в сложные отношения в фольклорном пространстве демонологического рассказа. Толчок к их прямому взаимодействию дает, как правило, преднамеренное или непреднамеренное ритуальное действие, важным признаком которого является соотношение динамики / статики. Особое значение имеет и положение фигуры одного персонажа относительно другого, репрезентирующее в большинстве случаев физическое и духовное превосходство протагониста над антагонистом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Всеволодова М. В.. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке / М. В. Всеволодова, Е. Ю. Владимирский. – М. : Русский язык, 1982. – 264 с.
2. Гак В.Г. Пространство вне пространства / В. Г. Гак // Логический анализ языка. Языки пространств. – М. : Языки русской культуры, 2000. – С. 127 – 136.
3. Полякова Е.С. Разнонаправленные глаголы движения русского языка как предмет отдельного изучения / Е. С. Полякова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – 2011. – №1. – С. 59 – 66.

Поступила в редакцию 03.04.2017 г.

VERBAL MEANS OF EXPRESSING SPATIAL RELATIONS IN POLESSYE FOLK STORIES ABOUT WITCHES

N. M. Vishnyakova

This paper considers the features of verbal vocabulary, expressing spatial relations in Polissya demonological stories from the records of the expedition of the 1980-1990's. On the basis of the contextual analysis patterns of spatial distribution of characters, position of the figure, reflecting human interaction with the representatives of the demonological world are identified. The possible relations of dynamics and statics, the horizontal and vertical directions are specified, the specificity of the verbal units are revealed.

Key words: spatial relations, spatial relationship model, folklore text, lexis, verb.

Вишнякова Надежда Михайловна.

Студент Института филологии и межкультурной коммуникации.
Волгоградский государственный университет.
E-mail: kosayaarka@bk.ru

Vishnyakova Nadezhda Mikhailovna.

Student of Institute of Philology and Intercultural Communication.
Volgograd State University.
E-mail: kosayaarka@bk.ru

УДК 398.3

ВРЕМЕННАЯ СИМВОЛИКА (ЛЕТО) В ТВОРЧЕСТВЕ УКРАИНСКИХ И РУССКИХ ПОЭТЕСС

© 2017. *О.А. Медяник*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Выполнен историографический обзор литературы о проблеме символа в литературоведении. На материале текстов стихотворений украинских и русских поэтесс было рассмотрено использование временной символики (лето) в поэзии. Выявлены традиционные символы, которые соответствуют времени года, а также символы, которые содержат авторскую коннотацию.

Ключевые слова: символ, символика, русские поэтессы, украинские поэтессы.

В последнее время особую актуальность приобрело изучение символики. При рассмотрении проблемы символа в художественном тексте следует иметь в виду и то, что с развитием литературы символика отдельных поэтических произведений расширяет свое значение, вступая в диалог с другими произведениями, других авторов, других эпох, что, конечно же, усложняет условия возможной художественной коммуникации [11. с.30 - 97].

Всеми учеными определяется многозначность самого термина «символ». Вслед за С.С. Аверинцевым определяем символ как «образ в аспекте знаковости» [1. с.976]. Структура символа представляется бинарной и включает в себя морфему и метаморфему [14. с.93]. Наличие метаморфемы отличает символ от образа, знака, эмблемы, метафоры и других семантических конструкций. Метаморфема предполагает наличие у символа «некоего смысла, интимно слитого с образом, но ему не тождественного» [1. с.976].

Наличие морфемы является не менее значимой характеристикой символа. В аспекте морфемы символ предстает как семантическая конструкция, обладающая смысловым полифонизмом. В конкретных поэтических текстах символ может выступать в своем вариантном преломлении – как «знак», «эмблема», «персонификация», «аллегория», «олицетворение», «метафора», «тип», «традиционный символ», «индивидуально-авторский символ». Каждый конкретный случай употребления символа может быть рассмотрен и проанализирован особо. М.М. Бахтин утверждает: «Всякая интерпретация символа остается символом, но несколько рационализированным, то есть несколько приближенным к понятию. Истолкование символических структур принуждено уходить в бесконечность символических смыслов, поэтому оно не может стать научным в смысле научности точных наук. Интерпретация смыслов не может быть научной, но она глубоко познавательна» [3. с.361 - 362].

С.С. Аверинцев признает симвонологию «не научной, но ионаучной формой знания, имеющей свои внутренние законы и критерии точности» [3. с.362]. Ученый дает следующее определение символу - «...есть образ, взятый в аспекте своей знаковости, ... он есть знак, наделенный всей органичностью и неисчерпаемой многозначностью образа. Предметный образ и глубинный смысл выступают в структуре символа как два полюса, немислимые один без другого, но и разведенные

между собой и порождающие символ» [1. с.978]. То есть структура символа многослойна и рассчитана на активную работу воспринимающего.

По утверждению А.Ф. Лосева «в символе смысл некоего предмета переносится на совсем другой предмет, и только в таком случае этот последний может оказаться символом первичного предмета... Смысл, перенесенный с одного предмета на другой, настолько глубоко и всесторонне сливается с этим вторым предметом, что их уже становится невозможно отделять один от другого» [11. с.56]. Следовательно, символ – это «полное взаимопроникновение идейной образности вещи самой вещью» [11. с.56].

В XX веке неокантианец Эрнест Кассирер сделал понятие символа предельно широким понятием человеческого мира: человек есть «животное символическое; язык, миф, религии, искусство и наука суть «символической формы», посредством которых человек упорядочивает окружающий его хаос» [18. с.23 - 24].

Многие мысли А.А. Потебни напоминают концепцию Эрнеста Кассирера. Например, Кассирер говорит о том, что символические формы «приносят порядок» в мир, где обитает человек, и соответствующие слова Потебни о связи мысли и языка с представляемой структурой мира: «С ясностью мысли, характеризующей понятия, связано другое его свойство, именно то, что только понятие (а вместе с тем и слово как необходимое его условие) вносит идею законности, необходимости порядка в тот мир, которым человек окружает себя, и который ему суждено принимать за действительный» [14. с.146].

Современная симвонология выдвигает три значения слова «символ»:

1) символ как категория поэтики, с помощью которой пытаются выразить невыразимое;

2) символ предстает строительным материалом культуры, как символической формы; культура здесь понимается как система символов, способных передаваться традицией;

3) символ определяет природу нашего отношения к миру (символизм как миропонимание); символ (этимологически – «обломок»), требующий целостности, предстает здесь метафорой человека, «отпавшего» от мира в религиозной парадигме, или «отделившегося» от мира в парадигме научной [13. с.52 - 53].

Таким образом, слова-символы образуют вокруг себя разветвленную систему. В работе на материале текстов стихотворений русских поэтов рассматривается использование символики лета в поэзии. Символика времен года помогает человеческому познанию раскрыть тайные, символические значения явлений природы. «Природа – это второе откровение, второе писание... Все полно тайного смысла, тайных символических соотношений с писанием... Весь мир полон символов, и каждое явление имеет свой смысл... Так, лето – символ вечной жизни» [10. с.176]. В формировании образной системы, в развитии символических значений воплощается эстетическое кредо поэтов – ориентация, с одной стороны, на народный источник языка, а с другой – на словарь эпохи.

За словами поэтов стоит не только социальный опыт, его эстетическое познание, а и литературная традиция их времени.

В работе мы рассматриваем такие символы, как: ветер, дождь, заря, солнце.

ВЕТЕР

Ветер – «поэтический образ ожившего духа, чье воздействие можно увидеть и услышать, но который сам остается невидимым» [22. с.39 - 40].

А.Ахматова:

...А ветер восточный славил

Ковили приволжских степей... [2. с.206]

Здесь «ветер» - дух прославления, который остается невидимым. Л.Костенко и Е.Николаевская употребляют слово «ветер» при описании беспокойной погоды, подчеркивая волнение природы, завершение лета, наступление осени.

Е.Николаевская:

...Отменяется летнее время,
Обвиняется сводка погоды
В том, что *ветер* деревья ломает,
Рвет проводку и крыши корежит... [6. с.131]

Л.Костенко:

Над полем *вітер* віє тоскно... [8. с.29]

ДОЖДЬ

Дождь – символ плодородия. У А.Свитличной и В.Тушновой читаем:

Дощу б! Так хочеться *дощу*!
Чекань моїх пересихає донце.
Земля, немов розжарену пращу,
Розкручує над головою сонце...
...Як хочеться серед жаркого дня,
Щоб тихо і надовго *задощило!*... [16. с.69]
Как пахнет пыль, прибитая *дождем*,
как поле дышит

сладостно и вольно... [23. с.312]

У М.Гольдиной «дождь» - душевный друг, спокойствие, умиротворенность:

Шел *дождь*. Спокойный летний *дождик*,
Моя любимая погода, -
В своей бесстрастности холодной
Он дарит сердцу облегченье... [4. с.215]

«...Дождь повсеместно считался знаком божественного одобрения. Божественное, небесное происхождение дождя сделало его эмблемой чистоты...» [22. с.81 - 82]. Тем самым подчеркивается необычное происхождение дождя, его божественная сила. Об этом же говорится в стихотворении М.Цветаевой «И вот исчез, в черную ночь исчез...»:

...Не хочет *дождь* на грешные просторы!.. [25. с.134]

Указывает на грешность земли и святость дождя.

У других современных поэтов дождь – это предвестник осени, холода, беззащитности. Лина Костенко пишет:

Над полем *вітер* віє тоскно,
і *дощ* вже сам собі набрид... [8. с.29]

Ирина Жиленко выражает словом «дощ» беззащитность, конец лета, холодный ветер и наступление осени.

Небо на *дощ* похмуриться.
А в шибку бебехнув – аж гуд!.. [7. с.27-28]

...Небо на *дощ* похмуриться.
Спурхнуло з гнізда дитя... [7. с.27-28]

ЗАРЯ

Заря – «символ животворної й родючої; ... нового світлого життя; світлого духу...» [17. с.97]. Часто в поэзии заря символизирует желанную, но несбыточную мечту. Так и у Леси Украинки:

І сон був короткий, - він хутко змінився
І зник, як на сході *зоря* розсвіла...
...Та сон був короткий. Ранесенько-рано
Вже зникла рожева мрія моя, -
Туди полинула, де грала кохано
Злотисто-рожева світова *зоря*...[9.с.603]
Об этом же Л.Татьяничева:

...*Заря*

На глади неподвижных вод
Всю ночь цвела
Душистым иван-чаем...[20. с.93 -94]

У А.Свитличной *заря* – это переход от лета к осени. Одна пора года заканчивается, другая, не менее прекрасная, - начинается:

Скоро мальвам край вікон шерхнути.
Котить колом під гору літо...
...*Зорі* любощами захмелені,
Не мої одспівали півні...[16. с.73]

СОЛНЦЕ

Солнце встречается в нескольких аспектах. Оно – символ Всевидящего божества, Высшей космической силы, центр существования, созидательной энергии. Так у Л.Татьяничевой:

...*А солнце*

Этих северных небес
Вершило праздник
Синего июня...[20. с.93]

Здесь «солнце» - центр жизни, символ лета.

Как источник тепла, солнце представляет жизненную силу и вечную молодость.

Это ясно выражено у Е.Телиги:

П'яним *сонцем* тіло налилося,
Тане й гнеться в ньому мов свіча...[21. с.358]
І від *сонця* цілком бронзові,
Заблукавши в зелену тіль...[21. с.55]

Оно как бы проникает в человека, «наполняет», завораживает его. А.Свитлична:

Від затоплених *сонць* і спеки
Ходить обертом голова...

...Чую, кличе мене *Ярило*
У зелену пожежу рук...[16. с.203]

У многих народов солнце – древнейшее божество, то есть символ верховной власти. Так у славян боги солнца – Ярило и Купала.

Как источник света, «*сонце*» символизирует знание, интеллект:

У мене ж цього літа соняхи –
До безуму рудоволосі,
За *сонцем* із жаркими скроньями
Йдуть, як за правдою філософи.[16. с.113]
...*А сонце* в небі. Глянь, як високо...[16. с.113]

Пишет А.Свитлична.

Так и у Н.Матвеевой в стихотворении «Лето»:
Между кольями забора серого

Солнце длинные лучи просунуло.
На дорогу лопухи повыбрались...[12. с.61]
Об этом же М.Тарасова:
...Загляну во тьму колодца,
свет и там обдаст лицо –
уронило в воду *солнце*
обручальное кольцо...[19. с.104]

А.Ахматова говорит о солнце как о неизвестном божестве. Теперь вместо него людям слепят глаза «пики» и «штыки»:

...Что случилось с нашей столицей,
Кто *солнце* на землю низвел?..
...Слепило глаза прохожим
Сверканье пик и штыков...[2. с.205]

М.Цветаева сравнивает солнце с «глазом кровавым». Это сравнение несет в себе негативную оценку. Здесь «*солнце*» - средство уничтожения всего живого, наказание за грехи:

...И *солнце* над Москвой – как глаз кровавый
Гарь торфяных болот. – Рот пересох.
Не хочет дождь на грешные просторы!..[25. с.134]
У О.Фокиной «*солнце*» - источник света, символ дня.
...*Солнце* алое встает!
Жавороночек поет!..[24. с.27]

И.Жиленко сравнивает солнце с ножом, то есть оно такое же «різке», что прикасаясь к нему, испытываешь боль, как и от прикосновения ножа.

Сонце різке, мов ніж.
І на пісок ступить
боляче босоніж...[7. с.31]

На основе вышеизложенного можно сделать некоторые предварительные выводы. Несомненно, поэтессы заимствуют народную символику, но используют ее не всегда сознательно, а интуитивно, поскольку они принадлежат к славянской традиции, и не могут оказаться в стороне от достижений своего народа.

Многие символы наделены не одним, а множеством значений, так как содержат идеи, несущие смысловую нагрузку.

Отметим, что значение символов в стихотворениях русских и украинских поэтесс во многом совпадают.

Образы-символы составляют у поэтесс разветвленную систему, а большинство из них становятся связующими моментами, в которых сходятся смысловые линии всего стихотворения. Такие символы выступают идейно-художественными доминантами стихотворений.

Поэтессы извлекают из слова те значения или их оттенки, которые большей степенью дают возможность воплотить свое видение мира. Символические средства дают возможность через частичное показать целостный образ мира, своей эпохи. Вышеизложенные примеры говорят о том, что чем глубже воспринимается и изучается природа человека, тем больше наполняются стихотворения разнообразными символами, получают разнообразные символические функции, хотя сами по себе эти символы вовсе не являются только таковыми. Приходим к утверждению, что без использования символических функций невозможно вообще никакое осмысленное восприятие вещей, какими бы примитивными они ни были.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Аверинцев С.С. Символ // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под. Ред. А.А. Николюкина. – М.: НПК „Интелвак”, 2003. – С. 976 – 977.
2. Ахматова А.А. Ветер лебединый: Стихотворения и поэмы. – М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс. 1998. – 512 с.
3. Бахтин М. К методологии гуманитарных наук // Бахтин М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство. – 424 с. – С. 361 – 373, 409 – 412.
4. Вдохновение: Сборник /Сост. Ю. Лопусов; Предисл. Г.М. Маркова. – М.: Мол. гвардия, 1979. – 239 с.)
5. Далекі зірниці. Українська література першої половини ХХ ст.: Навчальний посібник (серія „Шкільна бібліотека”) / Упорядники В.І. Шкляр, П.П. Орленко, - К.: Грамота, 2001. – 479 с.
6. День поэзии. 1988. Москва: Сборник. – М.: Советский писатель, 1988. – 192 с.
7. Жиленко І.В. Пори року: Вірші та поеми. К.: Укр. письменник, 1999. – 135 с. – (Сер. „Сучасна укр. л-ра”).
8. Костенко Л.В. Берестечко: Історичний роман. – К.: Укр. письменник, 1999. – 157 с.
9. Леся Українка. Вибрані твори. Поезії. Поеми. Драматичні твори. – К.: Дніпро, 1974. – 630 с.
10. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. Издание 2-е, дополненное. – Л.: Изд-во «Художественная литература», 1971.
11. Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. – М.: «Искусство», 1976. – 367 с.
12. Матвеева Н.Н. Избранное: Стихотворения; Поэмы / Вступ. статья С. Чупринина. – М.: Худож. лит., 1986. – 535 с.
13. Мних Р. Категория символа и библейская символика в поэзии ХХ века/ Роман Мних. – Люблин: Изд-во ун-та им. М.Кюри-Складовской, 2002. – 258 с.
14. Потебня А.А. Слово и миф. – М.: Правда, 1989. – 662 с.
15. Свасьян К. А. Проблема символа в современной философии: (Критика и анализ). Отв. ред. А.В. Гулыга. – Ер.: Изд-во АН АрмССР, 1980., с. 226.
16. Світлична Г.П. Літозбір. Вибране. – К.: Видавництво художньої літератури „Дніпро”, 1973.
17. Словник символів культури України / за загальною редакцією В.П. Коцура, О.І. Потапенка, М.К. Дмитренко. – К.: Міленіум, 2002. – 260 с.
18. Соболева. М. Е. Философия символических форм Э. Кассирера. – М., 2001.
19. Тарасова М. Певчий город. Стихотворения. – М.: Сов. писатель, 1979. – 118 с.
20. Татьяначева Л.К. Калитка в лес осенний. Книга новых стихов. – М.: Советский писатель, 1979. – 248 с.
21. Теліга Олена. О краю мій...: Твори, документи, біографічний нарис. – К.: Видавництво імені Олени Теліги, 1999. – 496 с.; 224 іл.
22. Тресиддер Джек. Словарь символов. – М., 1996. – 456 с.
23. Тушнова В.М. Избранное / Сост. и научная подгот. текста Н. Розинской; Вступ. статья А. Туркова. – М.: Худож. лит., 1988. – 543 с.
24. Фокина О.А. Буду стеблем. – М.: Мол. гвардия, 1979. – 206 с.
25. Цветаева М.И. Сочинения. В 2-х т. Т. 1 / Сост., подгот. Текста, вступ. статья и коммент. А. Саакянц. – М.: Худож. лит., 1988. – 719 с.

Поступила в редакцию 08.05.2017 г.

TIME SYMBOLICS (SUMMER) IN THE CREATIVITY OF UKRAINIAN AND RUSSIAN POETS

О.А. Medyanik

A historiographical review of the literature on the symbol problem in literary criticism is performed. On the basis of texts of poems by Ukrainian and Russian poetesses, the use of temporary symbolism (summer) in poetry was considered. Traditional symbols that correspond to the time of the year are revealed, as well as symbols that contain the author's connotation.

Key words: symbol, symbolism, Russian poetesses, Ukrainian poetesses

Медяник Ольга Александровна

Магистр филологии.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

E-mail: medyanik_olga@mail.ru

Medyanik Olga Alexandrovna

Master of Philology.

Donetsk National University.

E-mail: medyanik_olga@mail.ru

УДК 81

ПОЭТИКА ЗАГОВОРОВ С КОНЦЕПТОМ «ВОДА»

© 2017. Л.П. Потийко

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье производится анализ заговоров с концептом «вода». На основании лингвистического анализа делается вывод об устойчивости фольклорных формул в текстах разного времени записи. Выявлены средства художественной выразительности, отражающие отдельные аспекты мировоззрения славян, связанные с картиной мира и регламентацией отношений между человеком и природой.

Ключевые слова: заговор, вода, концепт, формульность, фольклор, метафора, параллелизм.

Возрождается интерес фольклористов, историков и этнографов к народной культуре, в частности к текстам, которые определяют отношение человека к явлениям окружающего мира. Это позволяет отчасти реконструировать мировоззренческую картину наших предков.

В заговорах «воплотился уникальный опыт многих поколений людей, которые пытались посредством слова воздействовать на здоровье и эмоционально-психологический мир человека, внушить ему уверенность в своих силах, защитить себя и своих близких от воздействия враждебных сил и создать постоянную угрозу для потенциальных или реальных недоброжелателей» [11; 8].

Самыми действенными всегда были заговоры на воду (*Сглазу. На ваде утрам, вечирам: Матушка утринняя заря, палудённая заря, вичерняя заря, спаси Госпади от сглаза, там, ат чёрнава, ат жёлтава, ат карева, ат серава, ат мужскова, ат женскава, ат детскава. И умывайтесь этой вадой* (х. Стойловский, 2011 г., М.П. Курина, 1941 г.р.) [8; 176].

В своем исследовании мы определяем основные поэтические приемы, реализуемые в текстах заговорных форм с концептом «вода», выявляем устойчивость семантики заговорных формул записей разных лет.

Вода воспринималась славянами как одушевленное существо. Ее называли матушкой, применяли к ней женские имена. А. В. Ветухов приводит заговоры, в которых вода именуется то «водыще Уляно», то «Царица-водзица, – Кацерина, Марина», то «Свята вода Олыяно» [4; 189-190].

В заговорах дождевая вода наделялась целебными свойствами. Так, например, считалось, что вода, собранная в Ильин день, «предохранит от “очного призора и всякой вражьей силы”» [6; 180]. Умывание во время первой грозы сулило здоровье в течение всего года. Такое воззрение на целебную силу первой грозы, вероятно, восходит к верованиям славян о том, что с приходом весны Перун разит молниеносными стрелами демонов туч (разбивает молотом оковы зимы), проливая на землю животворящую влагу. Эта тема подробно разрабатывается А. Н. Афанасьевым в его труде «Поэтические воззрения славян на природу». В народе верили также, что омовение в Чистый четверг сулит здоровье в течение всего года, может исцелить от недуга: «Вот у мужа маиво балячки были, так он хде толька не был, ничиво ни намагло. Фся кожа была, дирматит — ни дирматит. И бапка старинькайа гаварит: «Иди ф чистый читверх искупайся да вароньива крика». Заря, как толька начинаитца, штоп ни взашло сонце. Пашли. А вада халоднайа была — лидуха. Патходит он и

гаварить: «Ачисть миня, Госпади». Вот искупался, больши ничиво и не была. Энта ат любой балесни» (х. Угольский, 2001 г., Е.Г. Меркулова, 1936 г.р.) [8; 167].

В представлении славян священная вода находилась в дождевых колодцах. Весной Перун разбивал оковы зимы «своим молотом и отверзал свободные пути дождевым потокам; омывая землю, они возвращали ей силу плодородия, убирали ее роскошную зеленью и цветами и как бы воскрешали от зимней смерти к новой счастливой жизни» [1]. С этой способностью дождевой (и не только) воды связывались представления о ее влиянии на жизнь человека. «Живая» вода могла исцелять от болезней, возвращать зрение, наделять силой богатырской. Для человека, обладающего традиционным знанием, не составляло труда при помощи правильно составленного заговора сделать воду «живой» или «мертвой». В дальнейшем, «запрограммированная» той или иной энергией, она могла служить целям созидания или разрушения. Так, например, колдун «уверяет, что может оживить мертвого: “Захочу – и мертвого подниму этой водой...”» [7; 138].

В народе верили также, что омовение в Чистый четверг сулит здоровье в течение всего года, может исцелить от недуга: «Вот у мужа маиво балячки были, так он хде только не был, ничиво ни памагло. Фся кожа была, дирматит — ни дирматит. И банка старинькайа гаварит: «Иди ф чистый читверх искупайся да вароньива крика». Заря, как только начинайтца, штоп ни взаило сонце. Пашили. А вада халоднайа была — лидуха. Патходит он и гаварить: «Ачисть миня, Госпади». Вот искупался, больши ничиво и не была. Энта ат любой балесни» (х. Угольский, 2001 г., Е.Г. Меркулова, 1936 г.р.) [8; 167].

В настоящей статье мы рассматриваем только тексты заговоров, опубликованные в сборнике «Материалы международных студенческих фольклорно-этнографических экспедиций Донецкого национального университета на Верхний Дон» под ред. П.Т. Тимофеева, в которых присутствует концепт «вода».

1) В заговорах частотным является прием сравнения (*Как вода в речке бежит шибко, так чтобы скоро сошло бельмо от глаз* [1; 694]; *Как в мори вада пратикаит, фсе корни и камни абмываит, смой с рабы Анастасии таску и пичаль, а эту таску конь булатный бьёт капытам.* (х. Антиповский, 2010 г., баба Нина, 1939 г.р.) [8; 176].

В заговорах с двухчастной структурой определенное явление сравнивается с желаемым, чтобы могло совершиться последнее. Н.В. Крушевский утверждает, что «заговор есть выраженное словами пожелание, соединенное с известным обрядом или без него, пожелание, которое должно непременно исполниться» [5; 40].

Исследователь А.В. Ветухов замечает, что «самое слово, выражающее пришедшую в голову мысль, может навести на сравнение, создать ассоциацию понятий» [4; 27]. Таким образом, при постоянном повторе случайные ассоциации уже понимаются как причина и следствие. А.А. Потеня пишет по этому поводу: «Возникновение заговоров связано с созданием категории причины из отношений “cum hoc” и “post hoc”, в частности из отношений сходства» [9; 21]. Предшественницей категории причины А.В. Ветухов называет примету (вслед за одним наблюдаемым явлением произошло другое, и, как следствие, они связываются между собой в памяти наблюдателя).

2) Рассмотрим наговор от порезов, который, вероятно, представляет собой поэтическую метафору, которая развилась из одночленного параллелизма: *«Ехал старик на белой лошади, лошадь остановилась, у старика кровь угомонилась.* (х. Скулябный, 1982 г., Л.Н. Зоткина, 1919 г.р.) [8; 191].

«Параллелизм покоится на сопоставлении субъекта и объекта по категории движения, действия как признака волевой деятельности» [3; 101]. В случае с

одночленным параллелизмом в формулах «развита лишь первая, эпическая часть» [3; 136]. Восстановим вторую часть параллели: Ехал старик на белой лошади, лошадь остановилась, у старика кровь угомонилась; так бы угомонилась кровь у раба божия (имярек). А.Н. Веселовский приводит пример похожего мерзбургского заговора: «ехали когда-то три бога, у одного из них конь поранил ногу, но бог исцелил его; такого исцеления ожидает и молящий об унятии крови» [3; 134-135].

Представляет интерес и образность рассматриваемого нами заговора, которая, как нам кажется, имеет отношение к семантике воды. Белая лошадь, – это, очевидно, метафора дождевого облака (ср. загадки о громе из сборника Д. Садовникова: «*Конь бѣжитъ, Земля дрожитъ*»; «*Заржалъ жеребець На Сіонской горѣ, Услыхала кобыла На русской землѣ*»; «*Сивый жеребець На все царство ржетъ*» [12; 242]), которое передвигается по небу и проливает дождь-кровь. А.Н. Афанасьев замечает, что дождь в старину был метафорой крови. «Древнейший язык, давая названия предметам по их признакам, сблизил и отождествил все, что только напоминало текучие струи влажной стихии; поэтому не только вода, но и молоко, моча, сок дерева, растительное масло и общеупотребительные напитки (мед, пиво, вино) дали метафорические выражения для дождя» [1]. Таким образом, как только останавливается лошадь-облако, утихает и кровь-дождь.

С похожими образами мы сталкиваемся в еще одном тексте, приведенном в материалах экспедиций. Наговор, как лечить коров: «*Во имя Отца и Сына и Святого Духа, аминь. Здорово, Иван – колодец, земля – Татьяна, вода – Ульяна. Я пришел к тебе, Ваня, не за водой, а за большим молоком, за густым маслом и толстой сметаной своей (масть любая) коровушки. Море, отпусти моеи (масть любая) коровушки, молоко и сметаны дай, дай, дай. Во веки веков. Аминь, аминь, аминь*». Затем над непитой водой тут же читают заговор и смачивают ею «*корове уши, крестец, вымя три раза*». (х. Родионов, 2003 г., беседа П.Т. Тимофеева с Г.А. Михайловой; наговор записан от В.И. Дьякова, жителя г. Серафимовича 17 ноября 1980 г.) [8; 191].

В данном заговоре вода отождествляется с молоком, маслом и сметаной. Намочив корову наговоренной водой, человек как бы вновь наделяет ее способностью давать богатый удой. Как вымя коровы-тучи наполняется дождевой водой, так и вымя обыкновенной коровы наполняется молоком.

Некоторые заговоры сопровождаются обязательным действием, как, например, сплевывание: «*Зачерпнуть из колодца да чистой непитой воды кружкой, во время наговора жечь спички и бросать их в нее, а самому плевать в сторону*»; «*Заговор читаешь кругом три раза, в землю плевать*», «*Больного брать и выводить утром рано с зарей и вечером с зарей, оба раза ему глядеть на небо, рот у больного должен быть открытым, лекарь читающий должен водить пальцем кругом рта больного и отплевывать*» (х. Родионов, 2003 г., беседа П.Т. Тимофеева с Г.А. Михайловой) [8; 191].

Исследователь Н.В. Крушевский указывает на «общие обычаи, употребляемые при заговорах. К таким принадлежит, наприм. *сдувание*, которое употребляется вместе со словами заговора при лечении болезней. Оно указывает на материальное представление болезней. На это же указывает и весьма распространенный обычай *оплевывания*, которое употребляется не только при заговорах от различных болезней, но и при других заговорах. (...) В обряде этом следует видеть остаток весьма обычного у различных диких лечения болезней, замеченного многими путешественниками, цитируемыми Тэйлором и Леббоком. Лечение это состоит в *высасывании* различных вещей из тела пациента и *выплевывании* их; вещи эти считаются причинами болезней. После, когда значение всего обряда было позабыто, оплевывание стало употребляться при различных заговорах...» [5; 46].

Кстати, обычай сдувания мы встречаем в наговоре от грудницы: *«Этой водой мочить грудь, можно брызгать её чистой рукой. Наговаривать за один раз три раза, а всего – утром, в обед и вечером, после каждого раза в сторону сдувать».* (х. Родионов, 2003 г., беседа П.Т. Тимофеева с Г.А. Михайловой) [4; 192].

С историей заговоров на воду связан один любопытный факт: «в благоприятное время ведуны набирали из семи освященных, обладающих целебными свойствами родников воду и смешивали ее, тщательно толкли эту воду в ступе. При этом вода становилась био-психо-активной, структурированной, так как ее молекулярные цепочки становились более созвучными организму человека, обеспечивая ему нормальную жизнедеятельность» [10]. Далее человек ведающий мог работать с подготовленной водой в соответствии с преследуемыми целями. Со временем в сознании народа произошла подмена смысла сакрального действия. Оно было наделено совершенно противоположной семантикой, и сегодня фразеологизм «толочь воду в ступе» означает бесполезную трату времени.

Следующий рассматриваемый нами заговор имеет трехчастную структуру. Начинается он с введения, затем переходит к сравнению и оканчивается закреплением: *На море акяне, на острове Буяне бел-гарюч камень лижит. Ис-пат камня Смородинка бижит. Штоп рабу божьему (имя) ат хмеля ни лижать, штоп йему хмельнойе была вадою смародинаваю. Накрипка замыкаю, замалю. Аминь.* (х. Крутовский, 2001 г., В.Е. Рассказова, 1932 г.р.) [8; 169].

Начинается заговор с традиционной формулы, которая часто встречается в заклинательных текстах. А.Н. Афанасьев уподобляет бел-горюч камень (он же алатырь-камень) солнцу и туче. Смородина – это мифическая кипящая река, поэтому в нашем случае бел-горюч камень – это, вероятнее всего, грозовая туча. Перун, «ударяя своєю палицей по камню-туче, высекает из него молниеносные искры, разводит пожигающее пламя грозы и заваривает чудодейственный напиток живой воды (дождя)» [2]. В рассматриваемом заговоре хмельной напиток должен казаться жгучим, издающим «смород». Вода посредством такого внушения должна исцелять от пьянства.

Таким образом мы выявили присутствие в заговорах, записанных на Верхнем Дону в 80-х годах XX века и в первом десятилетии XXI, устойчивые формулы, характерные для традиционных фольклорных текстов этого жанра. Среди них формульные сравнения и эпитеты, формульные зачины. В заговорных текстах широко используются развернутые метафоры и параллелизмы.

Как показывают данные анализа, в заговорах, дошедших до наших дней, сохранились древнейшие формулы и поэтические образы. Без их понимания невозможно и понимание позднейших символов, которые развивались на почве народно-песенного параллелизма, метафор, значение которых сейчас кажется затемненным, обрядов, потерявших, как может показаться, свой сакральный смысл в современных условиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. В трех томах. Том 1. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://bookitut.ru/Poeticheskie-vozzreniya-slavyan-na-prirodu-tom-1.html>
2. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. Том 2. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://bibleoteca.narod.ru/afanasjev2.pdf>
3. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. – М.: Высшая школа, 1989. – 404 с.
4. Ветухов А.В. Заговоры, заклинания, обереги и другие виды народного врачевания, основанные на вере в силу слова / Варшава. Типография Варшавского Учебного округа, 1907. – 522 с.

5. Крушевский Н. В. Заговоры, как вид русской народной поэзии [1876] // Крушевский Н. В. Избранные статьи и работы по языкознанию / РАН. Отд-ние лит. и яз. Комис. по истории филол. наук; Сост. Ф. М. Березин. – М.: Наследие, 1998. – С. 25-47. Варшавские университетские известия. – 1876, № 3. – С. 3-69.
6. Левкиевская Е.Е. Славянский оберег. Семантика и структура. – М.: «Индрик», 2002. – 336 с.
7. Мазалова Н. Е. Личность русского «знающего» в мифологических рассказах / Радловские чтения, 2006: тезисы докладов / Рос. акад. наук, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера); [отв. ред. Ю. К. Чистов, Е. А. Михайлова]. – Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 2006. – 278 с.
8. Материалы международных студенческих фольклорно-этнографических экспедиций Донецкого национального университета на Верхний Дон (Волгоград. и Ростов. обл.: 2001, 2003, 2005–2007, 2010–2012 гг.) : моногр. / [П. Т. Тимофеев, С. С. Сингур и др.]; под общ. ред. П. Т. Тимофеева. Донецк : Юго-Восток, 2013. – 384 с.
9. Потехня А. Малорусская народная песня, по списку XVI века. Текст и примечания. – Воронеж: В типографии В.И. Исаева, 1877. – 53 с.
10. Русич Наталия НФО «Гнозис», г. Ялта «Тайная доктрина», №24/2008. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://gifakt.ru/archives/index/rus-velikaya-i-drevnyaya-russkij-narod-vernetsya-k-svoim-istokam/>
11. Русские заговоры из рукописных источников XVII – первой половины XVIII в. / Составление, подготовка текстов, статьи и комментарии А. Л. Топоркова. – М.: Издательство «Индрик», 2010. – 832 с.
12. Садовников Д. Загадки русского народа / Сборник загадок, вопросов, притч и задач. – С.-Петербург. Типография Н.А. Лебедева, Невский пр., д. №8, 1876. – 332 с.

Поступила в редакцию 08.05.2017 г.

POETICS OF SPELLS WITH THE CONCEPT “WATER”

L.P. Potijko

The article analyzes the texts of spells with the concept "water". On the basis of linguistic analysis the conclusion is made about the stability of folk formulas in texts which were recorded at different times. The means of artistic expressiveness are revealed with certain aspects of the Slavs' world outlook and related to the picture of the world and the regulation of relations between man and nature.

Keywords: spell, water, concept, formality of folklore, metaphor, parallelism.

Потийко Лилия Петровна.

Магистр филологии.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

E-mail: potiyko_1@mail.ru

Potijko Lilia Petrovna.

Master of Philology.

Donetsk National University.

E-mail: potiyko_1@mail.ru

УДК 801.733

БОГОСЛУЖЕБНЫЕ ПЕСНОПЕНИЯ В «СЛОВЕ О МИРОНОСИЦАХ» СВТ. КИРИЛЛА ТУРОВСКОГО

© 2017. *Н.О. Ткаченко*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье рассматривается система цитат в одном из торжественных слов свт. Кирилла Туровского. Автор статьи ставит такие задачи: определить, какое значение имеют богослужебные песнопения в структуре проповеди, какое влияние они оказывают на развёртывание содержания проповеди, и какие цели ставит проповедник. В конце статьи представлены выводы об уникальности проповедей свт. Кирилла Туровского.

Ключевые слова: торжественная проповедь, богослужебные песнопения, икона.

Одним из самых ярких представителей древнерусской книжности домонгольского периода является святитель Кирилл, епископ Туровский, живший в XII веке. Автор его жития называет его «златословесным учителем, другим Златоустом <...> воссиявшим паче всех на Руси». Литературное наследие свт. Кирилла Туровского составляет целый корпус текстов, относящихся к различным жанрам: торжественные Слова, беседы, каноны, молитвы. Предметом нашего исследования являются торжественные проповеди святителя, или иначе «Слова».

Слова свт. Кирилла Туровского составляют единый цикл. Цикл открывается «Словом в неделю цветную» (вербное воскресение), затем следуют 4 «Слова» на каждую из седмиц по Пасхе (неделя Пасхи, о Фоме, о мироносицах, о расслабленном), 5-я неделя пропущена, 6-я отмечена двумя «Словами» – о слепом и на Вознесение Христово (в четверг 6-й седмицы). Завершает цикл «Слово на Собор Святых Отец (соответствует 7-й неделе Святых Отец). Таким образом, охвачен период от страстной седмицы до Пятидесятницы.

О жанровых особенностях торжественной проповеди свт. Кирилла Туровского писали многие исследователи. Самые ранние исследования творений Кирилла принадлежат К.Ф. Калайдовичу [1], М.И. Сухомлинову [2], архиеп. Антонию (Вадковскому) [3], В.П. Виноградову [4]. Во второй половине XX века было издано наиболее полное собрание сочинений свт. Кирилла учёным И.П. Ерёминым [5–8]. В 2000 году в Минске вышло собрание сочинений свт. Кирилла под ред. А.А. Мельникова [9]. Д.С. Лихачёв [10], В.В. Бычков [11], Л.В. Левшун [12], Пиккио Риккардо [13] в своих обширных трудах по поэтике, эстетике, истории касались трудов свт. Кирилла Туровского. Е. Б. Рогачевская [14–16] написала ряд работ по торжественным проповедям свт. Кирилла и издала большое исследование по циклу молитв свт. Кирилла Туровского. Также важные замечания сделаны в статьях М.Ф. Антоновой [17], В. В. Колесова [18], О.Н. Бахтиной и И.Н. Гончарова [19].

Среди современных исследователей творчества свт. Кирилла Туровского следует назвать С.М. Шумило [20, 21]. Её статьи посвящены взаимосвязи торжественных проповедей свт. Кирилла и богослужебных песнопений. В статье «Богослужебные песнопения в «Слове о расслабленном» Кирилла Туровского» [21] автор отмечает сходство приёмов создания проповеди и богослужебных текстов. На примере канона Благовещению, который строится как диалог Богородицы и Архангела Гавриила, исследовательница делает вывод: «Очевидно, гимнограф, составлявший службу,

используя прием амплификации, преследует вполне определенную цель: помедлить, пожить какое-то время евангельской жизнью, стать свидетелем встречи Архангела и Богоматери, замереть перед этим чудом, как перед иконой. Амплификация необходима гимнографу как средство создания особой атмосферы и молитвенного настроения у слушателей». И далее: «Знаменательно, что тот же прием ложится в основу проповеднической литературы, которая, таким образом, тоже связывается авторами с молитвенным состоянием и замедлением повествования ради углубления в молитву». [21, с. 105]

Именно связь проповеди, иконы и богослужебных текстов особенно замечательна. С.М.Шумило опубликовала ряд работ по этой интересной теме. Не со всеми статьями С.М.Шумило автору данной статьи удалось ознакомиться. Очень хочется, чтобы данная работа была не повторением, а дополнением той работы, которая ведётся исследовательницей. Особенно важным является то, что изучение торжественных проповедей свт. Кирилла Туровского было начато нами под руководством Петра Тимофеевича Тимофеева. Именно в память о нашей работе хотелось выпустить эту статью, которая является производной дипломной работы.

Цели данной статьи таковы: определить, какое значение имеют богослужебные песнопения в структуре проповеди, какое влияние они оказывают на развёртывание содержания проповеди, и какие цели ставит проповедник.

Для этого рассмотрим слово свт. Кирилла на 3-ю неделю по Пасхе в честь жён-мироносиц: «Святого блаженного Кюрила епископа Туровьска, Иосифу похвала и по Пасцѣ в недѣлю 2-ю и о мироносицах» [7, с. 419-426]. В этот день по церковному уставу вспоминаются не только жены-мироносицы, но и тайные ученики Господа: прав.Иосиф Аримафейский и Никодим.

Это Слово имеет трёхчастную композицию, как и все торжественные проповеди свт.Кирилла: вступление, повествование, заключение.

Во вступлении проповедник восхваляет церковные праздники вообще, потом вспоминает неделю 2-ю по Пасху об апостоле Фоме, и далее приглашает вспомнить с благодарностью мироносиц и праведного Иосифа Аримафейского, который похоронил Господа: «Ныня же Иосифа благообразнааго с мюроносицами похвалим». То есть вспомнить о них, воспеть их подвиг. Вот этот призыв о восхвалении, почтении создаётся на основе тропаря 9-й песни Канона мироносицам, читаемого на утрени в неделю 2-ю по Пасхе: «*Иосифа чуднаго да восхвалимъ вѣрнии, купно с Никодимомъ, и мироносицами вѣрными, вопиющыя: Господь воскресе воистину*». [22]

Далее следует повествование, включающее несколько частей.

Вначале повествуется о том, как праведный Иосиф находит тело Господа на кресте. Начало повествовательной части проповеди: «Бѣ бо – рече – и тѣченик Исусов и чая Царствия Божия», - соответствует началу евангельского повествования об Иосифе Аримафейском: «Прииде Иосифъ, иже от Аримафѣя, благообразень совѣтник, иже и той бѣ чая царствия Божия...»(Мк.15:43). [23]

А далее проповедник указывает на знамения природы, которые случились во время смерти Господа и которые видел Иосиф Аримафейский: «И въ врѣмя страсти вольныя Спасовы видѣ страшная в твари чюдеса, солнце помъркыше и землю трясущюся <...>».

В Евангелии есть такие указания на знамения в мире вещей и природы, которые сотворились в то время, когда Господь испустил дух: у трёх евангелистов (у Матфея, Марка, Луки) говорится о том, что завеса разодралась в храме; у св.ев.Матфея говорится о том, что земля потряслась и камни расселись (Мф.27:51); у св.ев.Луки

сказано, что сделалась тьма по всей земле от часа шестого до часа девятого и померкло солнце (Лк.23:44-45); у св.ев.Марка также указывается на то, что в шестом часу настала тьма и продолжалась до часа девятого (Мк.15:33). О знамениях природы много сказано в богослужебных песнопениях:

«Распещишя Тебѣ Христе, помрачися свѣтъ, земля потрясется, и из гробовъ мертвии восташи мнози, страхомъ державы Твоея». (Тропарь 3 песни Канона мироносицам, читаемого на утрени в неделю 2-ю по Пасцѣ.)[24]

«Распинаемому Тебѣ Христе, вся тварь видяци трепетание, основания земли колебахуся, страхомъ державы Твоея, свѣтила скрывахуся, и церковная раздрася завѣса, горы вострапеташа, и камене разсѣдешя, и разбойникъ вѣрный зоветь съ нами Спасе: еже помяни во Царствии Твоемъ». (Стихъ на блаженны, читаемый на утрени во Святый и Великий Пяток.)

Свт. Кирилл тоже сосредотачивает внимание слушателей на этих чудесных явлениях природы, и говорит, что прав.Иосиф «страха исполнивъся и дивясь приде въ Иерусалим».

Далее в повествовательной части проповеди говорится о том, что прав. Иосиф увидел Крест с Распятым Господом, и Богородицу, рыдающую и обращающуюся с горькой речью к своему Сыну. Как мы знаем, этой речи нет в Евангелии. Плач Богородицы, Её монолог, встреча прав. Иосифа с Богородицей берёт своё начало из Канона о распятии Господнем и на плач Пресвятой Богородицы, который читается на повечерии в святой и великий пяток (авторство Канона приписывается Симеону Логофету). Также в иконографии есть образ «Снятие с Креста». Хочется обратить внимание на древнерусскую икону, на которой изображены Богородица и прав. Иосиф, который обнимает тело Господа, снимая его со Креста. Это икона «Снятие с креста» 1497 года, находящаяся в Центральном музее древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублёва в Москве. Прав. Иосиф стоит возле Креста и держит тело Господа, а скорбящая Богородица обнимает Сына Своего, прикинув лицом к Его измученному лицу. Иосиф со скорбью смотрит на Богородицу, а Богородица смотрит на Господа. Возле Креста стоят ещё жены-мироносицы, св.Иоанн Богослов и ещё некий муж. Есть фреска 1164 года в храме св. Пантелеймона в Нерезе (Югославия): Богородица, оплакивающая Христа. Богородица обнимает Господа, прикинув к Его лицу. На этой фреске особенно видна в образе Богородицы боль, страдание. Древние иконописцы хотели передать эту боль художественными средствами. Автор Канона, читаемого в Страстную Пятницу, тоже эмоционально передаёт боль, страдание Богородицы. То же делает и свт. Кирилл Туровский в своей торжественной проповеди в день воспоминания прав. Иосифа и жен-мироносиц.

Далее в «Слове» свт. Кирилла приводится плач Богородицы. Он занимает большое место в повествовательной части проповеди. На нём мы и остановим своё внимание, поскольку объём статьи не позволяет рассмотреть всю проповедь.

Плач Богородицы состоит (сплетается) из многих предложений, основанных на богослужебных песнопениях. Посмотрим, какие песнопения лежат в основе плача.

Слово свт.Кирилла Туровского:	Богослужебные песнопения:
Тварь съболѣзнуеть Ми, Сыну, Твоего зряще бес правды умьрщвления.	Вся тварь измѣняшеся страхомъ, зрящи Тя на крестѣ висима Христе: солнце омрачашеся, и земли основания сотрясахуся, вся сострадаху создавшему вся . Болею нашь ради претерпѣвий, Господи

Увы Мнѣ, Чадо Мое, Свѣте и Творче тварем! Что Ти ныня въсплачу? Заушения ли, ци ли за ланиту ударения и по плещема биения, уз же и тьмницѣ, и заплевания святаго Ти лица, яже от безаконник за благая прият! Увы Мнѣ, Сыне! Не повиньн сы поруган бысть и на Крестѣ смерти въкуси. Како Тя тѣрниемъ вѣнчаша, и зълчи с оцтомъ напоиша, и еще и пречистая Ти ребра копиемъ прободоша!

Ужаснуса небо и земля трепещеть, **иудѣйска не тѣрпяще дерзновения;** солнце помѣрче и камень распадесе, жидовское окаменение являюще.

Вижу Тя, Милое Мое Чадо, на крестѣ нага висяща, бѣздушна, безрачна, не имуща видѣния, ни доброты, и горко уязвляюся душою. И хотѣла бых с Тобою умрѣти, - не тѣрплю бо бездушна Тебе зрѣти.

слава Тебѣ. (Стихира на утрени во Святый и Великий Пяток.)

*Днесъ зряще Тя Непорочная Дева, на крестѣ Слове възвышаема, рыдающе матернюю утробою, уязвляеся сердцемъ горциѣ, и стеньяще болѣзненно из глубины души, лице со власы терзающе. Тѣмже и перси биющи взываше жалостно: **Увы Мнѣ, Божественное Чадо!** Увы Мнѣ, Свѣте мира, что зашелъ еси от очю Моею, Агнче Божий; тѣмже воинства безплотныхъ, трепетомъ содержими бяху, глаголюще: непостижиме Господи, слава Тебѣ. (Стихира во Святый и Великий Пяток вечера.)*

*Днесъ церковная завѣса, на **обличение беззаконныхъ** раздирается, и солнце лучы своя скрывает, Владыку зря распинаема». (Стихира самогласна первого часа, читаемая на утрени во Святый и Великий Пяток.)*

Дивлюся зряци Тя Преплагий Боже, и Прещедрый Господи, без славы, и без дыхания, и безобразна, и плачуся держащи Тя, яко не надѣяхся увы Мнѣ, видѣти Тя Сыне Мой и Боже. (Тропарь, 6-я песнь, Канон о распятии Господнем и на плачь Пресвятой Богородицы, читаемый на повечери в Святой и Великий Пяток.)

На древь видяци висима Христе, Тебе всѣхъ Зиждителя и Бога, безсѣменно Рождшая Тя вопияше горько: Сыне Мой, гдѣ доброта зайде зрака Твоего; не терплю зрѣти Тя неправедно распинаема. Потщися убо востани, яко да вижу и Азъ Твое из мертвыхъ тридневное воскресение. (Стихира во Святый и

Радость Мне отсель никакже
прикоснется, - Свѣтъ бо Мой и
Надежда и Живот, Сын и Бог, на
древѣ угасе.

Кде Ми, Чадо, благовѣствование,
еже Ми древле Гаврил: Радуйся,
Обрадованая, с Тобою Господь! –
Цесаря Тя и и Сына Вышняго
нарицаая, Спаса миру, и Животворца
всѣм, и грѣхом Потребителя! Ныня
же зрю Тебе, акы злодѣя, межю
двѣма повѣшна разбойникома и
копием прободена въ ребра
мъртвѣца, и сего ради горко
изнемагаю.

Не хоцю бо жити, нъ варити Тя в
адѣ.

Ныня Моего чаяния, радости же и
веселия, Сына и Бога лишена бых.
**Увы Мнѣ! О страннѣм Ти
Рождествѣ** тако не болѣх, яко же
ныня, Владыко, **растързаюся
утробою**, Твое видяци тѣло
пригвождено к дрѣву.

Твое бѣ преславно Рождество, Иусе,
и ныня страшно умерщвление:

Великий Пяток вечера.)

*Радость Мне николиже отсель
прикоснется, рыдаючи глаголаше
Непорочная: Свѣтъ Мой и Радость
Моя во гробъ зайде: но не оставлю
Его единаго, здѣ же умру, и
спогребуся Ему. (Тропарь, Канон
тот же.)*

*Гдѣ Сыне Мой и Боже
благовѣщение древнее, еже Ми
Гаврииль глаголаше; Царя Тя,
Сына и Бога Вышняго нарицаше:
нынѣ же вижу Тя, Свѣте Мой
сладкий, нага и уязвена мертвеца.
(Тропарь, песнь 7, Канон тот же.)*

*Избавляяй болѣзни, нынѣ прими Мя
съ Тобою, Сыне Мой и Боже, да
сниду Владыко во ад съ Тобою и
Азъ, не остави Мене едину: уже бо
жити не терплю, не видяци Тебе
сладкаго Моего свѣта. (Тропарь,
песнь 7, Канон тот же.)*

*О страшномъ Твоемъ рождествѣ и
странномъ, Сыне Мой, паче всѣхъ
матерей возвеличена быхъ Азъ: но
увы Мнѣ, нынѣ Тя видяци на древѣ,
распалаюся утробою. (Тропарь,
песнь 3, Канон тот же.)*

*Иже от кровей Твоихъ чистыхъ
воплощенна, и паче мысли от Тебе
Чистая рожденна, на дрѣвѣ висима
посрѣде злодѣю зряци, утробою
болѣла еси, и Матерски рыдаючи
вопяла еси: Увы Мнѣ Чадо Мое,
кое Божественное и неизреченное
смотрение Твое, имже оживиль еси
создание Твое; воспѣваю Твое
благоутробие. (Съдален крестный в
Пяток на утрени.)*

- Един от несѣянныя проиде утробы, **цѣлы печати Моего съблюди дѣвства**, Матерь Мя Своего въплъщения показав, и пакы Дѣвою схрани.

Знаю Твое за Адама пострадание, нѣ душевною рыдаю объята горестию, дивящися Твоего таинства глубинѣ.

Слышите, небеса и море с землею, внушайте Моих слъз рыдание: се бо Творецъ вашъ от священникъ страсть приемлетъ, Един праведнъ за грѣшники и незаконники убиен бысть.

Днесъ, Симеоне, постиже Мя проречение: **копие бо Мою нынѣ проходить душу**, Твоего от воинъ зряще поругания.

Увы Мнѣ! Кого к рыданию призову! Или с кымъ Моих слъз излѣю потоки! Все бо Тя оставиша, ужики же и друзи, Твоих, Христе, насладивъшеся чудес. Кде нынѣ ликъ седмьдесятныхъ ученик? Кдѣ ли верховныи апостоли? Ов бо Тя **лъстию** фарисѣомъ предасть, другый же страха ради предъ архиерѣи с клятвою отвержеся, не зная Тебе чловѣка.

*О превелия таинства! Зря чудеса, проповѣдую Божество: Еммануилъ бо естества убо врата отверзе яко чловѣколюбець: **дѣвства же заключения не разруши** яко Бог: но сице от утробы пройдетъ, якоже слухомъ вниде: тако воплотися, якоже зачатся. Безстрастно вниде, несказанно изыде, по пророку глаголющему: сия врата заключена будутъ, никтоже пройдетъ ими, токмо единъ Господь Богъ Израилевъ, имгѣяй велию милость. (Догматик на вечерни в неделю 3-ю по Пасцѣ Жен мироносицъ и Праведнаго Иосифа.)*

*О горы и холми, и чловѣковъ множества! **Восплачитесь, и вся рыдайте со Мною** Бога вашего Материю! (Похвалы, читаемыя на утрени Страстной Субботы.)*

*Увы, Симеоново совершиися пророчество: **Твой бо мечъ пройдетъ сердце Мое, Еммануиле.** (Похвалы, читаемыя на утрени Страстной Субботы.)*

*Иуда предатель **лъстивъ сый, лъстивнымъ лобзаниемъ** предаде Спаса Господа, и Владыку встѣхъ, яко раба продаде иудеомъ: яко овца на заколение, тако послѣдоваше, агнецъ Божий, Сынъ Отчий, Единъ Многомилостивый. (Стихира во Святый и Великий Четвертокъ вечера.)*

Рассмотрим этот отрывок из плача Богородицы: «Ныня Моего чаяния, радости же и веселия, Сына и Бога лишена бых. Увы Мнѣ! О страннѣм Ти Рожествѣ тако не болѣх, яко же ныня, Владыко, растързаюся утробою, Твое видящи тѣло пригвождено к дрѣву. Твое бѣ преславно Рожество, Иусе, и ныня страшно умерщвление: - Един от несѣяныя проиде утробы, цѣлы печати Моего съблюду дѣвства, Матерь Мя Своего выпльщения показав, и паки Дѣвою схрани».

И обратим внимание на текст тропаря 3 песни Канона о распятии Господнем и на плачь Пресвятой Богородицы, читаемого на повечерии в Святой и Великий Пяток: «*О страшномъ Твоемъ рожествѣ и странномъ, Сыне Мой, паче всѣхъ матерей возвеличена быхъ Азь: но увы Мнѣ, нынѣ Тя видящи на древѣ, распалаюся утробою*».

Предположим, что именно этот тропарь был источником вышеприведенного отрывка из плача Богородицы в Слове свт. Кирилла Туровского. И в проповеди и в тропаре указывается на чудесное рождение Господа. В проповеди: «Твое бѣ преславно Рожество, Иусе, и ныня страшно умерщвление». В тропаре: «*О страшномъ Твоемъ рожествѣ и странномъ, Сыне Мой, паче всѣхъ матерей возвеличена быхъ Азь <...>*». Также в тропаре говорится о высоте Богородицы, которая по Божию усмотрению удостоилась быть Матерью Бога. В проповеди же свт. Кирилла говорится ещё и о том, что величие Богородицы, которая «паче всѣхъ матерей возвеличена быхъ», это чудо Рождества, безболезненного, «страшного и странного», теперь разрушилось страшной, наглою смертью, ибо Господь – «Цесарь, Сын Вышняго, Спас миру, Животворецъ всѣм, и грѣхомъ Потребитель (какъ говоритъ свт. Кирилл), - теперь виситъ на крестѣ, «аки злодѣй», «между двѣма повѣшныа разбойникама». «Милое Мое Чадѣ, Свѣтъ бо Мой и Надежда и Живот, Сын и Бог», - такъ называетъ Господа Богородица в проповеди свт. Кирилла. Теперь передъ Нею «мертвецъ, прободенный копиемъ в ребра».

Свт. Кирилл Туровский сосредотачиваетъ внимание именно на этой антиномии: чудесное Рождение и наглая, безобразная смерть. Свт. Кириллъ делаетъ акцентъ на боли Богородицы, многократно повторяя такие фразы: «растързаюся утробою», «душевною рыдаю объята горестию». В проповеди больше сравнений, усиливающихъ переживание, нежели в богослужебныхъ текстахъ: «Вижу Тя, Милое Мое Чадѣ, на крестѣ нага висяща, бѣздушна, безрачна, не имуща видѣния, ни доброты, и горко уязвляюся душею». В стихире: *Дивлюся зрящи Тя Преплагий Боже, и Прещедрый Господи, без славы, и без дыхания, и безобразна <...>*.

В проповеди больше эпитетовъ.

В тропаре канона: «*Радость Мне николиже отсель прикоснется, рыдающи глаголаше Непорочная: Свѣтъ Мой и Радость Моя во гробѣ зайдетъ: но не оставлю Его одинаго, здѣ же умру, и спогребуся Ему*».

В проповеди: «Радость Мне отсель никако же прикоснется, - Свѣтъ бо Мой и Надежда и Живот, Сын и Бог, на древѣ угасе».

В проповеди появляются новые образы, новые акценты.

Свт. Кириллъ влагаетъ в уста Богородицы сравнение Господа с угасшимъ на древе Светомъ: «Свѣтъ бо Мой и Надежда и Живот, Сын и Бог, на древѣ угасе». И это сравнение наглядное, живое, ассоциируется с наглядностью иконы.

Свт. Кириллъ перечисляетъ все унижения, издевательства, которые претерпелъ Господь: «Увы Мнѣ, Чадѣ Мое, Свѣте и Творче тваремъ! Что Ти ныня въсплачу? Заушения ли, ци ли за ланиту ударения и по плещема биения, уз же и тѣмницѣ, и заплевания святаго Ти лица, яже отъ беззаконникъ за благая прият! Увы Мнѣ, Сыне! Не повинь сы поруганъ бысть и на Крестѣ смерти въкуси. Како Тя тѣрниемъ вѣнчаши, и зълчи с оцѣмъ напоиши, и еще и пречистая Ти ребра копиемъ прободоши!»

Это детальное конкретное описание тоже усиливает наглядность, эмоциональность, фокусирует внимание на внешнем.

И завершение плача тоже строится на контрасте, на антиномии: «И едина, Боже Мой, раба Твоя, рыдаючи предъстою с Хранителемъ Твоихъ словесъ и възлюбленнымъ Ти наперсникомъ. Увы Мнѣ, Исусе Мой, драгое Имя! Како стоять земля, чюючи Тя на себе на крестѣ висяща, иж на водахъ ту въ начатыцѣ основал еси, иже многыя слѣпца просвѣтив, и мъртвыя словомъ въскрѣсивъша Твоего Божества мановениемъ? Придѣте, видите Божия смотрения таинство, како Оживлий вся проклятою умерщвен бысть смертию (а в другом списке проповеди: и поносною и укорною смертию осужен бысть умрети)».

Свт. Кирилл ставит рядом противоположные понятия, соединяет несоединимое: величие Господа и страшная унижительная смерть; Ожививший всё умерщвлён проклятой смертью. Таким образом, в этой части повествования свт. Кирилл показывает горе Богородицы, показывает Её любовь к Сыну и показывает тот ужас от видения смерти Бога, как несовместимой с Источником Жизни, с Тем, кто недавно воскресил умершего, Кто родился безболезненно у Матери, а теперь великая боль «растерзаемой утробы» испытала Богородица. Свт. Кирилл при помощи всех этих способов помогает слушателям тоже испытать тот ужас, который охватил Матерь Бога и всех, кто был рядом, кто любил Бога.

Итак, основываясь на тропарях и стихирах Страстной пятницы и субботы, свт. Кирилл Туровский вносит свои акценты в Слово на 3-ю неделю по Пасхе («Святого блаженного Кюрила епископа Туровьска, Иосифу похвала и по Пасцѣ в недѣлю 2-ю и о мироносицах»). В рассматриваемом нами отрывке проповеди автор не цитирует дословно, он разворачивает повествование по-своему, исходя из того материала, на который он ориентируется (Евангелие, богослужебные песнопения, пророчества). Увеличение образности, усиление эмоциональности, использование контрастов приводит к высокой степени наглядности Слова. Проповедь свт. Кирилла Туровского становится словесной иконой. О такой особенности проповеди писал архим. Валерий (Лепяхин) в книге «Икона и иконичность» [25]. Также он писал: «Тесная взаимосвязь существует между такими разными видами православного словесного и изобразительного искусства как икона и проповедь. Она состоит в том, что икона выполняет важную функцию проповеди христианского, православного учения, а проповедь в свою очередь нередко становится писаной словом, вербальной иконой Спасителя, Богородицы, святого, праздника или догмата. В этом смысле можно говорить об иконе как о безмолвной, невербальной, “неизглаголанной” проповеди, а о проповеди — как о словесной иконе». [26]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Памятники российской словесности XII в. / Изд. К.Ф. Калайдович. – М., 1821.
2. Рукописи графа А.С. Уварова: В 2 т. / Изд. и вступ. ст. М.И. Сухомлинова. – СПб., 1858. – Т. 2: Памятники словесности. – Вып. 1.
3. Архиеп. Антоний (Вадковский). Из истории христианской проповеди: Очерки и исследования. – СПб., 1895.
4. Виноградов В.П. О характере проповеднического творчества Кирилла, епископа Туровского // В память столетия (1814 – 1914) имп. Московской Духовной Академии: Сб. статей. – Сергиев Посад, 1915. – Т. 2.
5. Еремин И.П. Литературное наследие Кирилла Туровского // Труды Отдела древнерусской литературы / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). – М.; Л.: АН СССР, 1955. – Т.11. – С. 342-367.
6. Еремин И.П. Литературное наследие Кирилла Туровского // Труды Отдела древнерусской литературы / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). – М.; Л.: АН СССР, 1956. – Т.12. – С. 340-361.

7. Еремин И.П. Литературное наследие Кирилла Туровского // Труды Отдела древнерусской литературы / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). – М.; Л.: АН СССР, 1957. – Т.13. – С. 409-426.
8. Еремин И.П. Литературное наследие Кирилла Туровского // Труды Отдела древнерусской литературы / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). – М.; Л.: АН СССР, 1958. – Т.15. – С. 331-348.
9. Мельнікаў А.А. Кірыл, епіскап Тураўскі. Жыццё, спадчына, светапогляд. – 2-е выд. – Мн.: Издание Института литературы им. Янки Купалы Национальной академии наук Беларуси, 2000.
10. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. – 3-е изд. – М.: Наука, 1979. – 360 с.
11. Бычков В.В. Русская средневековая эстетика. XI – XVII века. – М.: Мысль, 1995. – 637 с.
12. Левшун Л.В. История восточнославянского книжного слова XI-XVII вв. – Минск: Экономпресс, 2001. – 352 с.
13. Пиккио Риккардо. Древнерусская литература / Риккардо Пиккио; Пер. с итал. М.Ю. Кругловой и др.; Предисл. А.С. Демина; Отв. ред. Д.С. Менделеева. – М.: Яз. Славян. Культуры, 2002. – 352 с.
14. Рогачевская Е. Б. Использование Ветхого Завета в сочинениях Кирилла Туровского // Герменевтика древнерусской литературы. – М., 1989. – Сб. 1. – С. 96-105.
15. Рогачевская Е. Б. О некоторых особенностях средневековой цитации (на материале ораторской прозы Кирилла Туровского) // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. – 1981. – № 1. – С. 16-20.
16. Рогачевская Е. Б. Цикл молитв Кирилла Туровского: Тексты и исследования. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – 280 с.
17. Антонова М.Ф. Кирилл Туровский и Епифаний Премудрый // Труды Отдела древнерусской литературы / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). – Л.: Ленингр. отделение «Наука», 1981. – Т. 34. – С. 223-227
18. Колесов В. В. К характеристике поэтического стиля Кирилла Туровского // Труды Отдела древнерусской литературы / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). – Л.: Ленингр. отделение «Наука», 1981. – Т. 36. – С. 37-49.
19. Бахтина О.Н., Гончаров И.Н. О жанровой природе древнерусской проповеди // Русская литература в современном культурном пространстве (материалы II Всероссийской научной конференции, посвященной 100-летию Томского государственного педагогического университета, 1-3 ноября 2002 года). – Часть 1. – Томск, 2003.
20. Шумило С.М. Источники стиля в ораторском красноречии Киевской Руси (на материале торжественных слов Кирилла Туровского) // Східнослов'янська філологія: Збірник наукових праць. – Випуск 14. Літературознавство. – Горлівка: Видавництво ГДПШМ, 2009. – 220 с.
21. Шумило С.М. Богослужбные песнопения в «Слове о расслабленном» Кирилла Туровского // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. - № 4 (66) - декабрь, 2016.
22. Триодъ Цвѣтная. – М.: Издание Московской патриархии, 1992.
23. Новый Заветъ Господа нашего Иисуса Христа. – М.: «Правило веры», 2004.
24. Триодъ Постная. – М.: Издание Московской патриархии, 1992.
25. Лепяхин В. Икона и иконичность. - СПб.: Успенское подворье Оптиной Пустыни, 2002.
26. Архим. Валерий (Лепяхин). Икона и проповедь. // Православный взглядъ. - № 3(25). – 2013.

Поступила в редакцию 08.05.2017 г.

THE LITURGICAL HYMNOGRAPHY IN THE CONTEXT OF KIRIL TUROVSKIY'S “WORDS ABOUT THE BEARERS”

N.O. Tkachenko

The system of citations of one of the solemn Words of Kirill Turovskiy is considering in the article. The author of the article sets targets: to determine, what the value have liturgical hymnography in the structure of the solemn Words, what the impact it have on the deployment of the content of the Word, what targets puts Kirill Turovskiy.

In the end of the article the author concludes about unique features of the Kirill's style.

Key words: the solemn Words, hymnography, icon.

Ткаченко Наталья Олеговна

Магистр филологии.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

E-mail: tkachenkonata85@mail.ru

Tkachenko Natalia Olegovna.

Master of Philology.

Donetsk National University.

E-mail: tkachenkonata85@mail.ru

УДК 81'374: 821.161.1

**ЗАГОЛОВОК СЛОВАРНОЙ СТАТЬИ КАК ПРОБЛЕМА
ПОЭТОНИМОГРАФИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Н.С. ГУМИЛЕВА)**

© 2017. К.С. Федотова

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Статья посвящена вопросу выбора заголовка словарной статьи для словаря собственных имен в языке писателя (словаря поэтонимов). Описаны базовые принципы поэтонимографии. Рассмотрены проблемы, связанные с необходимостью разграничения понятий 'собственное имя' и 'поэтическая номинация', предложены пути их решения.

Ключевые слова: поэтонимография, поэтоним, заголовок статьи, словарная статья.

Поэтонимография – новое направление писательской ономографии и, шире, авторской лексикографии. Поэтому она, прежде всего, нуждается в определении и, естественно, решении “узловых” проблем теории. Несмотря на то, что вопросы представления онимной лексики затрагивались во всех крупных проектах авторских словарей («Словарь языка Пушкина», «Словарь автобиографической трилогии М. Горького», «Поэт и слово: Опыт словаря»), общепризнанное мнение пока не сформировано. Это привело не только к тому, что в статьи о собственных именах в словарях языка писателей включены разные содержательные компоненты (выбор микроструктуры словаря, в первую очередь, зависит от концепции), но и к ряду спорных решений. Одному из них – вопросу о заголовке словарной статьи – и посвящена настоящая статья.

В опытах представления проприальной лексики в роли заголовочного слова выступают либо только однословные онимные единицы («Словарь языка Грибоедова»: *гамбургский* в м. «Гамбургский корреспондент» (название газеты) [9]), либо одно- и многословные собственные имена, если они представляют собой цельную по смыслу проприальную единицу («Словарь языка Василия Шукшина»: *Иван Петров* [4, с. 125], *Миколка-царь* [4, с. 183]). Выбор заголовка статьи и поныне остаётся одним из наиболее дискуссионных и актуальных вопросов писательской ономографии.

Ведущая роль в разработке теории лексикографирования собственных имен в литературном произведении принадлежит В.П. Григорьеву. Ученый выдвинул несколько фундаментальных положений, которые, по нашему мнению, чрезвычайно актуальны для разработки теории поэтонимографии. Приведем некоторые из них:

1) собственные имена, имеющие форму множественного числа в метонимическом употреблении, даются в разных статьях [10, с. 103];

2) «омонимичные отношения среди собственных имен в Словаре <то есть в основной части словаря – К.Ф.> не рассматриваются»; «Реальная омонимия среди собственных имен раскрывается в “Указателе СИ”» [10, с. 105];

3) в связи с неразграничением омонимов в статьях к собственному имени отсутствует энциклопедическая справка;

4) варианты собственных имен типа *Катя* и *Катенька*, *Алексей* и *Толстой* (примеры В.П. Григорьева) даются в разных статьях как экспрессымы [10, с. 108];

5) «Неоднословные собственные имена приводятся в Словаре покомпонентно, подобно фразеологизмам», например: *Святая Русь* дается как *святой* и *русь* (примеры В.П. Григорьева) [10, с. 108].

В приведенных положениях выделяются два ключевых момента: с одной стороны, собственное имя в форме мн. ч. в метонимическом употреблении и части антропоформул (*Алексей* и *Толстой*) ученый предложил давать в разных статьях, с другой стороны, совпадающие по форме собственные имена, отсылающие к разным референтам, в словарном описании не разводятся. Такое решение обусловлено тем, что «Опыт» ориентирован на описание экспресsem – лексических единиц художественной речи, в том виде, в каком они встречаются в литературных текстах. Вопрос рассмотрения вариантов именования конкретных денотатов (в нашем понимании – референтов) собственных имен и их взаимодействие лежит за пределами концепции работы.

В 2003 г. вышла книга «Собственное имя в поэзии XX в.: словарь личных имен» [1] – уникальный справочник по функционированию онимной лексики в литературе Серебряного века. В этой работе омонимы разведены. Так, собственное имя *Мария* отражено в двенадцати статьях, отсылающих к Деве Марии; персонажу новозаветной притчи о Марфе и Марии; Марии Стюарт; Р.М. Рильке и др. Аналогично с этим разграничены и варианты. Поскольку в этом словаре анализируется исключительно проприальная лексика, на первый план вынесена проблема описания номинированных именем конкретных субъектов, объектов или явлений художественного мира. Представляется, что на подобную методику описания должен ориентироваться и словарь поэтонимов.

Вслед за В.М. Калинкиным [7, с. 107–108] мы разграничиваем термины ‘денотат’ и ‘референт’ онимной единицы: под денотатом понимается область понятий, в которую входит поэтоним; под референтом – обозначенный именем художественный образ. Денотативное значение поэтонима предполагает отнесение его к определенной тематической группе (*имена персонажей греческой мифологии, имена библейских персонажей, названия городов, именование произведений живописи*), разряду (*антропоэтоним, мифопоэтоним, ойкопоэтоним*²) и надразрядной единице – семантическому полю³.

В настоящее время автором статьи разрабатывается проект монографического словаря поэтонимов, построенного по алфавитно-тематическому принципу⁴. В связи с этим принципом онимные единицы языка писателя распределяются по областям обозначаемых ими понятий: 1) имена людей, богов и человекоподобных существ⁵ (авторский антропонимикон в широком понимании), 2) названия местностей

² Для классификация поэтонимии писателя онимную лексику его произведений необходимо распределить по разрядам аналогично тому, как это проводится в ономастических исследованиях. При этом компонент *-оним*, обозначающий собственное имя в языке, заменяется на компонент *-поэтоним*: «<...> наличие в ономастике развитой и привычной системы терминообразования обеспечивает метаязык поэтонимологии словообразовательными моделями. Производя в ономастических терминах замену компонента *-оним* на *-поэтоним*, получаем непротиворечивую и логичную систему терминов поэтонимологии, например: *антропоним – антропоэтоним, зооним – зоопоэтоним* и т.д.» [6, с. 98]

³ Теория семантических полей в ономастике разрабатывалась А.В. Суперанской [11], В.И. Супруном [12] и многими другими исследователями. Применение понятия семантического поля в работах по литературной ономастике также представляется вполне целесообразным.

⁴ Материалом для словаря стало творчество Н.С. Гумилева.

⁵ Вопрос об объединении именований людей и языческих богов в одну группу относится к разряду дискуссионных. В рамках предложенной классификации это объединение было произведено в рабочем порядке на первых стадиях работы над словарем. В дальнейшем, возможно, имена людей, мифологических персонажей и богов, не соотносимых с определенными обликами, нужно будет разграничить.

(авторский топонимизм), 3) названия предметов духовной культуры, 4) именованья животных, 5) названия предметов материальной культуры, 6) именованья растений и явлений природы, 7) названия объектов космического пространства, 8) именованье исторических событий и периодов времени. Каждой области понятий соответствует раздел основной части словаря.

Представляется, что методика лексикографирования собственных имен в общенародном языке отличается от методики словарного описания онимных единиц, функционирующих в художественном тексте. В связи с вопросом выбора заглавия для статьи к словарю поэтонимов отметим несколько ключевых аспектов.

1. Несмотря на то, что даже индивидуально-авторские поэтонимы создаются по моделям национального языка, поэтоним является элементом *языка писателя* и раскрывает свою семантическую ауру только в пространстве художественной *речи*. Форма поэтонима *содержательна*, а потому нельзя не согласиться с мнением В.П. Григорьева о необходимости описывать в авторском словаре собственное имя в той форме, в которой оно встречается в литературном произведении. В первую очередь это касается фонематических вариантов (*Данте* [2, т. 1, с. 100] – *Дант* [2, т. 2, с. 147]), частей антропоформулы (*Алигьери* [2, т. 3, с. 78] – *Данте* [2, т. 1, с. 100]), употребленных во мн. ч. собственных имен, обладающих особой семантической наполненностью (в собирательном значении: *Лигейи* как именованье роковых женщин, любовниц [2, т. 3, с. 152]; в метонимическом значении: *Америки* как олицетворение всего удивительного, непознанного и нового [2, т. 2, с. 71]).

2. Один и тот же объект художественного мира может иметь разные формы именованья как в пределах одного произведения (и тогда речь идет о контекстуальных синонимах), так и в пределах разных несвязанных ни тематически, ни сюжетно, текстов (и тогда-некорректно использовать понятие синонимии, но можно говорить о вариантах). Иногда разнотекстовые варианты топонимов отсылают к объектам, которые не являются одинаковыми, но их, тем не менее, можно определенным образом отождествить.

Например, в пьесе «Отравленная туника» *Евнух*, размышляя о странном поведении *Трапезондского Царя* перед его самоубийством, говорит: «Повстречал / Я Трапезондского Царя, когда / Из этой залы выходил он в полдень. / И хоть еще я не касался пищи, / Взял за руку меня он и повел / Осматривать *собор Святой Софии*. / <...>» [2, т. 5, с. 237]. Собор Святой Софии – главный христианский храм Византии, возведение которого началось при жизни императора Юстиниана – в то время, к которому относится действие драмы. В другом произведении – очерках «Африканский дневник» – Н.С. Гумилев так описывает свои впечатления от посещения храма (в то время исполняющего роль мечети): «Я не турист. К чему мне после *Айя-Софии* гудящий базар с его шелковыми и бисерными искушениями, кокетливые перы, даже несравненные кипарисы кладбища Сулемания» [2, т. 6, с. 74]. Оба экклезиопоэтонима отсылают к одному храму, но в разные исторические периоды. Очевидно, что еще недостроенный монументальный собор, с которого сорвался *Трапезондский царь* – герой драмы «Отравленная туника», и храм-мечеть, который посетил Н.С. Гумилев в начале XX в., являются качественно разными объектами. Но тем не менее, в языке названия *Айя-София* и собор *Святой Софии* употребляются как синонимы (в языке, но не в художественном мире Н.С. Гумилева). Представляется, что в словаре поэтонимов подобные случаи необходимо зафиксировать через систему отсылок, но каждый вариант описывать в отдельной словарной статье. При этом ни один из вариантов не является основным, семантически они равноправны и, соответственно, будут различными содержанием и объемом энциклопедических справок.

3. Каждая онимная единица художественного произведения обозначает конкретный объект поэтического мира (референт). Задача поэтонимографа – не только вычленив из лексикона писателя собственные имена (подобная работа не представляет особых трудностей), но и определить, что именно *названо именем*, и главное – что *является именем*. Здесь мы вплотную подошли к проблеме о границах понятия 'поэтоним'.

Термин 'поэтоним' предложен В.М. Калинкиным в конце прошлого века. Ученый неоднократно писал о том, что под 'поэтонимом' он понимает *любое* собственное имя в литературном произведении [5], [6]. Термин прочно вошел в научный обиход литературной ономастики и в настоящее время используется гораздо чаще синонимичных терминов 'литературный оним' и 'литературный антропоним / топоним' [13]. Несмотря на это, в ряде исследований предпринимаются попытки каким-то образом ограничить объем термина 'поэтоним', сведя его к понятию об имени «в художественной литературе, имеющее в языке произведения, кроме номинативной, характеризующую, стилистическую и идеологическую функции» [8, с. 108], о 'ключевом слове' [3, с. 23–24]. В рамках этой статьи не будем подробно останавливаться на анализе причин появления неоднозначных трактовок упомянутого термина, отметим лишь, что мы придерживаемся точки зрения В.М. Калинкина. 'Поэтоним' в нашем представлении является собственным именем в художественном тексте. Однако, как было сказано выше, предмет поэтонимографии являются не собственные имена как таковые, а обозначаемые онимными единицами субъекты, объекты или явления художественного мира. В связи с этим допустимо предположение о том, что, как и в живой речи, в произведении словесного искусства собственное имя может прямо называть определенное лицо, местность или предмет (*Менелик, Юстиниан, Райдер Хаггард, Христос, Будда*), а может участвовать в его косвенной номинации (*внучка Менелика, дочь Юстиниана, романы Райдера Хаггарда, брат Христа, сон Христа и Будды*). Предполагаем, что косвенные случаи именования, а также перифрастические конструкции, должны быть описаны в словаре поэтонимов наравне с другими онимными единицами. Для иллюстрации корректности этого предположения рассмотрим некоторые случаи употребления Н.С. Гумилевым собственных имен *Кадм* и *Примавера*.

В драме «Актеон» имя легендарного строителя Фив функционирует в трех ремарках («Входят *Кадм* и *Эхион*» [2, т. 5, с. 33]. «<Эхион> (поет тотчас вслед за *Кадмом*)» [2, т. 5, с. 36], «*Кадм, Эхион* и *Агава* с трудом выносят камень» [2, т. 5, с. 42]), но в репликах персонажей употреблено только в косвенной номинации *Актеона*:

Хиале

Я изнемогаю, / От стыда горя ... / Кто это?

Ранис

Его я знаю. / *Кадма* сын, царя [2, т. 5, с. 48].

Нимфа *Ранис* узнает *Актеона* только потому, что он – родственник трудолюбивого строителя Фив *Кадма*. Сам же *Актеон*, уверовавший в свою избранность, считает себя духовно выше отца, отказывается от родственной связи с ним, полагая, что настоящим его отцом является сам *Зевес*: «<...> Отец мой не смертный... Мать, / Наверно, любил *Зевес*, / И сыну решил он дать / Женой усладу небес. / <...>» [2, т. 5, с. 47]. Однако так не считает богиня *Диана*, для которой *Актеон* – все лишь смертный, и один из худших смертных, потому что он возгордился и осмелился приблизиться к богине. На реплику *Ранис Диана* восклицает: «Нет, ты

ошиблась, Ранис, то *не сын* благородного *Кадма*» [2, т. 5, с. 48]. Превращение *Актеона* в оленя – следствие его чрезмерной гордыни и отказа от своего рода, а значит – и от данного родом имени. В интерпретации Н.С. Гумилева на первый план драмы выходит вопрос о родовой преемственности, которую *Актеон* отверг. Перифрастическая номинация *сын Кадма* подчеркивает эту ключевую идею произведения.

Антропоним *Примавера* употреблен 20 раз в новеллах «Радости земной любви». Собственное имя отсылает к героине цикла – возлюбленной *Кавальканти*: «В то время вся Флоренция говорила о заезжем венецианском синьоре и о его скорее влюбленном, чем почтительном, преклонении перед красотой *Примаверы*» [2, т. 6, с. 25]. В приведенном контексте, как и в остальных девятнадцати, собственное имя употреблено в прямой номинации героини. Заключительная (третья) новелла цикла повествует о внезапной смерти *Кавальканти* и его встрече с *Ангелом*, который, зная о том, что поэт тоскует от разлуки с возлюбленной, предлагает отвести его в ту часть рая, где обитает *Беатриче*: «И Кавальканти ответил: “Как мне благодарить тебя, о светоносный! Ты знаешь, чем усладить страдающее сердце. Веди меня к прекрасной *Беатриче* и дай мне смелости хоть изредка взглядывать на ее сверкающие одежды. Ведь она была *подругой Примаверы*”» [2, т. 6, с. 28]. Здесь употреблена косвенная номинация: через собственное имя *Примавера* названо другое лицо – *Беатриче*. Выбор Н.С. Гумилевым такой формы перифрастического именованья неслучаен: реальная историческая дружба двух итальянских поэтов – Данте и Кавальканти – служит для метафорического представления о дружбе их возлюбленных – *Беатриче* и *Примаверы*. Следует отметить, что в языке Н.С. Гумилева частотны перифрастические конструкции, в которых имя духовно возвышенного лица – языческого бога, Христа, Магомета, используется в косвенной номинации другого персонажа для того, чтобы подчеркнуть высокую значимость последнего: *брат Аполлона – Ганнон* (рассказ «Лесной дьявол»), *брат Христов – Иоанн* (трагедия «Гондла»), *потомок Магомета – калиф* (драма «Дитя Аллаха»). Перифрастическое именованье *Беатриче* как *подруги Примаверы* возвышает образ возлюбленной *Кавальканти*: герой согласен увидеть *Беатриче* – олицетворение женской красоты и небесной любви – только потому, что она напоминает ему о прекрасной *Примавере*.

Полагаем, что онимные перифразы являются цельными по смыслу единицами, которым в словаре поэтонимов должны быть посвящены отдельные статьи. Такие номинации как *Беатриче – подруга Примаверы*, *Актеон – сын Кадма* мы рассматриваем как варианты. В статьях *Примавера – подруга Примаверы* и *Кадм – сын Кадма*, вероятно, следует поместить соответствующие отсылки, но описывать перифразу *сын Кадма* в статье к поэтониму *Кадм* нам кажется неправильным.

Отдельно необходимо рассмотреть вопрос описания собственных имен, обозначающих литературное произведение по имени его автора. Представляется, что метонимический перенос является частным случаем трансонимизации, то есть перехода собственного имени из одного разряда в другой. Поскольку разряд поэтонима понимается нами как классификатор его денотативного значения, а отнесение собственного имени к тому или иному разряду проводится в соответствии с характером его референта, полагаем, что имя *Сократ* в стихотворении Н.С. Гумилева «Что я прочел? Вам скучно, Лери» должно быть классифицировано как библиопоэтоним: «Что я прочел? Вам скучно, Лери, / И под столом лежит *Сократ*, / Томитесь Вы по древней вере? / - Какой отличный маскарад!» [2, т. 3, с. 107]. Мы не можем с уверенностью сказать, о каком литературном сочинении идет речь в стихотворении: как известно, сам Сократ ничего не писал, его речи воссозданы в диалогах Платона. Вероятно, «под

столом» лирического субъекта (*Лери*) лежит книга «сократических» диалогов или какой-то посвященный Сократу научный труд, либо воспоминания Ксенофонта, но очевидно, что речь идет о книге, а не о самом древнегреческом философе. Кроме того, энциклопедическая справка, обозначающая референт, к которому отсылает имя *Сократ* в приведенном контексте, содержательно должна быть совершенно иной, чем аналогичная справка в статье, посвященной жизни и философии Сократа.

В стихотворении «Старые усадьбы» встречаются два собственных имени, называющие произведения искусства по имени автора или по имени изображенного лица: «И не расстаться с амулетами, / Фортуна катит колесо, / На полке, рядом с пистолетами, / Барон Брамбеус и Руссо» [2, т. 2, с. 166]. Под *Бароном Брамбеусом*, скорее всего, следует понимать одно из сочинений Осипа-Юлиана Сенковского (например, «Отрывки из путешествий по Египту, Нубии и Верхней Эфиопии», «Воспоминания о Нубии и Сирии»), с которым, вполне вероятно, был знаком Н.С. Гумилев. Точный референт собственного имени *Руссо* неизвестен: это либо книга французского философа, либо скульптура с его изображением, но во всяком случае понятно, что это произведение искусства, *предмет*, а не человек, то есть идеопозтоним, а не анропозтоним.

Случаи трансонимизации, осуществленной благодаря метонимическому переносу, необходимо отграничивать от случаев прямого употребления собственного имени, где оно выступает как антропозтоним. Пример такого употребления находим в стихотворении «Роза»: «Но роза, принесенная в отель, / Забытая нарочно в час прощанья / На томике старинного издания / Канцон, которые слагал Рюдель» [2, т. 3, с. 138]. Имя *Рюдель* в приведенном контексте обозначает автора произведений и является антропозтонимом.

Полагаем, что в качестве заголовка словарной статьи в основной части словаря поэтонимов могут выступать собственные имена (в единственном или множественном числе) и онимные перифразы как цельные номинации объектов художественного мира. По этой причине мы предпочитаем использовать понятие заголовка статьи вместо более привычного понятия “заголовочного слова”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Григорьев В.П., Колодяжная Л.И., Шестакова Л.Л. Собственное имя в русской поэзии XX века: Словарь личных имен. – М.: «Азбуковник». 2005. – 448 с. URL: <http://www.philol.msu.ru/~humlang/slovar.si.2003/index.html> (дата обращения: 27.05.2017).
2. Гумилев Н.С. Полное собрание сочинений в десяти томах. – М.: Воскресенье, 1998–2001. – 4 т.
3. Елистратова К.А. Ономастикон поэтического дискурса Веры Полозковой: лингвосомиотический аспект : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01. – Череповец, 2015. – 169 с.; Прил. (92 с.: ил.).
4. Елистратов В.С. Словарь языка Василия Шукшина: Около 1500 слов, 700 фразеологических единиц. М.: «Азбуковник», «Русские словари». 2001. – 432 с.
5. Калинин В.М. Литературная ономастика, или Поэтика онама: Методические указания к спецкурсу. – Донецк, 2002. – 39 с.
6. Калинин В.М. Поэтонимология: из заметок о метаязыке науки // *Λογος ὀνομαστικῆς*, 2008. – № 2. – С. 96–101.
7. Калинин В.М. От первоначал к аксиомам поэтонимологии // Проблемы общей и региональной ономастики: Материалы X Международной научной конференции. – Майкоп: редакционно-издательский отдел АГУ, 2016. – С. 106–110.
8. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Наука, 1988. – 192 с.
9. Поляков А.Е. Словарь языка А.С. Грибоедова. URL: <http://feb-web.ru/feb/concord/abc/> (дата обращения: 27.05.2017).

10. Поэт и слово: Опыт словаря / Под ред. В.П. Григорьева. – М.: Наука, 1973. – 456 с.
11. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. – М.: Наука, 1973. – 367 с. – С. 147.
12. Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: диссертация на соискание уч. степени д. филол. наук в форме науч. докл.: 10.02.01. – Волгоград, 2000. – 76 с.
13. Фоянкова О.И. Имя собственное в художественном тексте. – Л.: ЛГУ, 1990. – 103 [1] с.

Поступила в редакцию 27.05.2017 г.

TITLE OF DICTIONARY ITEM AS POETONYMOGRAPHY PROBLEM (A CASE STUDY OF LITERARY WORKS BY NIKOLAY GUMILEV)

K.S. Fedotova

The paper addresses the choice of headword in the dictionary of poetonyms or dictionary of proper names, which are used in the writer's individual style. Basic principles of poetonymography have been described. The need for discrimination of such notions as 'proper name' and 'poetic nomination' has been pointed out, with possible solutions concerning this discrimination being suggested.

Key words: poetonymography, poetonym, headword, dictionary entry.

Федотова Ксения Сергеевна.

Аспирантка кафедры общего языкознания и истории языка им. Е.С. Отина.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

E-mail: ks-weiss@mail.ru

Fedotova Kseniia Sergeyevna.

Post-graduate student at General Linguistics and Language History Department named after Y.S. Otin.

Donetsk National University.

E-mail: ks-weiss@mail.ru

УДК 81-25

**«ДОБРЫЕ ДЕЛА НЕ ИСЧЕЗАЮТ»: СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ
ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК ДОНБАССА
С КОНЦЕПТАМИ “ТРУД”, “ДЕЛО” И “БЕЗДЕЛЬЕ”**

© 2017. *В.С. Хитеева*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье речь идет о семантическом проявлении концептов “труд”, “дело” и “безделье” в тематическом контексте пословиц и поговорок Донбасса, записанных за четверть века на территории Донецкой и Луганской областей фольклористом П.Т. Тимофеевым.

Ключевые слова: пословицы и поговорки, фольклор Донбасса, П.Т. Тимофеев, концептосфера, концепт труд, дело и безделье, формульность, структура, малые формы фольклора, процесс метафоризации, лингвокультурный анализ.

В пословицах и поговорках выражается народная мудрость, которая не только аккумулирует в себе специфические национальные черты, направлена на то, чтобы помочь человеку в конкретной жизненной ситуации: настроить быт, дать ценностные ориентиры и представления о нормах поведения, выразить его идеалы и предпочтения (В.И. Даль, В.В. Виноградов, И.Р. Гальперин, Ю.А. Гвоздарев, В.И. Карасик, А.Е. Кибрик, Е.А. Ляцкий, В.М. Мокиенко, А.А. Потеня, О.Б. Христофорова). В свое время Ф.И. Буслаев определял пословицы как «художественные произведения родного слова, выражающие быт народа, его здравый смысл и нравственные интересы» [4, с. 4].

В настоящей статье рассматривается структура и тематическое разнообразие пословиц и поговорок Донбасса через призму приемов когнитивной лингвистики.

Исследователь И.А. Стернин настаивал на том, что поговорки понимаются как отражение того или иного когнитивного признака, а «паремиологическая зона представляет собой структурный компонент концептуального поля» [10]. Таким образом, в рамках производимого лингвокультурного анализа, беря во внимание организационную структуру полей, образованных такими концептами, как «труд», «дело», «безделье», отмечается существование между ними зон семантических пересечений и взаимовлияний на лексико-семантическом уровне.

Используя методику анализа сегментов семантических и концептуальных полей, которая позволяет подвергать сопоставительному анализу разнородный языковой материал, становится возможным говорить о специфике языкового сознания жителей Донбасского региона.

Нам близко представление о **концепте** как о содержательной стороне знака, сути понятия, выражаемого как словом, так и всей потенцией его окружения, одновременно мыслительной модели и категории лингвального видения мира [Brumfit 1994; Ли В.С. 1994]. По В.В. Колесову это смысл, не обретший форму, основная единица ментальности [Колесов В.В. 1999].

В качестве **материала для исследования** были рассмотрены поговорки и пословицы с концептами “труд”, “дело” и “безделье”, собранные на территории Донбасса в период с 70-х годов XX века до начала XXI столетия. Фразеологических единиц, удовлетворяющих условию отбора, в книге содержится более трети от общей массы опубликованных пословиц и поговорок. Все они характеризуются наличием

положительного примера труда и занятости в деле, дают представление о бесполезном и безрадостном положении человека, не обремененного делом. Используемые в таких пословицах и поговорках базовые концепты являются центральными в общей структуре традиционного знания и языковой картине мира, реализуемой примерами словотворчества жителей того или иного региона.

Предметом исследования стала структура малых форм фольклора, пословиц и поговорок, бытующих на территории Донбасса, и генерируемое ими семантическое поле, в котором наиболее ярко отражается семантический потенциал лексических единиц в аспекте рассмотрения таких концептов как “труд”, “дело” и “безделье”. Все эти особенности выявлены путем анализа фразеологически устойчивой номинации по тематике занятости или ее отсутствия.

Общая **гипотеза** исследования состоит в том, что семантическое поле пословиц и поговорок с концептами “труд”, “дело” и “безделье” – это целостное системное образование, входящее в состав концептосферы культуры русского Донбасса.

Основная **цель исследования** заключается в практическом представлении и теоретическом обосновании содержания и структуры семантического поля пословиц и поговорок с концептами “труд”, “дело” и “безделье”, которые качественно определяют языковую личность. В рамках исследования произведен комплексный лингвокультурологический анализ и систематизация пословиц и поговорок Донбасса.

Для достижения поставленной цели были решены следующие **задачи**:

- определены лингвистический статус и тематическое разнообразие пословиц и поговорок Донбасса с концептом *труд*;
- сгруппированы и показаны точки соприкосновения между тематическими подгруппами присловий;
- выявлены структурно-грамматические особенности пословиц и поговорок, распространенных на территории Донбасса в к. XX века;
- проанализирована картина распределения материала среди основных для носителей региональной культуры концептов “труд”, “дело” и “безделье” (доминант) и возможности образования ими своего общего семантического поля.

Пословицы и поговорки – это изречения назидательного характера житейской направленности; квинтэссенция концептуального смысла и выражение минимального формального окружения концепта.

Следует отметить, что малые фольклорные жанры, как пословицы и поговорки, чаще всего определяются через свои формально выраженные характеристики. Это узнаваемая структура, как, например, утверждение начинается с предлога, союза или отрицательной частицы *не* с указанием на обстоятельства, место и время ситуации – приемы актуализации значений конструкции в целом – односоставной (как поговорка) или двусоставной (пословица) формулы. 1671. *В шахте ребята не играют в прятки.* 1677. *От громких «ура» уголь не пойдет на-гора.* 1685. *Чтоб шахтером называться, мало в саже замараться.* 1457. *Не от росы урожай, а от поту.* В структурном отношении пословица представляет образ человека (лица) через образ действия, реализуемого в определенных обстоятельствах. Это публичное общепринятое и понятное суждение, настолько очевидно (конкретно, достоверно), что не требует дополнительной аргументации.

Структура пословиц и поговорок поддерживается соотносимым употреблением глагольных форм в значении постоянного и вневременного – прошедшее и настоящее время в сочетании/или со значением будущего 1592. *Сказал красно – по губам пошло; а смолчится, себе пригодится,* 1675. *Понадеялся на авось – дело в шахте сорвалось,*

настоящее с потенциальным будущим в форме настоящего 1612. *Доит шибко, да молоко жидко*, используются различные безличные формы, будущее в значении постоянного настоящего 1586. *Хозяин где ни ступит, дело найдет*, 1684. *Красуйся не улыбкой сладкой, а трудовой хваткой*, а также отсутствие временной маркированности 1634. *На острую косу – много покосу*. 1599. *Языком – туда-сюда, а делами – никуда*.

Императивная категоричность и формульность ремантической доминанты «трудиться – не лениться» – означает жить хорошо, красиво, благородно, одобряемо, похвально, удаль молодецкую и геройскую, значит здоровье, наличие ума и успешности в жизни, присоединяют к себе значения и других ценностей, включенными в орбиту семантического поля дом родной, Отечество, деньги, семья, толк, хорошее, свое. Иначе говоря, следуя своей концептуальной направленности, тексты обрастают бесконечной паутиной связей и отношений друг с другом в пределах разграниченных групп и подгрупп.

Семантическое поле пословиц и поговорок состоит из нескольких долей, располагающихся по группам ассоциаций, а также системообразующих – с центром (ядром) и периферией, что, в свою очередь, определяет близость или удаленность ассоциаций от значения исходного слова – ключевого концепта.

Среди формульных двухчастных пословиц много дублетов и вариантов. Например, 1642. *Каков Савва, такова ему и слава* и 1582. *Каков Дёма, таково у него и дома*; или 1599. *Языком – туда-сюда, а делами – никуда*, 1600. *Лучше молвить одно слово, чем девять*, 1601. *На словах, что на гусях, а на деле, что на балалайке*, 1602. *Язык, как лопата, да голова пустовата*, 1603. *Пустая мельница и без ветра мелет*. Характерными чертами пословицы становятся: противопоставление или антитеза (принципиальная биполярность, которая дает представление о правильном порядке вещей и нарушении баланса), качественное сравнение, использование имен собственных, синтетическая разворачиваемость и последовательность, строгая грамматическая и синтаксическая фиксированность структуры в целом.

Городской фольклор Донбасса и фольклор рабочих Донбасса имеет особое происхождение. В свою очередь шахтерские пословицы и поговорки могут ориентироваться как на образцы традиционного фольклора, так и коллективно-массового творчества, но использоваться исключительно в закрытом кругу профессионального сообщества.

По происхождению записанные тексты малых форм рабочего фольклора Донбасса – ярчайшие примеры гибридизации и межжанровой диффузии – замещение традиционной образности популярными формулами лозунгов, авторской лирической песни и патриотического гимна, частушки и проч. Все вместе это приводит к удлинению строфики, появлению среди персонажей известных действующих лиц – к трансформации и распаду жанра. Например, *век стоит Донбасс не шатается и века простоит не шелохнется* (былинная формула) и *Весь мир Донбасс, а люди в нем шахтёры* (лит.).

Трудовой подвиг в шахте по свидетельству донбасских пословиц и поговорок сродни подвигу на фронте при защите и прославлении Родины: *Шахтерский забой – фронт передовой*, 1672. *Работай в лаве как в бою – прославишь Родину свою*, по степени тяжести условий труда – даже с адом: отправление на смену как на верную смерть: *Шахтёр в землю спускается, с белым светом прощается*.

Данные пословицы появились при реализации *метафорического концепта* [8]. В первом случае языковая метафорическая модель «*работа – война*» выстраивается в двухчастной пословичной конструкции по типу сравнения, а также может

реализовываться в повелительном наклонении, во втором – «*труд – смерть*» – используется квалификативный тип предложения условия с отношением «*если – то*». Такая *структурная* (или *ориентационная*) метафора выстраивает важные жизненные представления в отношении «физической и социальной основы общества», ориентирует получателя информации в ценностной шкале культуры «верх – низ» – «*Быть добродетельным – значит действовать в соответствии с нормами, установленными обществом/личностью для поддержания его благополучия. Добродетель интерпретируется как верх, так как добродетельное поведение, с точки зрения общества/личности, соответствует социальному благоденствию. Поскольку социально мотивированные метафоры являются частью культуры, важна именно точка зрения общества/личности*» [8: 41]. Весь перечень возможных способов метафоризации является своеобразной инфраструктурой трактовки «донецких смыслов».

Все тексты присловий, представленных в сборнике П.Т. Тимофеева [11], сохраняя сквозную нумерацию, подразделяются на тематические блоки, отражающие семантику в таких оппозициях как: «ум» – «неум», «дело» – «безделье», «честь» – «бесчестье», «добро» – «зло», «свой» – «чужой», «дом» – «чужбина». Пословицы и поговорки о трудовой деятельности и занятости человека делом семантически связаны с каждым из разделов, но имеют и свое внутривидовое деление, представленное следующими подгруппами:

- Труд кормит (1454. *Трудовая копейка до веку живёт*)
- Ум прежде всего (1473. *Где ум – там и толк*)
- Дело – умение (1490. *Знать и уметь не одно и то же*)
- В правде – сила (1497. *Что в другом не любишь, того и сам не делай*)
- Добрые дела красят (1503. *Человек богат не рублями, а хорошими делами; 1504. Худо тому, кто добра не делает никому*)
- Лень – зло (1559. *Спать долго – жить с долгом; 1562. Бездельнику всегда тяжело*)
- Хороший хозяин – трудолюбивый хозяин (1586. *Хозяин где ни ступит, дело найдёт*)
- Слово не равно делу (1595. *Длинный язык – нерабочие руки*)
- Красота человека в его поступках (1583. *Гнилой сарай новой крышей не удержишь*)
- Благополучие в семье – труд (1668. *У орла и дети орлята*)

В связи с чем реализуются следующие семантические потенции высказываний:

- Качественная характеристика человека по его отношению к труду;
- Состояние человека в процессе трудовой деятельности или после ее окончания;
- Процесс и результаты труда (или безделья);
- Интенсивность труда, его продолжительность, степень затрачиваемых усилий;
- Отсутствие полезной деятельности или деятельности вообще, деятельность не совместимая с трудом, противоречащая ему;
- Проявление личных качеств и зарождение межличностных отношений в процессе труда или отказа от него.

Семантическая модель паремиологических конструкций вмещает в себя два полюса – положительный и отрицательный, один из которых придается

разворачиваемым в текстах обстоятельствам либо последствиям выбора, второй – подразумевается, и наоборот.

Можно выделить следующих два способа объективации ключевых концептов: когнитивная метафоризация (КМ) в случае с поговорками и квалификативные конструкции (КК) в случае с пословицами.

Итак, имеем следующие доли в семантическом поле пословиц о труде:

- ✓ поощряемые моральные и этические качества, образ добродетели: По крыльям - полёт, по делам – почёт. 1684. *Красуйся не улыбкой сладкой, а трудовой хваткой.* – КК.
- ✓ положительный образ человека труда и умельца, особое значение результатов труда: 1454. *Трудовая копейка до веку живет.* 1456. *По гладкой дороге и хромому идти нетрудно.* 1497. *Что в другом не любишь, того и сам не делай.* – КМ.
- ✓ образ хорошего хозяина: 1460. *Откладывай безделье, но не откладывай дело.* 1503. *Человек богат не рублями, а хорошими делами.* 1507. *Добрые дела не исчезают.* 1586. *Хозяин где ни ступит, дело найдет.* – КК.
- ✓ трудолюбие как гарантия ума: 1464. *Ум и труд славу создают;* 1465. *Ум впереди дела.* 1470. *Молод телом, да старик делом.* – КМ.
- ✓ признак хорошего качества жизни: 1457. *Не от росы урожай, а от поту.* 1620. *Какой у тебя разум, такая у тебя жизнь.* – КК.
- ✓ удачи и успешности: 1675. *Понадеялся на авось – дело в шахте сорвалось.* 1562. *Бездельнику всегда тяжело.* 1486. *Одна мучка, да не одни ручки.* 1637. *Мыло серо, да моет бело.* – КМ.

Как можем заметить, виды трудовой деятельности не дифференцированы строго. Однако базовые семантические оппозиции в языковом сознании населения Донбасса «труд» – «лень», «похвала-норма-осуждение» сохраняются.

То, что народ хочет высмеять, предать осуждению и позору, как в нашем случае – лень и безделье, то осудит и языковой формулой по принципу контраста. Положительный пример в речи утверждается через осуждение, насмешку, издевку над противоположным проявлением данных качеств и свойств [3, 115–121]. 1504. *Худо тому, кто добра не делает никому.* Потребность в труде, занятости в деле – это не утилитарная потребность сообщества, это его нравственная ценность.

Таким образом, концепт находится между двух галактик: богатыми возможностями, возникающими на основе «заместительной функции», и ограничениями, предусмотренными случаями конкретного словоупотребления или контекстного подразумевания. Эти самые потенции, как воспроизводящей стороны, так и воспринимающей, уже содержатся в современном состоянии языка. Д.С. Лихачев предлагает для обозначения этого континуума термин концептосфера.

Однако В.И. Даль при анализе глубинных пословичных структур указывает на наличие зафиксированных в содержании ценностных смещений и измерений, которые заставляют очертить рамки употребления словесных формул, тем самым предотвратив неоднозначность, эмоционально стилистическую перегруженность, допустив варьирование лишь в пределах вариантной замены некоторых лексических единиц прямыми синонимами – тем самым обеспечив социолингвистически релевантные принципы маркированности пословиц [6, 135].

Пословицы и поговорки, являясь неотъемлемыми жанрами устного народного творчества, передают свою творческую потенцию формульности речи, разговорного языка, тем самым обогащая и выражая местный колорит говоров и диалектов,

используя различные модели метафоризации. Являясь емким искрометным выражением передают особенности ценностных понятий и принципов устройства быта народа, населяющего ту или иную территорию, его мировоззрение и ментальность, тем самым подтверждая лингвальную реальность бытия.

Предложенная методика описания семантической структуры паремий населения конкретного региона с использованием принципов лингвокультурного подхода представляется перспективной для последующего использования.

Исследование выполняется за счет средств гранта фонда "Русский мир" Гр/П-286-16.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балашова Е.Ю. Роль телеономных концептуальных полей в организации религиозного дискурса, диссертация д.филол.н., специальность 10.02.19 – Теория языка, Саратов, 2015, – 633 с.
2. Борщева О.В. Концептуальное поле «труд» сквозь призму идиоматики, диссерт. Канд. Филоло. н. код специальности ВАК 10.02.19, Саратов, 2012. – 317с.
3. Брысина Е.В. Лингвокультурное пространство казачьего Подонья: монография / Е.В. Брысина, В.И. Супрун, Е.И. Алешенко. – Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2016. – 358с.
4. Буслаев Ф.И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства – Т. 1. – СПб., 1861.
5. Горбатов Б.Л. Непокоренные; Алексей Куликов, боец; Письма к товарищу : Повесть, публицистика / Борис Горбатов. – Донецк : Донбасс, 1979. – 207с. – С. 58.
6. Даль Д.И. Пословицы русского народа : Сборник В. Даля. В 2-х т. / [Худож. Г. Клодт]. – М.: Худож. лит., 1984. Т. 1. – М.: Худож. лит., 1984. – 383 с.; Т. 2 / [Послесл. В. Аникина]. – М.: Худож. лит., 1984. – 399 с.
7. Добрые дела не исчезают : Фольклор. сб. / Петр Тимофеев ; [Худож. В. Юдин] – М. Молодая гвардия 1987 – 144с.
8. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256с.
9. Песни и сказы Донбасса [Текст] : Сборник А. В. Ионова / Предисл. и ред. д-ра филол. наук В. М. Сидельникова. – Сталино : Кн. изд-во, 1960. – 345 с.
10. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. — М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. — 314 с.
11. Протекших дней очарованье... Сказки, песни, частушки, присловья Донбасса, записанные Петром Тимофеевым / [сост., авт. вступ. ст., подгот. текстов, слов. П.Т. Тимофеева]. – Донецк: Донбасс, 2008. – 220 с.
12. Савенкова Л.Б. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты. Ростов-на-Дону, Изд-во Ростовского университета, 2002. – 239 с.

Поступила в редакцию 15.06.2017 г.

"GOOD BUSINESS DOES NOT DISAPPEAR": THE SEMANTIC FIELD OF THE PROVERBS AND SAYINGS OF THE DONBASS WITH CONCEPTS OF *WORKS*, *BUSINESS* AND *IDLENESS*

V.S. Khiteeva

The article deals with the semantic manifestation of the concepts *work*, *business* and *idleness* in the thematic context of proverbs and sayings of Donbass recorded for a quarter of a century in the territory of Donetsk and Lugansk regions by the folklorist P.T. Timopheev.

Keywords: proverbs and sayings, folklore of Donbass, Peter T. Timopheev, conceptosphere, concept of work, business and idleness, formality, structure, small forms of folklore, metaphorization process, lingvocultural analysis.

Хитеева Виктория Сергеевна.

Преподаватель кафедры русского языка.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
E-mail: hiteeva.v@gmail.com

Khiteeva Viktoria Sergeevna.

Teacher of the Department of Russian Language.
Donetsk National University.
E-mail: hiteeva.v@gmail.com

УДК 801:81

СИТУАЦИИ ПОГРАНИЧЬЯ ПРИМЕТ, СУЕВЕРИЙ, ПОВЕРИЙ В ДЕМОНОЛОГИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ МЕЖДУНАРОДНЫХ ФОЛЬКЛОРНО--ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ НА ВЕРХНИЙ ДОН)

© 2017. *О.А. Шепелева*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

В статье рассматриваются случаи пограничья примет, суеверий, поверий Верхнего Дона в контексте народных представлений о демонологических персонажах и быличек. Наличие пограничных ситуаций связано с особенностями функционирования текстов: в процессе актуализации тексты приобретают специфическую прагмасемантику, модальность, форму выражения, которые соответствуют речевым стратегиям говорящего.

Ключевые слова: примета, суеверие, поверье, Верхний Дон, демонология, ситуация пограничья.

Вариативность является одним из основных свойств фольклорного произведения (Аникин В.П., Путилов Б.Н., Чистов К.В., Мелетинский Е.М., Никитина С.Е. и др.). Путилов Б.Н. указывал на различное проявление вариативности в текстах разных жанров [Путилов-1994]. Чистов К.В. характеризует вариативность как естественный способ существования традиции, допускающий вибрацию словесной ткани текста, то есть определённый диапазон колебаний [Чистов-2005].

Рассматривая тексты суеверий, примет, поверий, записанные на Верхнем Дону в период с 2001 по 2014 гг., мы обратили внимание на то, что вариативность связана здесь с функциональным контекстом, прагмасемантикой (прогноза, предписания, запрета, толкования и др.), модальностью (прогнозирующая, предписывающая, констатирующая и др.), жанровым пограничьем. Привлекая к анализу большой текстовый массив, мы нередко встречаем записи, которые вызывают сомнение при жанровой идентификации.

Наиболее распространенным является исследование пограничья в ареологии (границы культур). Исследование территориального культурного пограничья, границы культур и их пересечения, не совпадающие с административно-территориальным делением (пограничье в смысле «порубежье»), содержат работы Агапкиной Т.А., Беловой О.В., Антроповой Н.П., Володиной Т.В. и др.

Пограничье рассматривается на уровне текста:

- *пограничное состояние* (речь идет о субъекте, который находится в состоянии перехода онтологического характера: невеста перед свадьбой, 40 дней после смерти для души покойного);

- *пограничная ситуация* (экзистенциальная ситуация встречи человека с демоном) как основа былички [Богданов-2001];

- *пограничное пространство* (сакральное пространство, посредством которого возможен «переход» или «взаимодействие» одного мира с другим: колодец, окно, печь, порог и пр.);

- *пограничье функций*¹ (персонажей: домовая является во сне (ср.: покойник), ведьма мешает свадьбе (ср.: свадебный колдун) и др.; атрибутов).

¹ См.: работы представителей Московской этнолингвистической школы о пограничном пространстве и пограничье функций.

Иной вид пограничья – это пограничье текстов (границы текстов, пересечение текстов, соединение нескольких текстов в одном, иерархия текстов) / жанров [Корепова-2011]. Ситуации пограничья текстов мы видим в таких случаях: сновидческая примета в сновидческом рассказе, примета, суеверие, поверье в быличке и пр.

Жанровое пограничье занимается исследованием момента перехода одного жанра в другой. Толстая С.М. о кросс-жанровых элементах пишет: «То, что в одной локальной традиции закреплено в тексте песни, в другой может бытовать как быличка, в третьей – как обряд, в четвертой – как поверье, в пятой – как запрет или примета» [Толстая-2015, с. 12].

Прежде чем мы перейдём к рассмотрению случаев пограничья примет, суеверий, поверий, кратко дадим определение этим понятиям.

Указанные тексты рассматриваются исследователями как «*малые*» *формы* – группа текстов особой функциональной направленности и типа клишированности, «это прежде всего разного рода суеверные и метеорологические приметы, хозяйственные и бытовые рекомендации, «правила», запреты, мотивировки действий и обычаев, снотолкования, поверья и другого рода сходные тексты поучительно-прогностической ориентации» [Виноградова-1987, с. 278]; их функционирование связано не с исполнением в обычном смысле, но с реализацией в процессе речевых контактов [Путилов-1994]; *фольклор речевых ситуаций* [Чистов-2005]. Садова Т.С. подчеркивает *межжанровое состояние примет, открытость фольклорного жанра*, которая проявляется в перетекание одного и того же смысла из одной формы в другую [Садова-2004].

В процессе работы мы не ограничивались пониманием приметы как устойчивого фольклорного текста, имеющего двухчастную структуру и выражающего взаимосвязь явлений / объектов. Это узкое толкование понятия *примета* как фольклорного жанра, который, используя указанную логическую форму, иллюстрирует безучастное наблюдение, закономерность и имеет тематические ограничения. Такой подход к примете распространён в лингвистических исследованиях, примета рассматривается как устойчивое паремическое высказывание [Павлова-1984, Пермяков-1988, Харченко 1992, Никитина, Иванова-2008]. Исследование приметы в фольклористике предполагает обращение к контексту реализации приметы, особенностям её функционирования.

Вместе с распространённым толкованием мы используем общее определение приметы как признака. Так, реализация обрядового действия, сопутствующие обряду факторы, могут быть объектом толкования в примете: свечи потухли, кони на дыбы встали и пр. Посредством суеверий, поверий реализуются народные представления о мире. При широком толковании можно интерпретировать вышеуказанные тексты как приметы, так как они содержат в себе закономерность, устоявшуюся в фольклорной традиции причинно-следственную связь, которая выражается посредством логико-семантической формы приметы («это – к тому», «если..., то»).

Также отметим, что для приметы характерны прогнозирование и констатация, апробация, форма выражения. Тематически следует разграничивать природные, метеорологические, сельскохозяйственные приметы и связанные с демонологией поверья.

Суеверие (запрет, предписание как разновидность суеверия) – текст, ориентированный на выполнение рекомендации / правила, регламентирующий жизнь. Часто суеверие содержит инфинитив, что предполагает субъекта действия («кто-то

сделает что-то»). Этим «кто-то» может быть только потенциальный субъект (то есть носитель традиционного знания, он же может быть говорящим или адресатом). Если в суеверии есть обращённость к адресату, которая заключается в необходимости совершения действия / бездействия (модальность суеверия), то в примете / поверье нет адресата, но есть объект наблюдения (например, животное) / демонологический персонаж, который всегда назван.

Используя в работе понятия *поверье* и *быличка*, мы принимаем толкование Левкиевской Е.Е.² Оно заключается в следующем: быличка содержит личный опыт столкновения с мифологическим персонажем, это сказывается на её поэтике (эмоциональности); поверье представляет собой обобщенные коллективные знания о мифологическом явлении, имеет вид дефиниции в памяти носителей традиционного знания. Так, поверье по специфике схвачивания ключевых свойств, форме выражения и объёму оказывается близким примете, быличка же представляет собой нарратив, конкретное повествование, которое может включать в себя приметы, суеверия, поверья.

Записи о демонологических персонажах (былички, свадеба и погребально-поминальный обрядовый комплекс, сновидения о покойнике, ритуализированные формы, связанные с демонологическим персонажем) дают возможность рассмотреть тексты суеверий, примет, поверий с точки зрения пограничья. Жанровое пограничье рассматриваем на материале самодостаточного фрагмента тематической беседы (текста), в котором определение жанровой принадлежности, границ текста не однозначно.

Так, мы видим, что в основе приметы – признак / взаимосвязь, в поверье – качество / характерная черта того или иного демонологического персонажа, в суеверии – мотивация / предостережение.

На материале записей о демонологических персонажах (домовой, ведьма, колдун, покойник) рассмотрим пограничье примет, суеверий, поверий в двух аспектах: 1) варианты жанровой интерпретации одной записи (диффузия жанров, пограничье); 2) жанровые разновидности реализации одного комплекса представлений.

I. Работая с записями, мы встречали тексты, которые в равной мере можно рассматривать как поверье / суеверие, поверье / примету.

1). Пограничье приметы и поверья.

На верхнем Дону былички активно бытуют в современных условиях, особенно на территории Похопёрья. В поверьях, обособленных и обобщенных потенциальных составляющих былички, отражены представления людей о демонологических персонажах, их свойствах и поведении. Такие тексты представляют собой факт, характеристику, они не вызывают затруднений в понимании.

Иная ситуация, когда отдельная характеристика начинает расширяться:

1) *ана <ведьма> гаварить: «Я ни магу... Если я ни сделаю. На ветир пуцу. Чё-нибудь накалдую, а то у миня всё балить, я ни магу прям, долга»* (Ильичева З.Т. Х. Белогорский. 2010. – Тимофеев. МЭ);

2) *а какийе знали фсякийе нихарошийе там стихи, животных губили, людей, ани трудна умирали* (Бочкова А.И. Х. Поповский. 2011. – Тимофеев. МЭ).

Мы видим, как одной свойство ведьмы (1 – необходимость вредить людям и животным, 2 – знание стихов, то есть связь с нечистой силой) обуславливается другим свойством (1 – болезненность, плохое состояние, если она не вредит людям или

² Е.Е. Левкиевская. Прагматика мифологического текста // Славянский и балканский фольклор. Семантика и прагматика текста. [Вып. 10]. – М.: Индрик, 2006. – С.150-213.

животным, 2 – трудная смерть). Налицо использование причинно-следственной структуры приметы для описания образа ведьмы посредством взаимосвязи качеств персонажа. Так, две характерные черты ведьмы, два поверья, в речевом высказывании выражаются в виде закономерности, приметы. Такие тексты являются пограничными: есть основания рассматривать текст и как поверье, и как примету.

В случаях, когда поверье начинает приобретать знаковую, причинно-следственную устойчивость, стереотипность выражения, можно наблюдать переход поверья в примету.

Неоднозначное толкование текста (то ли как приметы, то ли как поверья) находит отражение в противоречивых позициях исследователей. Толстая С.М. говорит о вербализации поверий в виде введения или резюме былички, приводит такой текст: *«Кулко е таких, што ходять. Вмэр муж и ходыв до жынки. <...> Хорошы нэ пуйдэ лякать, то колдун* (Чудель, СМТ) [Толстая-2015, с. 379, 380]. Садова Т.С. считает, что быличка основывается на примете. Толстая С.М. текст *«Мертвыи всегда к дождю сняца»* (Рубель, НАВ) рассматривает как поверье, а Садова Т.С. текст *«покойник – к дождю»* – как сновидческую примету. Мы считаем, что вышеуказанные тексты являются вариантами. Они могут рассматриваться как поверье и как сновидческая примета, отражая представление о покойнике и называя примеченную связь.

2). Пограничье поверья и суеверия. Речь идет о характеристиках демонологических персонажей, которые содержат в себе мотивации, предназначенные для носителя традиционного знания, или имеют связь с действиями и поступками людей. Пограничье этого типа находим в текстах-апотропеях (обереги от ведьм, колдунов), в текстах об угощении домового и взаимодействии с ним:

М.: Йсть злые, йсть добрыи.

<А почему так?>

А.А.: Ну, ни знаю... Как ф дома, можить, скандалы, можит, ниприятности мешду симьей там... можит, ана затрагивають этвь суццество. Эт, плоха, ни нада... (Виноградова А.А., Виноградова М. Х. Солонцовский, Волг. обл. 2011. – Тимофеев. МЭ).

В данной записи мы видим зависимость характера домового от ситуации в семье, и, как следствие, нежелательность неприязни и скандалов в семье, которые влияют на домового. Двойное восприятие текста заключается в том, что характеристика домового даёт основание рассматривать этот текст как поверье, а наличие потенциального субъекта, модальность суеверия – как суеверие.

Некоторые ритуальные действия в контексте погребально-поминального обрядового комплекса можно рассматривать так же: 1) чтобы покойник не возвращался, его отделяют, 2) чтобы не бояться покойника, его трогают за ногу, 3) чтобы покойник не забрал с собой, его выносят вперед ногами и пр.

3). Пограничье текстов возможно не только между двумя жанрами, но и тремя:

... бабушка у нас была адна, гаварила так, што если ведьма, еси тольке ведьма, и вот карову портить, малако можна при ней принасить ни баяца, а разжыгать скаваротку и лить на эту скаваротку малака. Если ана ведьма, ей будит плоха, ана бесица, ана тада вацце делацца не ф сваём уме (Гуревнина Н.Д. Х. Верхняковский. 2010. – Тимофеев. МЭ).

Ситуация, в которой ведьма может быть разоблачена, одновременно содержит в себе качество ведьмы (свойственное поверью) и фрагмент комплекса представлений о взаимодействии с ведьмой (свойственный суеверию). Последняя фраза текста выражена в виде причинно-следственной связи в форме приметы (модель «если..., то»),

которая позволяет посредством указанных действий вычислить ведьму (в случае если подозреваемая действительно окажется ведьмой, это сказывается на её поведении, она сама себя выдаёт).

Если ведьма падайдёт к карови или свежиму малаку, то оно скиснит, ни сразу, но быстрее, чем паложина. Ничистая душа патходит к чистаму прадукту (Пузанов. Х. Гороховский. 2006. – МЭ).

Если хазяива плахие, значить, и дамавой такой (Блинков А. А. Х. Филин. 2007. – МЭ).

Приведенные тексты в форме приметы (модель «если..., то») выражают представления (поверья) о взаимосвязи между приходом ведьмы и скисшим молоком, хозяевами дома и домовым. Здесь же имплицитно содержатся суеверия: названная взаимосвязь не раскрывает суеверие, а отсылает к комплексу представлений о ведьме, домовом. Первый текст содержит имплицитную прагмасемантику защиты коровы от приближения ведьмы, чтобы та не портила молоко. Имплицитное суеверие способствует возможному появлению субъекта, цель которого – оградить скот от вредителя. Второй текст содержит модальность суеверия – имплицитное предписание, связанное с отношением субъекта к демонологическому персонажу.

В предыдущих речевых высказываниях речь шла о балансировании между двумя жанрами: приметой и поверьем, суеверием и поверьем. Там в одном тексте (высказывании) практически на равных усматривались признаки двух жанров. В случае с пограничьем трех жанров (приметой, суеверием, поверьем) налицо разноуровневость:

примета может быть составной частью высказывания («*Если ана ведьма, ей будит плоха, ана бесица, ана тада вапце делацца не ф сваём уме*»), в то время как поверье и суеверие реализованы во всем тексте (*если ведьма <...> карову портить, малако можна при ней принасить ни баяца, а разжыгать скаваротку и лить на эту скаваротку малака* + высказывание в форме приметы);

примета может оформлять пограничную для суеверия и поверья ситуацию («*Если ведьма подойдет к короле или свежесму молоку, то оно скиснет*», «*Если хазяива плахие, значить, и дамавой такой*»).

II. Выше мы указали случаи пограничья примет, суеверий, поверий, которые заключались в неоднозначности интерпретации одного высказывания с точки зрения его жанровой принадлежности. Теперь остановимся на вариантах реализации в речевой практике элементов одного комплекса представлений. Рассмотрим два распространенных мотива, связанных с образом ведьмы / колдуна: 1) ведьма / колдун просит руку перед смертью, чтобы передать знание и скорее умереть; 2) ведьма / колдун долго не может умереть, поэтому нужно поднять князёк / забить осиноый кол в матку.

Представление о значимости для ведьмы / колдуна рукопожатия в предсмертный час широко распространено на Верхнем Дону.

1) *все её знания, грихи, кагда за руку вазьмут, патдержат, все вот эту нечисть, ана начинаит уже их мучать, все черти эти, шуты эти, ани ево начинают уже трипать, а она умираит* (Сингина В.В. Х. Нижнекривской. 2007. – МЭ).

2) *...гаварять, што кагда калдун намираит, абязательна просит, штоп руку ему дали* (Ушакова А.Г. Х. Крутовский. 2001. – Тимофеев. МЭ).

3) *...дедушка адин у нас был, гаварили, с нечистой силой был знаком, так он незадолга да таво, как умереть, хадил и фсех, каво встретит, прасил: «Забири маих ребятишек, забери маих ребятишек», – эта бесенят, навернае* (Ялфимова Е.М. Х. Бобровский 2-й. 2005. – Тимофеев. МЭ).

В указанных записях мотив предсмертного рукопожатия имеет описательный, обобщенный вид (1), имеет вид просьбы, выраженной прямо (3) и косвенно (2). Несмотря на различное речевое воплощение с точки зрения жанровой принадлежности приведенные высказывания тяготеют к поверью, так как доминирующим является указание черты образа (просят, чтобы им подали руку), иногда с толкованием (для чего и почему это делается).

Рассматривая записи, мы обнаружили различные формы проявления жанровых признаков. Примета, суеверие могут быть выражены как эксплицитно, так и имплицитно.

Эксплицитно выраженная примета в ситуациях пограничья имеет вид оформленной по логической модели приметы взаимосвязь. Имплицитная примета (в широком понимании) не называет, а отсылает к взаимосвязи, имплицитное суеверие открыто для появления субъекта. Скрытая модальность суеверия (модальность необходимости совершения действия / бездействия) связана с наличием комплекса представлений, известного носителю традиционного знания (обереги от ведьмы, встреча с ведьмой объясняет болезнь, строптивость животного).

В отличие от имплицитного суеверия, которое подразумевается, которое может быть не названо, но при этом известно информанту, эксплицитное суеверие содержит мотивацию, побуждение к действию. Как только поведение, действия, состояние ведьмы / колдуна получают зависимость от деятельности человека, и сама деятельность человека приобретает в этом отношении мотивирующий характер, налицо модальность суеверия.

Носителю традиционного знания в связи с данным представлением известно, что ведьма / колдун, взяв за руку, передают свои силы, знания, грехи, с этим связано суеверие о запрете давать руку.

Гаварять, нильзя было руку давать. Ана гварит: «Дайти руку. Дайти руку!» Дали, шоп... пиридала (Фролова Л.Ф. Х. Антиповский. 2013. – МЭ). Здесь запрет выражен эксплицитно, он назван (нильзя было руку давать).

Сравним: *вот ана умирала: «Тамара, дай мне руку! Падыми миня», – ана гритъ. – Нах., сама встанишь!<...>*

<Почему не давали руку?>

Ана перидастъ, черис руку, перидастъ эта фсё (Иванова С.Н. Х. Пимкинский. 2011. – МЭ).

Ведьма пытается ухватить за руку, а женщина, зная о причине и последствиях этого, не давала руку. Мы видим отказ и указание причины отказа. В этой записи запрет также выражен эксплицитно (причина отказа названа), но форма выражения иная. Если в первом случае используется характерная форма выражения запрета «нильзя было...», то во втором случае запрет выражен опосредованно: следствие такого рукопожатия оформлено в виде ответа на вопрос (*черис руку, перидастъ эта фсё*).

Мотив ускорения смерти ведьмы совершается преимущественно по инициативе окружающих, записей с личной просьбой ведьмы меньше.

Ну и от и чё: и день ни умрётъ, и другой ни умрётъ, а патом уш эта Марфутка пришла, асинавий каринок празатисала, палезла на верх, иво эта забили. Значить, тада эта бапка памирла (Лошадкина О.В. Х. Еланский. 2007. – Тимофеев. МЭ);

А ищё у нас адна была, ведьма. Памиреть ни магла. Так муж аставался, лазил у дом. Канёк йесть. На паталке самайя длинная пириккладинка. Он иё дамкратам паднял, и ана памирла (Кондракова Л.А. Ст. Слащевская. 2006. – Тимофеев. МЭ).

Поверье о смерти ведьмы после забитого осинового кола, поднятого князька, в быличке приобретает индивидуальные черты. В текстах мы видим, что эти действия выполняют конкретные люди.

Это же поверье может быть актуализировано в виде обобщенной закономерности:

Гаварят, вот, например, я ни знаю как у мужчин, а у женщин магу сказать одно, што у них хде-т на чирдаке асиновый кол. <...> так пака этот кол ни вытащишь, ана ни умрёт. (Сергей. Х. Поповский. 2011. – Тимофеев. МЭ).

Здесь реализуется форма приметы: «пока не сделаешь..., ... не случится». В приведенных текстах, благодаря наличию в беседе демонологического персонажа и человека, одновременно присутствуют черты поверья и суеверия. Действие совершает потенциальный субъект, который воздействует на персонажа поверья (этот действующий субъект получает индивидуальное описание в быличке, при оформлении представления как приметы субъект не назван, но подразумевается, примета обобщает, типизирует субъекта). Совершение действия также является значимой характеристикой демонологического персонажа (в данном случае – ведьмы). Можно предположить, что эта модель относится к суеверию, но входит в комплекс представлений о ведьме. Из этого следует, что суеверие может быть составной частью представлений о демоне.

Указанные тексты варианты одного инварианта³. В зависимости от того, что преобладает: характеристика / описание качества персонажа или необходимость в действии / бездействии, можно говорить о предрасположенности речевого выражения к тому или иному жанру:

«чтобы ведьма умерла, нужно забить осинового кола» – суеверие, так как здесь доминирует модальность суеверия, прагматика действия, нацеленность на результат;

«ведьма умрет, если забить осинового кола» – поверье, на первом месте здесь состояние ведьмы в рассматриваемой ситуации.

При выражении одного комплекса представлений реализуются разные тексты: поверья, суеверия (запреты, предписания), приметы. Так, речевые высказывания, выражающие представление, вместе с актуализацией приобретают специфическую прагмасемантику, модальность, что сказывается и на жанровой принадлежности текста.

В живом бытовании речевые высказывания не ориентируются на жанры, а выражают речевые стратегии говорящего. Жанровая принадлежность текста необходима для понимания, а не для четкой дифференциации. О непродуктивности четкой дифференциации текстов писала Толстая С.М., Седов К.Ф. говорит, что в чистом виде жанры не существуют [Седов-2007]. В случае с нашим материалом (фольклор речевых ситуаций, межжанровое состояние и др.) эти положения усиливаются.

Экспериментальное исследование пограничья суеверий, примет, поверий как в рамках одной записи, так и на материале вариантов реализации одного представления, показало, что в корпусе записей по демонологии указанные тексты сосуществуют и пересекаются.

Для целостного представления о пограничье текстов необходимо провести подобные исследования и на материале обрядов и ритуализированных форм, снотолкования, способов лечения, охраны.

Полученные результаты помогают прояснить особенности функционирования текстов, склоняют нас не к формальному разграничению, а к содержательному смысловому различению текстов примет, суеверий, поверий.

³ Тимофеев П.Т. рассматривает инвариант как искусственно образованную исследователем операционную единицу, устанавливаемую для определенной группы вариантов [Тимофеев-1999].

Источники материала

Тимофеев. МЭ – Материалы международных студенческих фольклорно-этнографических экспедиций Донецкого национального университета на Верхний Дон (Волгоградская и Ростовская области: 2001, 2003, 2005-2007, 2010–2012 гг.): монография / Под общей ред. П. Т. Тимофеева. – Донецк, 2013. – 384 с.

МЭ – Материалы международных студенческих фольклорно-этнографических экспедиций Донецкого национального университета на Верхний Дон по теме суеверия и приметы. – Донецк : ДонНУ, 2017. – 657 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура / Б.Н. Путилов. – СПб. : Наука, 1994. – 238 с.
2. Чистов К.В. Фольклор. Текст. Традиция: Сб. ст. / К.В. Чистов. – М. : ОГИ, 2005. – 272 с.
3. Богданов К.А. Повседневность и мифология: исследования по семиотике фольклорной действительности / К.А. Богданов. – СПб : Искусство-СПб, 2001. – 438 с.
4. Корепова К.Е. Быличка и сказка (в межжанровом пограничье) / К.Е. Корепова // Рябининские чтения [мат-лы конференции]. – Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2011 – С. 291-293.
5. Толстая С.М. Образ мира в тексте и ритуале / С.М. Толстая. – М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. – 528 с.
6. Виноградова Л.Н. Отражение славянских мифологических представлений в «малых» фольклорных формах / Л.Н. Виноградова // История, культура, этнография и фольклор славянских народов: Доклады советской делегации / X Международный съезд славистов, София, сентябрь 1988 г. – М., 1988. – С.277-288.
7. Садова Т.С. Народная примета как текст и проблема лингвистики фольклорного текста: дис. ... д-ра филол. наук: спец. 10.02.01 «Русский язык» / Т.С. Садова. – СПб., 2004. – 373 с.
8. Павлова Е.Г. Опыт классификации народных примет / Е.Г. Павлова // Паремнологические исследования / сост. Г. Л. Пермяков. – М. : Наука. – С. 294-299.
9. Пермяков Г.Л. Основы структурной паремнологии / Г.Л. Пермяков. – М. : Наука, 1988. – 240 с.
10. Харченко В. К. Лингвистика народной приметы. Монография / В. К. Харченко Е. Е. Тонкова. – Белгород : Белгородская областная типография, 2008. – 224 с.
11. Иванова Н. Н. Примета / Н. Н. Иванова, Т. Г. Никитина // Русские паремии: новые формы, новые смыслы, новые аспекты изучения: коллективная монография. – Псков : ПГПУ, 2008. – С.74-134.
12. Левкиевская Е.Е. Прагматика мифологического текста / Е.Е. Левкиевская // Славянский и балканский фольклор. Семантика и прагматика текста. [Вып. 10]. – М. : Индрик, 2006. – С.150-213.
13. Тимофеев П.Т. Традиція та питання формульності українського народного епосу / П.Т. Тимофеев // Актуальні проблеми української літератури та фольклору [Вип. 4]. – Донецьк, 1999. – С.13-18.
14. Седов К.Ф. Человек в жанровом пространстве повседневной коммуникации / К.Ф. Седов // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. – М., 2007. – С. 7-38.

Поступила в редакцию 14.04.2017 г.

BORDERLINE OMENS, SUPERSTITIONS AND BELIEFS IN DEMONOLOGY (BASED ON THE RESULTS OF INTERNATIONAL FOLK-ETHNICAL FIELD STUDIES IN VERKHII DON)

O.A. Shepeleva

The article deals with the cases of borderline omens, superstitions, beliefs of Verkhni Don in the context of folk representations and bylichki. The presence of borderline situations is associated with functional peculiarities of texts: in the process of actualization, texts acquire specific pragmasemantics, modality, and form of expression that correspond to the speaker's communicative strategies.

Key words: omens, superstition, belief, Verkhni Don, demonology, borderline situation.

Шепелева Ольга Александровна.

Преподаватель кафедры истории русской литературы и теории словесности.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
E-mail: o.shepeleva@gmail.com

Shepeleva Olga Alexandrovna.

Teacher at the Department of the History of Russian Literature and Literature Theory.
Donetsk National University.
E-mail: o.shepeleva@gmail.com

ПЕДАГОГИКА

УДК 371.47.022

КЛАССИКА ИННОВАЦИЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В УСЛОВИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНДАРТА «ПЕДАГОГ»

© 2017. *Е.Г. Диканова, Л.И. Бережная*

Филиал ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет» в г. Михайловке

В статье исследуется проблема подготовки студента педагогического вуза, будущего учителя к осуществлению воспитательной деятельности в условиях реализации профессионального стандарта «Педагог». Рассматривается педагогическое наследие воспитательного опыта А.С. Макаренко, его актуальность и возможности применения в современном образовательном процессе вуза.

Ключевые слова: профессиональный стандарт педагога, воспитательная деятельность, воспитательный коллектив.

Являясь частью Российского образовательного сообщества, мы вносим посильный вклад в актуализацию и решение проблем непрерывного педагогического образования как преподаватели педагогического вуза. В настоящее время актуально определение перспектив развития каждого образовательного звена, и подготовки будущего учителя в первую очередь, в условиях реализации федеральных государственных образовательных и профессиональных стандартов.

Профессиональный стандарт педагога содержит описание трудовых функций педагогической деятельности по проектированию и реализации образовательного процесса в образовательных организациях. В характеристику общей трудовой функции педагога, вместе с обучающей и развивающей функцией, включена трудовая функция – воспитательная деятельность. Значит к ней необходимо готовить будущего учителя. Воспитательная деятельность педагога предполагает следующие трудовые действия:

- Определение и принятие четких правил поведения обучающимися в соответствии с уставом образовательной организации и правилами внутреннего распорядка образовательной организации;
- Проектирование и реализация воспитательных программ;
- Проектирование ситуаций и событий, развивающих эмоционально-ценностную сферу ребенка (культуру переживаний и ценностные ориентации ребенка);
- Помощь и поддержка в организации деятельности ученических органов самоуправления;
- Создание, поддержание уклада, атмосферы и традиций жизни образовательной организации и др. [1, с. 6].

Педагогу необходимы умения:

- Общаться с детьми, признавать их достоинство, понимая и принимая их;
- Создавать в учебных группах (классе, кружке, секции и т.п.) разновозрастные детско-взрослые общности обучающихся, их родителей (законных представителей) и педагогических работников и др. [1, с. 6].

Разумеется, педагогу необходимы научные, правовые, психологические знания.

Профессионалы знают, как необходима в любом деле надежная технология, которая дает четкий алгоритм образования, обеспечивает положительный результат независимо от личностных качеств ее пользователя. В обучении такие технологии известны. В воспитании же по-прежнему господствуют словесные методы, дающие нулевой, и даже отрицательный результат. Проблема воспитания, которая в современной социокультурной ситуации обрела новую остроту и актуальность, давно решена нашим великим соотечественником. В нашем педагогическом арсенале есть блистательная воспитательная технология с гарантированным результатом, дающая «на выходе» человека демократичного, способного добросовестно делать свое дело, ответственного за свои слова и поступки, это – воспитательная система А.С. Макаренко [2, с. 5].

А.С. Макаренко работал в сложную эпоху, под давлением педагогических чиновников, при усилении авторитарных тенденций в жизни общества. Несмотря на это, он боролся за утверждение гуманистической педагогики. Сохранив свою индивидуальность, он передал последующим поколениям педагогов свой уникальный практический опыт воспитания и дальнейшей социализации детей и подростков.

Обладая мышлением педагога-теоретика и экспериментаторским талантом, А.С. Макаренко всю свою научную деятельность связал с воспитательной практикой. Глубокое знание отечественного педагогического наследия и собственный педагогический опыт позволили ему уже в 20-е годы подойти к разработке системы воспитания, которая, по его мысли должна была отвечать задачам строительства нового общества. Он начинал работать в колонии в труднейших условиях хозяйственной разрухи, сознавая, что ему предстоит преодолеть дистанцию между идеалом человека коммунистического будущего и реальным бытием педагогически запущенных, социально и морально искалеченных детей – жертв войн и социальных потрясений [2, с. 116].

Социальные условия настоящего времени сопоставимы со сложными условиями работы Антона Семеновича. Нам следует изучить смысл педагогического новаторства А.С. Макаренко, не искажая и не фальсифицируя его идеи, и не перенося механически его эксперименты в массовую практику современной школы, а лишь используя его педагогические находки сообразно складывающимся ситуациям.

Руководя образовательными учреждениями, он создавал организованные коллективы на принципах единства воспитания и обучения с производительным трудом.

Ядро учения Макаренко – теория воспитательного коллектива как формы педагогического процесса. Согласно этому учению, воспитательный коллектив – это объединение людей, нормы, стиль жизни и отношения. Он разработал вопросы построения и организации коллектива, выявил методы воспитания в коллективе, личностные взаимоотношения детей, воспитанников и воспитателей, связи с другими коллективами; методику организации трудового и эстетического воспитания, формирования сознательной дисциплины, создания воспитывающих традиций, которые он рассматривал в единстве с разнообразной жизнью и деятельностью детей. Идея воспитания личности в коллективе особенно актуальна в настоящее время расцвета индивидуализма. Опыт творческого развития юной личности по методике Макаренко принципиально важен для воспитания.

Разрыв социальных связей наносит взрослому ребенку вред, их восстановление направляет его развитие. Сущность воспитания, по Макаренко,

заключается в формировании и укреплении адекватных отношений между растущим человеком и обществом, создании благоприятного морального климата. Воспитательный коллектив становится актуальной частью общества и воспроизводит общественные отношения, при этом дети активно включаются в них. Если перед коллективом стоит социально значимая задача, то она позволит каждому члену коллектива ощутить себя значимым участником общего дела, будет пробуждать гражданские чувства, что в настоящее время актуально.

А.С. Макаренко много внимания уделял эмоциональному настрою воспитанников, мажорному тону жизни, который спланирует детей, создает оптимистическую атмосферу в коллективе. Им сформулирован «метод параллельного педагогического действия», включающего в процесс воспитания и педагогов, и воспитанников. Важнейшим критерием оценки поведения воспитанников в этих образовательных учреждениях становится не только мнение педагога, но и интересы коллектива. Макаренко утверждал, что человек не может быть воспитан влиянием одной личности, какими бы исключительными качествами она ни обладала. Полный простор для очень эффективной методики параллельного педагогического действия открывали первичные коллективы в форме разновозрастных отрядов, численность которых Макаренко вывел эмпирическим путем: от 7 до 15 человек. «Я не знаю, почему это так, я этого не учитывал. Я только знаю, что, если первичный коллектив меньше 7 человек, он начинает обращаться в дружеский коллектив, в замкнутую группу приятелей... Первичный коллектив больше 15 человек всегда стремится к разделению на два коллектива...» [2, с. 215].

В личностных отношениях с воспитанниками А.С. Макаренко придерживался принципа: «Как можно больше требований к человеку и как можно больше уважения к нему». В его видении, дети – прекрасные и живые жизни, поэтому воспитатель должен видеть в них товарищей и граждан, уважать их права и обязанности, в том числе право на радость и обязанность ответственности. Макаренко стремился к тому, чтобы сделать радость ребенка ответственной, человечески значимой и нравственной, а его ответственность – радостью, доставляющей нравственное удовлетворение. Эту диалектическую задачу Макаренко разрешал с помощью метода «перспективных линий» в детской жизни [3, с. 607].

В практической педагогике А.С. Макаренко выявил и охарактеризовал научно три стадии развития коллектива: создание, становление и сплочение в единую организацию с системой самоуправления и сложившимися традициями. Если остановить процесс совершенствования коллектива, это может привести к процессам обратного движения, к примеру, к проявлению формализма, исчезновению у воспитанников интереса к общественным делам. Для преодоления этих явлений Макаренко иногда использовал метод «педагогического взрыва», который выражается в коллективном гневе, коллективном осуждении, бойкоте и т.п. Применение такого сильнодействующего метода воспитания должно быть осторожным.

Проектируя в процессе воспитания «лучшее в человеке», Макаренко обращал внимание, прежде всего, на положительные задатки личности ребенка. Разрабатывая теорию и методику воспитательной работы, А.С. Макаренко видел ее как целостную систему организации жизнедеятельности воспитанников. В такой воспитательной системе все педагогические средства обеспечивают реализацию поставленных целей и выполнение социального заказа общества. Залог успеха в этой работе Макаренко видел в гражданской позиции педагога, тонком знании им психологии личности, педагогическом мастерстве, владении педагогической логикой и технологией.

В педагогическом опыте Макаренко ценил не только его практический эффект, но и его «логическое торжество» – предвидение и последовательность событий, которые должны привести к предполагаемому результату.

Как всякая научная технология, технология «собственно воспитания», которую разработал А.С. Макаренко, поддается жесткой алгоритмизации. По своей эффективности она остается непревзойденной. В воспитании главным действующим лицом является не отдельный учитель, пусть даже самый талантливый, а весь коллектив (педагогов и учеников), существующий по единым правилам. Опыт Макаренко убедительно показывает, в каком коллективе ребята растут здоровыми и порядочными, дисциплинированными и работающими, знающими и добрыми, великодушными. У Макаренко главным было воспитание характера, нравственности, привычки социально ценностного поведения, профессиональная предназначенность, то есть естественная социализация воспитанников. Но такой коллектив создается, конструируется как самое сложное устройство по специальному педагогическому алгоритму.

В педагогическом наследии А.С. Макаренко проработаны и вопросы семейного воспитания, такие как структура семьи, ее культура, методы воспитания в семье. Семья как коллективное явление, образ жизни родителей, определяют успех воспитания детей.

Открытия А.С. Макаренко способствовали развитию смежных с педагогикой дисциплин – социальную педагогику, педагогическую психологию и др. Большой вклад Макаренко внес в исправительно-трудовую педагогику.

А.С. Макаренко был неординарной, сильной и творческой личностью, которой свойственны удачи, сомнения, ошибки. Сочетанием личностных качеств и природного таланта объясняется его педагогическое мастерство и современное нам новаторство. «Его знает и любит весь земной шар, а у нас он широко известен в узком кругу» [4, с. 87].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Профессиональный стандарт педагога. Утвержден Министерством труда и социальной защиты РФ от 18 октября 2013 г., № 544н.
2. Павлова М.П. Педагогическая система А.С. Макаренко и современность / М.П. Павлова. – М., 1980. – 287 с.
3. Российская педагогическая энциклопедия: В 2 тт. / Гл. ред. В.В. Давыдов. - М.: Большая Российская энциклопедия, 1993. – 608 с., Т.1-А-М.
4. Кумарин В. Директор школы, открой для себя Макаренко! / В. Кумарин. // Народное образование, 1999. – № 10. – С. 62-87.

Поступила в редакцию 29.03.2017 г.

THE CLASSIC OF INNOVATION OF EDUCATIONAL TECHNOLOGIES IN CONDITIONS OF IMPLEMENTATION OF PROFESSIONAL STANDARD "TEACHER"

E.G. Dikanova, L.I. Bereznaia

The article examines the problem of preparing a student of a pedagogical university, a future teacher, to carry out educational activities in the conditions of implementing the professional standard "Teacher". The pedagogical heritage of the educational experience of A.S. Makarenko, its relevance and possibilities of application in the modern educational process of the university is considered.

Key words: professional standard of the teacher, educational activity, educational collective.

Диканова Елена Геннадьевна.

Кандидат педагогических наук.

Филиал ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет» в г. Михайловке.

Доцент кафедры теории и методики преподавания физической культуры, технологических и гуманитарных дисциплин.

E-mail: edikanova@gmail.com

Dikanova Elena Gennadievna.

Candidate of Pedagogical Sciences.

Branch of Volgograd State Social-Pedagogical University, Mikhailovka (Volgograd region).

Senior lecturer at Faculty of Theory and Methods of Teaching Physical Training, Technological and Humanitarian Disciplines.

E-mail: edikanova@gmail.com

Бережная Лариса Ивановна.

Кандидат педагогических наук.

Филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Волгоградский государственный социально-педагогический университет» в г. Михайловке.

Доцент кафедры теории и методики преподавания физической культуры, технологических и гуманитарных дисциплин.

E-mail: larisaberez15@yandex.ru

Berezhnaya Larisa Ivanovna.

Candidate of Pedagogical Sciences.

Branch of Volgograd State Social-Pedagogical University, Mikhailovka (Volgograd region).

Senior lecturer at Faculty of Theory and Methods of Teaching Physical Training, Technological and Humanitarian Disciplines.

E-mail: larisaberez15@yandex.ru

УДК 373.21

ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ФОЛЬКЛОРНЫХ ЖАНРОВ И КОЛЛЕКТИВНЫХ ФОРМ ТВОРЧЕСТВА В ДОШКОЛЬНОМ ВОСПИТАНИИ И НАЧАЛЬНОМ ОБУЧЕНИИ

© 2017. А.А. Попова

В статье рассматриваются возможные формы использования жанра фольклора – частушки – в программе дошкольного детского образования. Предложены виды работ и игровых развивающих заданий, в которых материалом служит русский фольклор или его современные стилизованные разновидности. Представлены трансформационные изменения фольклорного жанра в современных условиях и в соответствии с программными установками начального обучения.

Ключевые слова: процесс познания, дошкольное образование, речевое обучение, логопедическая группа, детский игровой фольклор, частушка, одарённый ребёнок.

Использование фольклорных жанров – продуктивный прием, задействованный в процессе обучения ребёнка говорению, словесному творчеству, побуждения к физической и умственной активности, развития смекалки, логики, навыков межличностного общения. В настоящий момент очень распространено обучение в игровой форме с использованием развлекательных, эмоционально-личных форм взаимодействия.

Цель исследования: рассмотреть возможности использования фольклорных форм в системе начального воспитания и обучения. **Объектом исследования** является процесс развития речи у детей среднего и частично старшего дошкольного возраста. **Предметом исследования** стало обращение к использованию жанра устного народного творчества частушки в целях развития речи ребёнка.

Частушка как видоизменившийся современный жанр фольклорного творчества осуществляет до сих пор преемственную связь современного мировосприятия с традиционными знаниями. Следует отметить, что к частушке тесно примыкают простые рифмованные стихи (ditties) шуточного задорного содержания, построенные на парадоксе и неожиданном смещении значения.

Гипотезой исследования послужило предположение о том, что использование простых рифмованных четверостиший или частушек (как самого популярного среди детей жанра фольклора) на занятиях и в повседневной жизни способствует повышению уровня развития речи у детей дошкольного возраста.

Задачи исследования:

а) изучить методическую, психологическую и педагогическую литературу по вопросу исследования;

б) разработать и апробировать систему мероприятий, направленных на развитие речи и расширение кругозора обучающегося при помощи обращения к фольклорным текстам;

в) выявить степень влияние частушечных форм на повышение уровня развития речи у дошкольников.

Для решения этих задач были использованы следующие **методы исследования:** поиск и анализ, статистические расчёты, беседа, работа в группах, наблюдение, педагогический эксперимент.

Умение вызвать интерес к познавательной деятельности, увлечь детей, сформировать стремление к творческой работе – задачи, стоящие перед каждым педагогом. Помимо обучения педагог должен обнаружить и развить творческие способности подопечных.

Внутренний мир ребёнка формируется именно в дошкольном возрасте, когда детское сознание и воображение открыты новому. Дошкольник отличается от ребёнка школьного возраста своей непосредственностью, гибкостью мышления, импульсивностью поведения, повышенной эмоциональностью. Качественные преобразования, которые претерпевает ребёнок в первые три года жизни, столь значительны, что многие исследователи, вслед за психологом Рене Заззо (6), размышляя о том, где же середина пути психического развития человека от момента рождения до зрелого возраста, относят её к трём годам. «Ни один ребёнок не рождается гением, и ни один – дураком. Всё зависит от стимуляции и степени развития головного мозга в решающие годы жизни ребёнка. Это годы с рождения до трёхлетнего возраста. После трёх уже поздно» (8; с.17)

Существует опасение, что речь детей становится ограниченной, автоматизированной и пассивной. Именно поэтому педагоги все чаще обращаются к произведениям устного народного творчества, чтобы раскрепостить и разговорить детей, наполнить их фразы понятным смыслом, раскрыть особые глубины слов и выражений и, самое главное, – обеспечить понимание того, что они говорят и для чего они это делают.

Как словесное поэтическое творчество фольклор возник в процессе формирования человеческой речи. Именно в детском саду педагоги целенаправленно работают над появлением, стимулированием, исправлением, корректированием и развитием речи у дошкольников.

Уже в средней дошкольной группе (от 4–5 лет) воспитатель читает детям русские народные сказки, знакомит с пословицами, поговорками, традициями и обычаями русского народа – тем самым налаживая тактильный контакт, развивая музыкальное, танцевальное и актерское мастерство, способствуя социализации. Так, например, былины используются для обогащения и активизации словаря речи дошкольника; загадки – для развития логического мышления и смекалки, быстроты реакции. С колыбельными песнями, пестушками и потешками дети сталкиваются с первых дней жизни. Обрядовые формы, как, например, щедривки и колядки, помогают воспитанникам лучше понять значение православного праздника Рождества Христова. В свою очередь частушки – первая осмысленная творческая форма выражения чувств и значимых переживаний, заявление о наблюдении и выражение отношения – симпатии или антипатии. Такие ученые как К.Д. Ушинский, К.И. Чуковский, А.Н. Гвоздев, Г.С. Виноградов и др. отмечали, что ребёнку в возрасте от 2 до 5–6 лет присуще особое *чувство языка*, которое и позволяет ему сориентироваться в сложных языковых явлениях, осваивать действительность посредством языка.

Частушка – жанр устного народного творчества, неотъемлемая часть духовной жизни русского народа. Частушки исполняли в разном возрасте, по разному поводу – в ней ёмко и образно освещены все сферы жизни человека и общества. К формам частушки в своём творчестве обращались такие известные русские поэты, как Александр Блок и Сергей Есенин. Ёмкость и искрометность, свежесть и демократичность частушки делают её одним из самых популярных жанров народного творчества.

Частушки воспринимаются современными детьми как короткие (удобные для заучивания) весёлые песенки, в большинстве случаев состоящие из четырёх

рифмованных строк. С музыкальным сопровождением и без него. В современном обществе не обязательно наличие особого случая, но обязательно прилюдное исполнение частушки – ориентация на зрелищность, публичную презентацию и восприятие аудитории.

В возрасте от 2 до 5 лет дети любят слушать частушки под музыку, от 5 до 7 лет уже готовы к коллективному и сольному исполнению рифмованных шуточных строк. Дошкольники любят весёлую музыку и смешные парадоксальные тексты в напевах. Нерифмованная проза, однозначно, воспринимается ими с меньшим энтузиазмом. Именно в этот момент проявляют интерес к фольклору. Речитатив и повторяемость развивает речевой аппарат; происходит живое усвоение родного языка, дети учатся радостно и непринужденно раскрывать свои эмоции, преодолевать страхи и расширять словарный запас.

Тематический диапазон частушек поистине безграничен. Так, И. В. Зырянов (7) выделяет 8 типов частушек: лирические, гимнические, лозунговые, сатирические, юмористические, частушки-припляски, пословичные, нескладухи-перевертыши. И тут если взрослых людей в частушках привлекает острая сатирическая мысль, непреодолимый конфликт социального или любовного характера, то детям нравятся шуточные частушки, так как именно на их базе они могут выразить широкую палитру мыслей, чувства и настроений. Частушки, о которых мы ведём речь, не являются в чистом виде жанром детского фольклора, это те формы стихотворчества, которые рождаются при взаимодействии взрослого (родителя или воспитателя) и ребёнка.

В одном из дошкольных учреждений Донецкой Народной Республики нами был произведен эксперимент среди воспитанников средней возрастной логопедической группы детей 4 и 5 лет (16 человек) и частично в старшей логопедической группы – детей 6 и 7 лет – 4 человека. Дети среднего возраста знакомились с частушками на занятиях по развитию речи, логопедии, знакомства с окружающей средой или БЖД, также частушечные тексты включались в структуру творческих занятий по изобразительному искусству: лепка, рисование, аппликация. Дети старшего возраста участвовали в подготовке праздничного концерта. Всего в эксперименте приняли участие 20 детей.

Эксперимент относится к организационному, диагностическому, коррекционно-развивающему направлению исследования в теории дошкольного образования. Направлен на формирование речи, развитие фонематического восприятия, совершенствование лексико-грамматической стороны родного языка, появление связной речи у дошкольников при обращении к жанрам устного народного творчества в процессе обучения.

В период с января по март 2017 года нами было проведено исследование эффективности методики обращения к формам игрового фольклора на занятиях в одном из муниципальных дошкольных учреждений путём включения частушек в ход занятия – учебно-игровая деятельность; индивидуальная работа с детьми – индивидуально-творческая деятельность; проведение опроса среди детей и их родителей.

Работа с детьми проводилась как индивидуально, так и по подгруппам. Были сформированы подгруппы составом от 3 до 5 человек в соответствии с проявленным интересом и предрасположенностью.

Были определены тематические группы частушек по популярности – среди детей и их групп показатели популярности совпали:

- 1) шуточные;
- 2) о любви;

3) о девочках;

4) о природе.

Ниже представлены самые популярные среди воспитанников тексты частушек, которые хорошо знают и активно используют приблизительно 75 % обучающихся:

*Как весной снег растает,
Получается вода.
Мы споем вам про девчонок:
Горе с ними, не беда.
Ух.*

*Две недели я для Саши
Поздравления учил,
А когда её увидел
Все слова я подзабыл.
Ух.*

*Наша Ева боевая
В самом деле – огонёк,
От неё уж отлетает
Двадцать пятый паренёк.
Ух.*

*Меня девчонки обижают,
Говорят, что ростом мал,
А я в садике Полину
Десять раз поцеловал.
Ух.*

*Наши Тани – хохотушки.
Столько шума, звона.
Как от сотни погремушек,
Даже миллиона.
Ух.*

*Оля – девочка у нас
Умница-красавица,
И, признаюсь, всем мальчишкам
Очень-очень нравится.
Ух*

Опрос был проведён и среди родителей. Он показал, что родители знают меньше частушек, чем дошкольники – знают только то, что узнали от своих детей или учили вместе с ними. Любопытно то, что темы для частушек придумывают дети, взрослые помогают зарифмовать идею. Родители, разделяющие интересы своих детей, следуют за выбором тематики озорной песни, принимают активное участие в сотворчестве. Благодаря наличию эффекта комичности, дети учатся преодолевать неуверенность и страх перед публикой. Смеясь, ребёнок укрепляется в правильности уже полученного представления о мире, уместности своих эмоций и переживаний. Частотность и речитативность напевов упражняют в произнесении фонетических единств и синтагматических фраз. Детская частушка хороша тем, что, несмотря на её содержание, может сохранить положительную эмоцию и эффект воздействия.

Одновременно был проведён опрос-консультация для родителей с целью рассказать, что любят их дети, какими бывают, как развиваются, общаются и познают жизнь посредством слова, об их интересах и страхах.

Таким образом, была произведена работа по вопросам планирования занятий по развитию речи детей с учетом возрастных норм с использованием лексических тем и дидактических видов игр, создана предметно-развивающая среда для работы в группах.

Отметим, что дошкольные учреждения Донецкой Народной Республики работают по «Типовой образовательной программе дошкольного образования от рождения до школы», главные цели которой состоят в создании благоприятных условий для полноценного проживания ребёнком дошкольного детства: формирование основ базовой культуры личности, всестороннее развитие психических и физических качеств в соответствии с возрастными и индивидуальными особенностями, подготовка к жизни в современном обществе, к обучению в школе.

Особое внимание уделяется воспитанию у дошкольников таких качеств, как патриотизм, активная жизненная позиция, творческий подход в решении различных

жизненных ситуаций, уважение к традиционным ценностям. Эти цели реализуются в процессе разнообразных видов детской деятельности: игровой, коммуникативной, трудовой, познавательно-исследовательской, продуктивной, музыкально-художественной.

В таблице приведены примеры частушек по лексическим темам с задействованием игровой деятельности для мероприятий за временной промежуток нашего экспериментального наблюдения.

Месяц	Лексическая тема	Частушки
Январь	Времена года (Зима)	<p><i>Раскрасавица Зима В гости ходит не одна! За собой всегда ведёт Лучший праздник... (ответ детей хором) Новый Год! (Д/и «Закончи предложение») Ох! Замучила зима! Жизнь – сплошная кутерьма: То мороз, то гололёд, То весёлый Новый Год! (Д/и «Признаки времён года»)</i></p>
	Одежда и обувь	<p><i>Злата долго собиралась, Много всякого взяла. А как после оказалось, Без носочков в сад пришла. (Индивидуальная работа с детьми по звукопроизношению). В группе есть девочка, которую зовут Злата, забывшая принести носочки. Естественно, ребёнок расстраивается, чтобы сохранить первоначальное радостное настроение, с которым Злата пришла в МДОУ, мы облачаем недоразумение в дружеской атмосфере игры в шутку и потешку. Воспитатель может прибегнуть к данной игровой форме, в результате которой проблема девочки прекращает существовать. При воздействии мелодичного напева, добрых эмоций страхи и волнение уходят, а на лице ребёнка появляется улыбка. Ты, послушай-ка, подружка, И притопни ножками, Я про валенки частушки Сочиняю ложками. После основных занятий (логопедия, развитие речи, ФЭМП и др.) ребёнок нередко устаёт, в своей практике, для отдыха мы используем физминутки и пальчиковые игры, иногда их можно совместить. (работа над выразительностью речи + имитация движений; также детям было предложено</i></p>

		<i>придумать свои варианты движений, раскрыть образ предлагаемой частушки)</i>
	Книги и их герои	<p><i>Мы купили много книжек, Чтобы умненькими стать. Только мы совсем забыли, Что их нужно прочитать.</i></p> <p>Беседы с родителями о необходимости читать книги детям, как можно больше. Проблема, с которой сталкиваются современные родители: ребёнок не хочет дома слушать сказки, чтение книги вслух, просит планшет и компьютер. Действительно, в большинстве случаев ребёнок, беря книгу в руки, рассматривает лишь яркие картинки. Следующая проблема, с которой мы сталкиваемся в школьном возрасте: ребёнок читает, но не понимает, что и для чего. Не может ответить на вопросы после прочтения текста. Начинаются проблемы, понижается самооценка, что ведёт к негативным последствиям в целом.</p> <p><i>Про «Смешариков» читать Очень-очень нравится. Там Кар-карыч, Ежик Крош И Нюшечка-красавица.</i></p> <p>Беседы с детьми о любимых героях. Конечно, мультфильмы – неотъемлемая часть жизни дошкольников, ещё один способ познать мир, учить сравнивать хорошие и плохие поступки, различать добро и зло.</p>
	Дикие животные	<p><i>Раз на грядке с огурцами Мы увидели ежа: Он сидел под лопухами, Всеми иглами дрожа.</i></p> <p>Знакомство с окружающим миром, пополнение словарного запаса, активизация словаря. Учимся правильно использовать в речи имена существительные: д/и «Один – много» - огурец (огурцы), огурцом – огурцами, лопухом - лопухами и т.д. д/и «Есть – нет» – есть ёж – нет ежа; <i>глаголы:</i> ёж – он – сидел.</p>
Февраль	Домашние животные	<p>Если кошка полосата, То она вредна, усата, Но любить её при этом Вы должны зимой и летом.</p> <p>Внеязыковые формы презентации и общения. Одному ребёнку было предложено: выразительными движениями, мимикой лица, жестами изобразить то</p>

		<p>домашнее животное, которое загадал воспитатель, другим детям – отгадать домашнее животное. Дети любят подобные творческие игры, в которых можно проявить себя творчески. Далее, напеваётся частушка, дети сравнивают выразительность частушки с тем образом, который предложил их сверстник, совпали ли они? Если нет, то почему? Чем можно дополнить внязыковую форму презентации образа?</p> <p><i>Поводырь он и спасатель, И охотник, и сапёр. Детям – лучший друг, приятель. Познакомьтесь – лабрадор.</i></p> <p>Развитие категориального аппарата мышления. Учимся с детьми рассуждать, почему данную породу собак назвали поводырём, в форме беседы с наводящими вопросами от 1 до 10. Перед детьми всегда должна быть иллюстрация, с помощью которой ребёнок учится описывать то, что видит.</p>
	Праздники. День Защитника Отечества	<p><i>Лейтенант, моряк, ефрейтор, Рядовой и командир! От души вас поздравляем, На земле пусть будет мир!</i></p> <p>Патриотическое и гражданское воспитание в наше время является особо актуальным. Чтобы воспитать духовно богатую и высоконравственную, культурную, образованную личность социальные институты, в нашем случае – семья, дошкольное учреждение обязаны быть союзниками, формируя патриотическое чувство у детей сегодня.</p>
Март	Времена года (Весна)	<p><i>Как весной снег растает, Получается вода. Мы споём вам про девчонок: Горе с ними, не беда.</i></p> <p>Новые факты об окружающем мире, пополнение словарного запаса, виды связи в высказывании, актёрское мастерство.</p>
	Праздники. 8 марта	<p><i>Я не знаю, как у вас, А у нас на празднике Рассмешили всех девчонок Мальчики-проказники. (Опыт группового взаимодействия, пантомима).</i></p> <p>Подобные игровые частушки поднимают настроение, помогают выразить словами чувства и эмоции мальчиков, обратить на себя внимание девчонок. Например, Данил таким образом, завоевал доверие Маши, поэтому теперь на утренниках она идёт впереди, он прикрывает её спину, в танцевальных</p>

		номерах также они поддерживают друг друга, решают общие вопросы, нашли общие интересы.
Цветы		<p><i>Я из семя зародился, Гладиолусом родился. Я похож, дружок, на меч – Буду сад твой охранять!</i> (Образное мышление, практика словотворчества, продолжаем упражнять детей в правильном использовании глаголов)</p> <p>Данная частушка использовалась на занятии по развитию речи, и составили мы её с детьми, опираясь на мнемотаблицу (данный опыт впервые нами был введён в практику). Как правило, мнемотаблица помогает составить рассказ, а не рифмованные строки. Детям было весело и интересно, все участники игры остались очень довольны.</p>
Птицы		<p><i>Прыг да скок, ну что за птица, Всё на месте не сидится. С виду – нет его храбрей, Шустро скачет воробей.</i> (Д/и «Закончи предложение») Коллективная хоровая игра. Можно использовать на занятиях по лепке, рисованию и аппликации.</p>

При подборе материала для занятий такого типа, следует учитывать тот факт, что ребёнок воспринимает всю информацию, которая ему доступна, поэтому очень важно подбирать развивающие игры и тексты к ним такие, которые знакомили бы его с культурными и нравственными ценностями, давали ценностные ориентиры, учили новому, расширяли кругозор. Играя, ребенок учится правильно расставлять приоритеты, вести себя в обществе, у него появляется собственное мнение. В дошкольный период у малыша закладывается фундамент для проявления основных личностных качеств, которые сохраняются у него на протяжении всей жизни.

В последнее время люди говорят о кризисе нравственности. Этот кризис проявляется, прежде всего, в доминировании материальных ценностей над духовными, что приводит к искажению представлений детей о таких добродетелях, как доброта, отзывчивость, милосердие, великодушие, справедливость, дружба. Возникает острая необходимость в сохранении и передачи новому поколению *родовой памяти*, источник которой хранится в произведениях устного народного творчества. В обществе отмечается общий рост социальной напряжённости и агрессии, а это отражается на детях и проявляется в детской враждебности и закрытости. Поэтому педагоги все чаще стали обращаться к устному народному творчеству, чтобы «разговорить» детей в благой ситуации общения.

Ученые-педагоги отмечают, что среди дошкольников чаще всего встречаются следующие проблемы с речью: неспособность к построению развернутого высказывания, некорректное использование языковых средств, отсутствие чувства языка, языковой интуиции, скудость словарного запаса, непонимание действия логических связей (Л.И. Белякова, В.К. Воробьева, Г.В. Гуровец, Л.Р. Давидович, Р.Е. Левина, В.И. Лубовский, О.В. Усанова и др.). Мы призываем к поиску новых форм

логопедической работы с детьми, непосредственно связанных с изменением требований к содержанию коррекционно-педагогического процесса, который должен осуществляться во взаимосвязи с гуманитарной культурой, с опорой на традиционные национальные и общечеловеческие ценности.

Наше исследование показало, что дети в возрасте от 5 до 7 лет активно используют в речи частушки, применяя их в игровой практике. Частушки поднимают настроение, помогают выразить словами чувства и эмоции, собственное понимание окружающего мира и социума.

Фольклор – это словесное творчество. Дошкольникам он близок, поскольку они устно могут самовыразиться, поделиться результатами своего творчества, писать они начнут только в школьном возрасте. Особенности фольклора заключаются в синкретизме, традиционности, анонимности, вариативности и импровизации, что кардинально отличает его от литературы (3). Дошкольник среднего возраста не может быть автором литературного произведения, но может стать исполнителем частушек – это первый опыт словотворчества и созидательного познавательного акта. Эта та традиционная преемственность, о которой мы упоминали в начале статьи.

Как жанр фольклора частушка продолжает существовать, а формат обращения к игровому словотворчеству должен позитивно и качественно быть использован в системе дошкольного образования. Есть необходимость в систематическом обращении к наследию фольклора, различным его видам и формам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева М. М., Яшина В. И. Методика развития речи и обучения родному языку дошкольников. – М.: Академия, 2000.
2. Базовая программа развития ребенка дошкольного возраста «Я в Мире» / Наук. рук. и заг.ред. А. Л. Кононко. – М.: Светоч, 2009, – 430с
3. Богатырев П.Г., Якобсон Р.О. Фольклор как особая форма творчества / Богатырев П.Г. // Вопросы народного творчества. – М.: Искусство, 1971 – с. 369-383.
4. Виноградов Г.С. Народная педагогика – Иркутск, 1996. – 231с.
5. Виноградов Г.С. Русский детский фольклор. Игровые прелюдии. – Иркутск, 1990. – 195с.
6. Зазо Рене Стадии психического развития ребенка / Сб. Развитие ребенка. – М., 1968.
7. Зырянов И. В. Поэтика русской частушки [Текст] : (Учеб. пособие) / М-во просвещения РСФСР. Перм. гос. пед. ин-т. – Пермь, 1974. – 173 с.
8. Ибука Масару После трех уже поздно / Масару Ибука ; [пер. с англ. – Н. Перовой]. – М.: Альпина нон-фикш, 2011. – 126с.
9. Каршинова Л.В. Народная культура как средство формирования целостного мировоззрения // Инновационные проекты и программы в образовании. – 2008. – № 1.
10. Князева О.Л., Маханева М.Д. Приобщение детей к истокам русской народной культуры: Программа. – СПб., 1997.
11. Куликова Л. Современный игровой фольклор // Народное творчество. – 2008. – № 3.
12. Лазутин С. Г. «Русская частушка». – 1990. – С. 19, 101 - 103.
13. Мехова Т. Роль народной игры в формировании характера ребенка // Воспитание школьников. – 2001. – № 3.
14. Мешкова О.В. Эстетическая природа частушки. – 2000. – С 3- 21, с 121 – 133, с. 274-275.
15. Науменко Г. М. Фольклорная азбука. Учебное пособие для начальной школы. – М.:1996.
16. Пескишева Т.А. Использование малых фольклорных форм в логопедической работе с детьми 4-7 лет с общим недоразвитием речи, диссерт. к. пед. н., М.: 2008 – 179с.//режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/ispolzovanie-malykh-folklornykh-form-v-logopedicheskoi-rabote-s-detmi-4-7-let-s-obshchim-nedorazvitiem-rechi>
17. Погосова Н. Погружение в сказку. Коррекционно-развивающая программа для детей. -- СПб.: Речь, 2009. -- 70 с.
18. Ушакова О. С. Развитие речи дошкольников. – М, 2001.

Поступила в редакцию 15.05.2017 г

**FOLKLORE GENRES AND COLLECTIVE FORMS OF CREATIVITY IN PRESCHOOL
AND PRIMARY SCHOOL EDUCATION: EXPERIENCE OF USE**

A.A. Popova

The article considers chastushki as a possible way of using the genre of folklore in preschool education curriculum. Different types of developing tasks and games have been suggested with the Russian folklore or its modern varieties being used as material. Folklore transformations under the present conditions and according to the program objectives of initial education have been presented.

Keywords: process of cognition, preschool education, speech training, speech therapy group, children's play folklore, chastushka (ditties), a gifted child.

Попова Анна Андреевна.

Воспитатель логопедической группы.
Муниципальное дошкольное образовательное
учреждение № 368.

Донецкая Народная Республика (Донецк).

E-mail: anutkalogovskaya@mail.ru

Popova Anna Andreevna.

Teacher of speech therapy group.
Municipal pre-school educational institution No. 368.

Donetsk People's Republic (Donetsk).

E-mail: anutkalogovskaya@mail.ru

УДК 371.39

ЭВОЛЮЦИОННО-ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ К ПРОГНОСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

© 2017. С.Ф. Уманец

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Статья посвящена необходимости перехода от действующей адаптационной педагогической парадигмы высшего профессионального образования к следующему этапу своего развития в качестве эволюционно-онтологической теории. Суть эволюционно-онтологической концепции состоит в том, что профессиональные компетенции будущего педагога являются подсистемой «духовных компетенций», как базисных общечеловеческих знаний, умений и навыков в контексте взаимодействия человека с самим собой (все аспекты «самости»), другими людьми (общение; коммуникативные компетенции), средой (поведение) и её преобразованием (деятельность, в частности, прогностическую деятельность), включая и космическую реальность Мироздания.

Ключевые слова: духовность, эволюция, онтология, концепция, теоретическое исследование, парадигма, прогностическая деятельность, высшее профессиональное образование, космическая реальность.

Актуальность данной темы исследования заключается в том, что действующая адаптационная парадигма ограничена возможностями развития «духовных компетенций» человека. Действующая парадигма хорошо справляется, и в этом её большая заслуга перед обществом, с процессом формирования у студента высшей профессиональной школы профессиональных компетенций, обеспечивая ему статус «Я-профессионал». Однако в этой парадигме пока нет места для «духовных компетенций» человека. Естественно, что внимательный оппонент сразу же возразит, что это не так, мотивируя свою точку зрения тем, что в высшей школе присутствуют все элементы учебно-воспитательного процесса, в контексте обучения, развития и воспитания студента. Что позволяет формировать у студента в процессе обучения не только профессиональные, но и духовно-культурологические и творческие компетенции. Да, действительно, это так. Но все перечисленные выше компетенции рядорасположены. Мы же полагаем, что профессиональные компетенции второстепенны (человек имеет право менять, и меняет не один раз свою профессиональную ориентацию в течении жизни) к собственно бытию человека. А «духовные компетенции» (вера, надежда, любовь, сострадание, милосердие, добропорядочность, стремление к познанию себя, людей, Мироздания), вечны пока жив человек в материальном плане, и вечны в энергоинформационном плане Мироздания, когда человек, как космическая сущность, трансформируется в иную трансцендентальную реальность. Отсюда следует, что духовные компетенции являются базисными, ключевыми, а профессиональные - надстроечными, второстепенными. По этому поводу В.И. Андреев рассуждает, что в XXI веке появятся «новые мощные научно-педагогические школы, которые разработают такие инновационные педагогические теории и технологии, которые выведут человека и человечество на путь автоэволюции вплоть до Человека Космического [1, с. 7]. Актуализации и решению проблем духовности и прогностической деятельности в философской, психологической и педагогической литературе накоплен достаточный научный материал, но нигде не

поднимался и не поднимается вопрос о необходимости слияния духовного потенциала человека с его прогностической деятельностью на дидактическом и методическом уровнях, тем более на методологическом уровне: [1–5]. Философский подход при решении общих проблем духовности в человеческой цивилизации (космизм, эволюционность, связь человека с Мирозданием, саморазвитие личности) был взят нами на вооружение для построения методических разработок в образовательном процессе высшей школы, из научно-методологических наработок «Международного Центра Рерихов» и его ведущего структурного подразделения «Объединённого Научного Центра проблем космического мышления [2].

Современное содержание предмета «Педагогика» в университетском курсе, а также мотивационная его составляющая не соответствуют требованиям и вызовам человеческой цивилизации XXI века. Сейчас недостаточно того, чтобы студент в процессе обучения в вузе приобрёл определённую сумму профессиональных компетенций, научился логически мыслить, сформировав при этом определённое научное мировоззрение [3]. Это не спасёт его от перманентных экономических, информационных, инновационных, экологических, демографических и миграционных глобальных вызовов цивилизации, посеяв в душе рассеянность, страх и депрессию. В современном мире необходимо готовить студентов к выживанию, развитию и саморазвитию в любых изменяющихся и конкурентных условиях бытия. Для того, чтобы преодолеть выше обозначенные глобальные вызовы цивилизации и вывести высшее профессиональное образование республики на новый, перспективный путь развития и призвана эволюционно-онтологическая концепция. Чтобы уяснить каковы объект, предмет и цель исследования, систематизируем противоречия, которые подвигли наше исследование, между:

- объективно существующей, откровенной и агрессивной пропагандой «бытовых, потребительских и сомнительного толка культурологических возможностей» современного информационного общества, с одной стороны, и абсолютным равнодушием большей части социума к духовной стороне бытия человека, с другой стороны;

- актуальностью проблемы противостояния глобальным вызовам цивилизации и отсутствием целостной, методологически и теоретически обоснованной, педагогической концепции противостояния этим вызовам на кратко-, средне- и долгосрочную перспективу;

- существованием традиционной системы подготовки студентов в высшей школе, ориентированной на приоритет формирования и развитие профессиональных компетенций, и игнорирование вопросов, связанных с формированием и развитием «духовных компетенций»;

- необходимостью дидактических, методических и технологических педагогических разработок и отсутствием целостной, экспериментально проверенной, педагогической теории, имеющей чётко сформулированную и обоснованную методологическую платформу движения к цели - идеалу: «Студент – духовная целостность – космическая и постоянно эволюционно - прогрессирующая личность, находящаяся в системе познавательных координат «самости», сопричастности к бытию других людей и среды обитания и её преобразования, включая космос Мироздания»;

Цель статьи – обосновать и показать, что в той предметной области исследования, где осуществляется наш педагогический поиск, есть исходные моменты и возможности реализации пути, форм и методов формирования прогностических компетенций (синоним «духовных компетенций»), с одной стороны. А в конечном итоге, мы хотим «зарегистрировать» начало нового эволюционно-онтологического витка познания

педагогической реальности в сторону Человека Космического. Естественно, что этот эволюционно-онтологический виток познания педагогической реальности обширен в пространстве и растянут во времени, и условно может быть назван, как рабочее название, «Педагогика XXI века». А если энергию этого эволюционно-онтологического витка умело направить в русло современной компьютерной педагогики, обоснованно применив синергетический подход, естественно, расширив при этом объектную и предметную области исследования, то рабочее название «Педагогика XXI века», может быть смело переименовано на «Педагогику Третьего Тысячелетия». Однако, оставим пока среднесрочные и долгосрочные прогнозы в педагогике в арьергарде наших размышлений, и обратимся к краткосрочной прогностике. А именно, уточним, что предметом нынешнего педагогического исследования, являются теоретические и методические основы подготовки будущих педагогов профессионального образования к прогностической деятельности. Цель же исследования состоит в том, что назрела необходимость замены адаптационной парадигмы высшего профессионального образования на эволюционно-онтологическую педагогическую парадигму. Суть эволюционной составляющей предлагаемой концепции состоит в том, чтобы студент в процессе обучения в университете получил импульс саморазвития и включился в процесс трансформации себя из «объекта» (синоним «пассивный субъект» познания) обучения в «субъект» (синоним «активный субъект») познания себя (во всех аспектах «самости»), других людей (общение), среды обитания (поведение, деятельность в контексте педагогической прогностике). Суть же онтологической составляющей предлагаемой педагогической концепции состоит в том, что человека в целом, и студента, в частности, мы рассматриваем с позиций космизма. То есть человек – это микрокосмос, который теснейшим образом связан с макро- и мега- космосом – Мирозданием как таковым. В исследовании выдвинута гипотеза, что если адаптационную парадигму высшей профессиональной школы сменить на эволюционно-онтологическую педагогическую парадигму в контексте духовного развития и саморазвития студента, то:

- личностно-мотивационная составляющая подготовки будущих педагогов высшего профессионального обучения перейдёт на более высокий качественный уровень;

- студент, как «объект» обучения (синоним «пассивный субъект» познания), постепенно эволюционирует в «субъект» педагогического процесса (условно назовём этот процесс – началом духовного роста Космического Человека), в дальнейшем переходя в контексте «самости», в плоскость андрагогической педагогики непрерывного самообразования. То есть в процессе саморазвития субъект всё больше и больше будет, в целом, акцентироваться на «духовных компетенциях» и на прогностических, в частности, видя в этих прогнозах не только частные и общие сугубо педагогические тенденции, но и тенденции своего личностного духовного роста;

- обыденное сознание студента трансформируется в расширенное духовное сознание Космического Человека (как теоретическая идеальная модель идеального студента).

Общая же методологическая платформа исследования находится в трёх плоскостях:

1. Личностной (микромир человека, и в первую очередь его расширенное сознание и космическое мышление).

2. Земной (макромир – человеческая цивилизация, и прежде всего её целостный Земной Менталитет (а не национальный), и ноосфера Земли, как обобществлённое расширенное планетарное сознание, согласно теории В. Вернадского).

3. Космической (мегамир, имеется ввиду в первую очередь взаимосвязь космических и земных процессов во всех аспектах бытия, в том числе с сознанием отдельно взятого индивидуума), что логично вытекает из целостности Мироздания. А правильно сосуществовать и творить в Мироздании по его законам может только та личность, которая адекватна ему, Мирозданию, и соответствует формуле: «Я – ДУХОВНАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ». Суммируя, скажем, несколько иначе, что философской методологической платформой нашего педагогического исследования является энергоинформационный подход ко всем процессам, происходящим в Мироздании, включая человека, с одной стороны, и понимая человека, как информационно-энергетическую структуру, разумеется, относительно автономную и самодостаточную, с другой стороны.

В соответствии с целью, концепцией и выдвинутой гипотезой, обрисовываются следующие задачи исследования:

1. Раскрыть сущность эволюционно-онтологической концепции в контексте духовного развития и саморазвития будущих педагогов высшего профессионального обучения под углом зрения их, студентов, прогностической деятельности.

2. Теоретически обосновать и раскрыть особенности подготовки будущих педагогов профессионального обучения к прогностической деятельности в рамках эволюционно-онтологической философско-педагогической парадигмы.

3. Выявить пути, формы и методы реализации эволюционно-онтологической педагогической концепции в процессе подготовки будущих педагогов высшего профессионального образования к прогностической деятельности.

4. Разработать критерии сформированности прогностических компетенций (синоним «духовные компетенции») у будущих педагогов профессионального образования.

5. Определить и обосновать методологические, теоретические и научно-методические основы учебного спецкурса «Основы педагогической прогностики (университетский курс)».

6. В опытно-экспериментальной работе «прокрутить» рабочую гипотезу исследования и основные положения эволюционно-онтологической концепции.

Выводы.

1. Разумеется, что наука, в целом, не стоит на месте. И педагогическая прогностика развивается также [5]. Однако, те теоретические знания и умения, которые студенты получают в процессе теоретической и практической учебной проработки содержания спецкурса «Основы педагогической прогностики (университетский курс)», позволят сформировать основополагающие элементы прогностических компетенций, которые позволят им в дальнейшей их практической педагогической деятельности, быть более стресс устойчивыми и подготовленными к различного рода неожиданностям.

2. В чём же просматриваются перспективы дальнейшего научного поиска в рамках обозначенной предметной области исследования? Дело в том, что, ограничивая данный научный поиск обозначенной предметной областью исследования (кстати, напомним, что предметом данного педагогического исследования являются теоретические и методические основы подготовки будущих педагогов профессионального обучения к прогностической деятельности), мы, как бы, хотим этого или нет, ограничиваем и результаты исследования. Но стоит нам расширить предмет научного поиска за счёт онтологической составляющей авторской концепции (напомним концепцию нашего исследования: эволюционно-онтологическая), оставаясь

в рамках того же объектного поля исследования, то в педагогической науке реально может появиться новое направление – «Духовная космическая педагогика». Разумеется, предикат «духовный» не имеет никакого отношения к религии и теологии, а наполнен чисто научным, светским смысловым миропониманием и мироощущением.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев В.И. Концептуальная педагогическая прогностика: монография / В.И. Андреев. – Казань: Центр инновационных технологий, 2010. – 220 с.
2. Международный Центр Рерихов (МЦР).Объединённый Научный Центр проблем космического мышления. [Электронный ресурс]. – www.icr.su/onckm
3. Новиков А.М. Основания педагогики/ Пособие для авторов учебников и преподавателей. – М.: Изд-во «Эгвес», 2010. – 208 с.
4. Педагогическая прогностика: Методология, теория, практика. Б.С. Гершунский. Киев: Изд-во при Киев. ун-те ИО «Вища школа». 1986. – 200 с.
5. Урсул А.Д ., Урсул Т.А. Эволюционные парадигмы и модели образования XXI века [Электронный ресурс]. – Электронные журналы издательства notabene.

Поступила в редакцию 22.05.2017 г

EVOLUTIONAL - ONTOLOGICAL CONCEPT OF PREPAIRING FUTURE TEACHERS OF VOCATIONAL TRINING TO PROGNOSTIC ACTIVITY

S.F. Umanets

The article stresses the necessity of transition from the acting adaptational pedagogical paradigm of higher professional education to the next stage of development as an evolutionary-ontological theory. According to this theory, the future teacher's professional skills form the subsystem of "spiritual competences", which are treated as basic human knowledge, abilities and skills in person's self-interaction, as well as interaction with other people (communication, communicative competences), interaction with the environment (behaviour) and its transformation (activity in general and prognostic activity, in particular), including space reality of the Universe.

Keywords: spirituality, evolution, ontology, concept, theoretical research, paradigm, prognostic activity, higher professional education, space reality.

Уманец Сергей Федорович.

Кандидат педагогических наук.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

E-mail: umanecsf@mail.ru

Umanets Sergey Fedorovich.

Candidate of Pedagogy.

Donetsk National University.

E-mail: umanecsf@mail.ru

УДК 378.147

РОЛЬ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОГО ИНЖЕНЕРА В ОБЛАСТИ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

© 2017. *В.С. Рогова*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный технический университет»

В статье рассматривается проблема конкурентоспособности инженеров в современных условиях рыночной экономики и необходимости международного сотрудничества (консалтинговые организации), а следовательно, и актуальных задач социально-экономического развития страны. На сегодняшний день выпускники инженерного профиля должны быть подготовлены в соответствии с международными стандартами качества высшего инженерного образования.

Ключевые слова: рынок труда, международное сотрудничество, евроинженер, конкурентоспособность, профессиональная компетентность, инновации.

Постановка проблемы и актуальность исследования. Решение сложных проблем науки, техники и экономики сегодня невозможно без участия высококвалифицированных специалистов инженерного профиля. Инженерная деятельность является не только ключевым звеном в знаковой цепочке «наука-техника-производство», а также в большинстве своем видом качественного умственного труда. Новая техника требует, с одной стороны, эффективного инженерного мышления, направленного на поиск оптимальных решений в области взаимодействий «человек-машина», а с другой – духовной и нравственной зрелости будущего инженера, умения гуманно решать сложные технические проблемы, которых с развитием промышленности любого государства, экономического роста и, как следствие, усиливающейся конкуренции появляется все больше [1, с. 3]. Поэтому в настоящее время для решения данных задач профессионалы, благодаря достаточному уровню мобильности и специально-практической подготовке, тяготеют к опыту зарубежных стран.

Председатель совета директоров «Инжиниринговой компании “2К”», первый вице-президент российского союза инженеров Иван Андриевский в одном из интервью на радиостанции «Вести FM» четко обозначил проблемы индустриализации, экономического развития современного общества и роли международного сотрудничества. В начале диалога были обозначены основные цели усовершенствования производства, среди которых – «энергосбережение, экономия денежных ресурсов и экологический эффект». Для этого необходимо внедрять инновационные технологии в различные секторы народного хозяйства. В связи с этим многие отечественные предприятия пользуются платными услугами международных консалтинговых компаний, которые разрабатывают стратегии роста и улучшения той или иной сферы производства. Но наряду с так называемой помощью, как отмечает И. Андриевский, существует опасность утечки новых идей в данной сфере и оттока грамотных специалистов за границу. Ведь, сопровождая процесс реализации, иностранные консультанты находятся в тесной взаимосвязи, как с документацией, так и с коллективом определенной организации. Выход, по мнению вице-президента российского союза инженеров, только один: «Как достигают успеха иностранцы, нужно изучать самим, пропускать через себя и жить своими мозгами!».

Поэтому можно сделать вывод, что спрос на рынке труда на специалистов определенного направления и квалификации в современном обществе вступил в противоречие с традиционной их подготовкой, с номенклатурой специальностей и специализаций. Это проявляется в том, что студентам необходимы дополнительные к основным циклы дисциплин, умения и навыки из области международной экономики, производства и иностранного языка [2, с. 128]. Только такой специалист, обладающий добавочным опытом, сможет более выгодно «продать» свою профессиональную компетентность и конкурировать за рабочие места на рынке труда.

Вследствие обозначенной проблемы возникает необходимость формирования конкурентоспособности инженера в процессе профессиональной подготовки, а также в области международного сотрудничества, что является залогом успешности образования и последующего трудоустройства.

Формирование конкурентоспособности специалистов в условиях рыночной экономики является одной из важнейших задач развития современного высшего образования. Этот аспект рассматривается в работах С.Я. Батышева, А.П. Беляева, В.Н. Демина, Р.И. Ибрагимова, А.Я. Найна, Ю.Н. Петрова, П.Н. Осипова, Н.Г. Ярошенко и др. Исследованию подготовки специалистов в высших технических учебных заведениях посвящены работы Н.Б. Крылова, Р.Н. Александрова, В.Н. Кузнецова, В.В. Логинова, А.В. Филиппова, Н.И. Скаржинского, В.Р. Горохова, В.П. Трушкина, которые определяли, что она недостаточно отвечает современным критериям общества. В трудах Р.В. Кружкова, Ю.А. Куцова, И.И. Сигова, С.А. Кугель, Б.М. Александрова, Л.А. Полетаева, Е.С. Чугунова, Б.А. Зепы достаточно уделялось внимания требованиям к будущему инженеру, его профессиональным качествам. Но, на наш взгляд, они были сформулированы без ориентации на интеграцию инженерного фундаментального образования в мировое экономическое пространство, на новые изменения социально-экономических условий, чем и обусловлена **актуальность** нашего исследования.

Изложение основного материала. Проблема подготовки конкурентоспособных кадров в последнее время достаточно актуальна в исследованиях различных научных направлений. Это связано с социально-экономическим развитием нашей страны, новой индустриализацией и соответственно стратегическими задачами высшего образования.

Согласно современным требованиям к высшей специальной подготовке необходимо учитывать стратегию международного развития и измерений профессиональных квалификаций Европейского стандарта. Интеграционные процессы, происходящие в Европе, инициировали создание европейской федерации национальных инженерных организаций (Federation Europeenne d'Associations Nationales d'Ingenieurs – FEANI), которая представляет интересы технических профессий, ее членами являются более 80 национальных инженерных ассоциаций из 27 стран. Учитывая существующие различия в системах высшего образования стран ЕС и России, FEANI допускает различные образовательные траектории, ведущие к получению статуса профессионального инженера в Европе, которые представляют собой комбинацию трех основных составляющих:

- обучение в вузе;
- производственная практика;
- опыт практической профессиональной деятельности [3].

Основной целью FEANI является защита и представление интересов инженера в структурах различных стран Европы, оказание ему содействия в профессиональном и карьерном росте, повышении квалификации и свободном передвижении на мировом рынке труда. FEANI за более чем 60 лет удалось наладить систему ценностей, которая

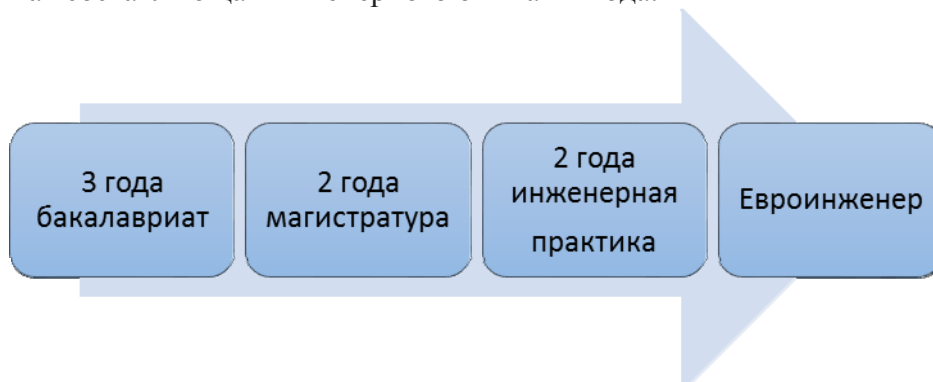
стимулирует высокий стандарт профессиональной компетентности инженера, а базисом являются: образование -I ступень, опыт-II ступень. На III ступени открывается возможность получения права на международную сертификацию и регистрацию, которая базируется на статусе «Professional Engineer» или «EurEng».

Особенностью системы регистрации инженеров является ограниченный срок действия сертификата, что вынуждает его обладателя ежегодно повышать свою квалификацию, т.е. придерживаться модели «обучения через всю жизнь» (Life Long Learning).

Являясь одной из самых влиятельных технических организаций Европы, FEANI учредила почетный титул «Евроинженер». Претенденты на получение этого титула должны получить хорошее инженерное образование; иметь многолетний опыт инженерных исследований, анализа и проектирования, а также соблюдать профессиональную этику. Отбор соискателей производится в две стадии: сначала на национальном уровне, затем качества аппликата проверяет Европейский Мониторинговый Комитет. Обладатели титула EUR-ING получают Соответствующий диплом и вносятся в FEANI Register, который хранится в Брюсселе.

Для разных категорий образования FEANI рассматривает разные стандарты профессионального статуса соискателей на EurIng, Professional Card:

1. Образование получено в странах списка Индекс FEANI.
2. Минимальный срок формирования специалиста как профессионального инженера по стандарту FEANI Formation составляет 7 лет, т. е. Для выпускника магистерской программы по схеме: 3 года бакалавриата плюс 2 года магистратуры, минимальная составляющая инженерного опыта - 2 года.

В развитых странах мира созданы и успешно действуют системы, программы сертификации и регистрации инженеров с использованием соответствующих критериев и процедур, стимулирующих достойный уровень компетенции инженера. Аккредитация системных программ осуществляется неправительственными, независимыми общественно-профессиональными организациями, имеющими статус международных и таких, которые действуют на территориях стран, входящих в них. Действие одной из организаций мы уже описали выше.

В Российской Федерации также существует Союз научных и инженерных общественных объединений (СНИО), который наладил сотрудничество с FEANI.

Основными задачами СНИО являются:

- содействие развитию и укреплению деловых связей членов Союза, взаимному обмену информацией по различным направлениям науки, техники, производства и опытом работы общественных объединений, совершенствованию инженерного образования;
- координацию деятельности членов Союза в разработке и реализации научно-технических проектов и программ, прогнозов развития науки и техники;

• содействие расширению общественных международных связей и сотрудничества ученых, инженеров и специалистов по основным направлениям деятельности Союза, научного туризма.

На сегодняшний день международное сотрудничество нужно развивать и знакомить потенциальных будущих инженеров с его особенностями еще в процессе профессиональной подготовки. Приведенная выше информация дает толчок к более глубокому исследованию личных качеств и педагогических условий образования будущих инженеров, которые бы позволяли им с учетом экономической ситуации рынка труда, собственных возможностей и потребностей эффективно конкурировать и реализовывать свой потенциал.

Заключение. Следовательно, интеграция в Европейское и мировое содружество, социально-экономические и духовные процессы, которые происходят в обществе, переход к рыночным методам управления требуют профессионально подготовленного кадрового обеспечения. Последнее, в свою очередь, предопределяет реформирование системы образования, усиления инновационных трансформаций, организации, учебно-познавательной деятельности, требует ориентации на личность, на ее потребности, на создание благоприятных условий для развития и самореализации всех субъектов педагогического процесса. Неслучайно в официально нормативных документах государства отмечается необходимость подготовки конкурентоспособных специалистов, которые способны не только осознать законы функционирования свободного рынка и найти в нем свое профессиональное место, но и иметь высокий уровень профессиональной компетентности и быть мобильным на рынке труда. А также, уже являясь сотрудником того или иного предприятия, специалист должен умело овладевать производственными знаниями и подстраиваться под изменяющиеся условия индустриализации, в том числе и в условиях международного сотрудничества. Ведь реалии сегодняшнего дня – это рыночная экономика с ее неотъемлемыми мегатрендами: глобализацией, технологиями и конкуренцией, которые находятся в сложной зависимости и обуславливают динамику каждого из них. При этом «технологии порождают конкуренцию и ускоряют глобализацию, которая, в свою очередь, стимулирует усиление конкуренции» [4].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Морозов В.В., История инженерной деятельности. Конспект лекций / В.В. Морозов, В.А. Николаенко – Харьков: НТУ «ХПИ», 2007. – 336с.
2. Лаврентьев Г.В., Инновационные обучающие технологии в профессиональной подготовке специалистов. Часть 2 / Г.В. Лаврентьев, Н.Б. Лаврентьева, Н.А. Неудахина - Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета, 2004. – 203с.
3. Алисултанова Э.Д., Компетентный подход в инженерном образовании: монография / Э.Д. Алисултанова – Академия Естествознания, 2010. – 154с.
4. Козлов А.В. Конкурентоспособность выпускника вуза на рынке труда // Глобальный экономический кризис: реалии и пути преодоления: Сб. науч. статей. – СПб.: Институт бизнеса и права, 2009.
5. Союз научных и инженерных объединений Украины [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://snio.org.ua/feani_ru.html свободный. – Загл. С экрана. – Яз. рус., укр., англ. (дата обращения: 03.09.2017).
6. Международный союз научных и инженерных общественных объединений [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.rusea.info/intindex> свободный. – Загл. С экрана. – Яз. рус. (дата обращения: 03.09.2017).
7. Ассоциация инженерного образования России [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.as-gaee.ru> свободный. – Загл. С экрана. – Яз. рус., англ. (дата обращения: 03.09.2017).

Поступила в редакцию 07.09.2017 г.

THE ROLE OF THE COMPETITIVE ENGINEER IN INTERNATIONAL COOPERATION

V.S. Rogova

The article considers the problem of engineers competitiveness in modern conditions of market economy and the need for international cooperation (consulting organization), and therefore the urgent tasks of socio-economic development of the country. To date, graduates of engineering should be prepared in accordance with international standards of quality of higher engineering education.

Key words: labour-market, international cooperation, euroengineer, competitiveness, professional competence, innovation.

Рогова Виктория Сергеевна

Ассистент кафедры технического иностранного языка.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный технический университет».

E-mail: viktorijay@mail.ru

Rohova Viktoriia Sergiivna

Lecturer of technical foreign language Department.
National technical University Donetsk.

E-mail: viktorijay@mail.ru

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. Для публикации в журнале «Вестник Донецкого национального университета. Серия Б: Гуманитарные науки» принимаются не опубликованные ранее научные работы, содержащие новые результаты исследований в области истории, философии, филологии, педагогики. Статьи, представленные для публикации в других журналах, к рассмотрению не принимаются. Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала после рецензирования, учитывая научную значимость и актуальность представленных материалов. Рукописи, не соответствующие редакционным требованиям, и статьи, не соответствующие тематике журнала, к рассмотрению не принимаются. Если рецензия положительна, но содержит замечания и пожелания, редакция направляет статьи авторам на доработку вместе с замечаниями рецензента. Автор должен ответить рецензенту по всем пунктам рецензии. После такой доработки редколлегия принимает решение о публикации статьи. В случае отклонения статьи редакция направляет авторам либо рецензии или выдержки из них, либо аргументированное письмо редактора. Редколлегия не вступает в дискуссию с авторами отклонённых статей, за исключением случаев явного недоразумения. Рукописи авторам не возвращаются. Статья, задержанная на срок более трех месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая. Редакция оставляет за собой право проводить редакционную правку рукописей. Корректур статей авторам не высылаются.

2. Рукопись подаётся в одном экземпляре (на русском или английском языках), напечатанном с одной стороны листа бумаги формата А4 (экземпляр подписывается авторами). Объём рукописи, как правило, не должен превышать 15000 – 20000 знаков, включая рисунки, таблицы, список литературы. Страницы рукописи должны быть последовательно пронумерованы. Параллельно с рукописью на адрес редколлегии (terkulov@rambler.ru) высылается во вложении полный текст статьи (в формате WORD, Office 97-2010). В случае невозможности передачи в редколлегию рукописи на электронную почту редакции высылается во вложении полный текст статьи в формате pdf.

Основной текст статьи — шрифт Times New Roman, размер 12 пт., с выравниванием по ширине;

Резюме, список литературы, таблицы, подрисуночные подписи — шрифт Times New Roman, размер 10 пт.

Текст набирается без автоматической расстановки переносов.

Поля **зеркальные**: верхнее — 20 мм, нижнее — 25 мм, слева — 30 мм, справа — 20 мм. Междустрочный интервал — одинарный.

Абзацный отступ — 1 см.

3. Текст рукописи должен быть построен по следующей структурной схеме:

– Индекс УДК в верхнем левом углу страницы (без абзацного отступа).

– **НАЗВАНИЕ** статьи — полужирный, по центру (прописными буквами без переноса слов);

– Через строчку: копирайт ©, год, инициалы и фамилия авторов: полужирный, курсив, выравнивание по левому краю без абзацного отступа.

– Через строчку: аннотация на русском языке (10 кегль) объемом до 500 печатных знаков (с пробелами), которая должна кратко отражать цели и задачи проведенного исследования, а также его основные результаты. **Ключевые слова** (3–5 слов).

Образец оформления начала статьи

УДК 811.161.1'373.611

ГЛАГОЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ С ПРЕДЛОГОМ ПОД СО ЗНАЧЕНИЕМ СРАВНИТЕЛЬНО-УПОДОБИТЕЛЬНЫМ

© 2016. А. В. Петров

В статье проанализированы глагольные конструкции с предлогом *под*, имеющим сравнительно-уподобительное значение. В глагольных конструкциях исследованы компоненты логической формулы сравнения, их состав и лексическая наполняемость: отнесённость к именам одушевлённым или неодушевлённым, именам нарицательным или собственным, конкретным или абстрактным, арте- или биофактам.

Ключевые слова: глаголы со значением подобия, глагольные конструкции с предлогом под, сравнительно-уподобительное значение предлога под, логическая формула сравнения.

– Через строчку – текст статьи (12 кегль), который включает введение, основную часть и заключение.

Введение: постановка проблемы в общем виде и связь с важнейшими научными и практическими задачами, краткий анализ последних исследований и публикаций, в которых начато решение данной проблемы и на которые опирается автор, выделение нерешенных ранее частей общей проблемы, которым посвящена статья, формулировка цели и задач статьи.

Основная часть: основные материалы исследования с полным обоснованием полученных научных результатов; как правило, содержит такие структурные элементы: постановка задачи, метод решения, анализ результатов.

Заключение: констатация решения поставленных во введении задач, перспективы дальнейших изысканий в данном направлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ (10 кегль без абзацного отступа). Перечень литературных источников (СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ) приводится общим списком в конце рукописи в порядке ссылок в тексте (а не в алфавитном порядке) на языке оригинала в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание» и ГОСТ 7.05-2008 «Библиографическая ссылка». Ссылка на источник дается в квадратных скобках. Ссылки допускаются только на опубликованные работы. Необходимо включение в список как можно больше свежих первоисточников по исследуемому вопросу (не более чем трех-четырёхлетней давности). Не следует ограничиваться цитированием работ, принадлежащих только одному коллективу авторов или исследовательской группе. Желательны ссылки на современные зарубежные публикации.

Словосочетание **СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ** (Полужирный) выравнивается по левому краю.

Образец

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры : сб. / Пер. с англ., фр., нем. исп., польск. яз.; Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой. – М. : Наука, 1990. – С. 5–33.
2. Белозерова Е. В. Текстовые реализации лингвокультурных концептов / Е. В. Белозерова // Профессиональная коммуникация: проблемы гуманитарных наук : [сб. науч. тр.]. – Волгоград : ВГСХА, 2005. – Вып. 1. Филология, лингвистика, лингводидактика. – С. 10–17.
3. Леонтьев А. А. Психолингвистические особенности языка СМИ [Электронный ресурс] / А. А. Леонтьев. – Режим доступа: [http : // genhis.philol.msu.ru/article_286.shtml](http://genhis.philol.msu.ru/article_286.shtml) (дата обращения: 25.10.2014).

4. Магера Т. С. Текст политического плаката: лингвориторическое моделирование (на материале региональных предвыборных плакатов) : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Т. С. Магера. – Барнаул, 2005. – 18 с.
5. Методология исследований политического дискурса : [сб. научн. тр. / под ред. Васюткина Е. С.] – М. : Мысль, 2000. – 347 с.

– Далее приводится текст на английском языке (10 кегль):

○ название статьи (полужирный шрифт – выравнивание по центру),

○ инициалы и фамилия автора (авторов) (полужирный курсив – выравнивание по ширине),

○ аннотация, ключевые слова (словосочетание **Key words**: – полужирный курсив) – выравнивание по ширине.

Образец.

VERBAL CONSTRUCTIONS WITH THE PREPOSITION 'UNDER' IN THE MEANING OF COMPARISON AND SIMILARITY

A.V. Petrov

The study deals with the constructions formed on the pattern «the verb with the meaning of similarity + preposition *under* with the meaning of comparison and similarity + the noun in the Accusative case». The components of the logical formula of comparison have been considered as well as their structure and lexical characteristics. The following lexical features have been revealed: their relatedness to animate or inanimate names, concrete or abstract names, generic names or proper names, artifacts or bio facts.

Key words: verbs with the meaning of similarity, verbal constructions with the preposition *under*, the preposition *under* in the meaning of comparison and similarity, a logical formula of comparison.

– В конце статьи обязательно указываются (10 кегль, полужирный, выравнивание по ширине) следующие сведения об авторах: фамилия, имя, отчество всех авторов полностью (на русском и английском языке); ученая степень и звание (на русском и английском языке); полное название организации – место работы каждого автора в именительном падеже, страна, город (на русском и английском языке); должность; адрес электронной почты каждого автора.

Образец:

Петров Александр Владимирович.

Доктор филологических наук, профессор.

Таврическая академия Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского.

Заведующий кафедрой русского, славянского и общего языкознания факультета славянской филологии и журналистики.

E-mail: liza_nada@mail.ru

Petrov Alexandr Vladimirovich

Doctor of Philology, Professor

Taurida Academy of Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky

Head of Russian, Slavic and General Linguistics Department

E-mail: liza_nada@mail.ru

4. Отдельным файлом подаются сведения об авторах (фамилия, имя, отчество, учёная степень, учёное звание, место работы, должность, почтовый адрес, телефон, E-mail) – для авторской картотеки «Вестника».

5. В отдельном файле и на отдельном листе подаются **фамилия и инициалы автора**, а также **название статьи на русском и английском языках**. При этом фамилия и инициалы автора набираются через неразрывный пробел и с разреженным межбуквенным интервалом (3 пт).

Образец

Петров А. В. Глагольные конструкции с предлогом под со значением сравнительно-уподобительным.

Petrov A. V. Verbal constructions with the preposition 'under' in the meaning of comparison and similarity

6. Аспиранты и соискатели вместе со статьёй подают рецензию научного руководителя.

7. Авторы научных статей несут персональную ответственность за наличие элементов плагиата в текстах статей, в т. ч. за полноту и достоверность изложенных фактов и положений

8. Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

9. Контактная информация:

83001, г. Донецк, ул. Университетская, 24, Филологический факультет (ауд. 451, 452).

Ответственный редактор: **Теркулов Вячеслав Исаевич**, д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Донецкого национального университета (E-mail: terkulov@rambler.ru).

Ответственный секретарь: **Разумный Виталий Витальевич**, канд.ист.наук, доцент, доцент кафедры всемирной истории ДонНУ (E-mail: razumnyi.vitalii@yandex.ru).

Научное издание

Вестник Донецкого национального университета

Серия Б. Гуманитарные науки

Научный журнал

2017. – № 2

На русском, украинском и английском языках

Технические редакторы: М.В. Фоменко, В.С. Хитеева

Свидетельство о регистрации СМИ № 000076 от 21.11.2016 г.

Подписано в печать 29.09.2017 г.
Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Печать – цифровая. Условн. печ. л. 17,5
Тираж 100 экз. Заказ № _____

Издательство ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
83001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.
Тел.: (062) 302-92-27.

Свидетельство о внесении субъекта издательской деятельности
в Государственный реестр
серия ДК № 1854 от 24.06.2004 г.